

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

ЛАДИСЛАС ФАРАГО

ИГРА ПИСИЦ

Секретные операции абвера
в США и Великобритании

Ладислас Фараго

**Игра лисиц. Секретные операции
абвера в США и Великобритании**

«Центрполиграф»

Фараго Л.

Игра лисиц. Секретные операции абвера в США и Великобритании
/ Л. Фараго — «Центрполиграф»,

Книга рассказывает о деятельности германской службы военной разведки абвер, специализировавшейся на шпионаже в США и Великобритании. На основе обнаруженных в конце Второй мировой войны в Государственном архиве Германии зашифрованных записей, автор воссоздает деятельность абвера во всех подробностях – подготовка и проведение тайных операций, двойная жизнь агентов, их клички и реальные имена.

Содержание

Вступление	5
ЭПИТАФИЯ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЕ	9
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	46
Часть вторая	55
Глава 7	55
Глава 8	59
Глава 9	66
Глава 10	74
Глава 11	79
Глава 12	87
Глава 13	92
Часть третья	104
Глава 14	104
Глава 15	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Ладислас Фараго

Игра лисиц. Секретные операции абвера в США и Великобритании

Вступление

КАК БЫЛИ УТЕРЯНЫ И НАЙДЕНЫ БУМАГИ АБВЕРА

Более десяти лет я собирал материалы для книги об абвере, германской секретной службе, возглавляемой адмиралом Вильгельмом Канарисом, и не раз приходил к выводу о невозможности воссоздать в полном объеме картину тайной деятельности этой организации, поскольку казалось очевидным, что в конце войны гитлеровцы уничтожили все документы, касающиеся ее работы. Но вот в 1967 году на одном из темных чердаков Национального архивного управления в Вашингтоне я обнаружил металлический ящик, а в нем сотни небольших желтых коробок с микропленками, часть материалов по недавней истории Германии, захваченных союзниками в 1945 году.

Судя по слою пыли и нетронутым печатям на коробках, они никогда не открывались и не были обнаружены даже группой исследователей из Американской исторической ассоциации, составившей замечательный каталог миллионов трофейных документов. Коллекция была такой же нетронутой, как и тогда, когда она была найдена в Бремене группой офицеров американской разведки, возглавляемой, судя по надписи на металлическом ящике, капитаном ВМФ Л.С. Викарсом.

Руководствуясь указаниями доктора Роберта Уолфа и Ричарда Бауэра, хранителей трофейных немецких документов, я, просмотрев всего несколько роликов, понял, что сделал исключительно важное открытие. На многих десятках рулонов микропленки, каждый из которых содержал примерно тысячу кадров, были сфотографированы документы гамбургского и бременского управлений абвера, специализировавшихся на ведении разведки в Великобритании и Соединенных Штатах.

Много лет я пытался найти первоисточники о кадрах и деятельности абвера, но и в Вашингтоне, и в Лондоне получал категорические заявления о том, что все документы абвера были уничтожены владельцами, чтобы предотвратить их захват союзниками.

Впервые абвер предстал в своем подлинном облике, далеком от того, какой пытались придать ему доброжелатели и те, кто хотел бы приуменьшить его зловещую роль. На микропленках запечатлено описание как уже известных операций, но в совершенно ином освещении, так и бесчисленных комбинаций с участием некоторых видных американцев и англичан, о второй, тайной жизни которых так бы никто никогда и не узнал.

Внезапно, словно в ярком свете, появились фигуры руководителей немецкого шпионажа, подробные биографии и фотоснимки абверовских агентов. Здесь была и объемистая финансовая отчетность, на ведении которой всегда настаивал педантичный и прижимистый начальник финансового отдела Тёпкен.

Никогда еще во всей огромной литературе о шпионаже ни одна разведка ни одной крупной державы не была представлена так полно и аргументированно, на основе таких неоспоримых доказательств, как ее собственные документы. По совершенно понятным причинам большинство архивов разведывательных служб любой страны скрыто в недоступных хранилищах, и, по всей вероятности, навсегда. Хотя большевики в упоении победой в 1917–1918 годах и

разрешили доступ к документам охраны, царской тайной полиции, Советское правительство никогда не разрешало публиковать или хотя бы знакомиться с бумагами архивов разведывательной службы царского Генерального штаба. В одной из старейших разведок – английской Интеллидженс сервис – до сих пор засекречены даже некоторые материалы, относящиеся к деятельности сэра Фрэнсиса Уолсингема и сэра Вильяма Идена, то есть к XVI и XVIII векам. А здесь оказались доступными практически все документы одной из крупнейших разведок мира, позволяющие ознакомиться со всеми сторонами ее оперативной деятельности.

Немецкая разведывательная служба состояла из двух более или менее автономных подразделений. Одно из них занималось Востоком, главным образом Советским Союзом, другое – Западом, в основном Францией, Великобританией и США. В моей книге собраны материалы о наступательном немецком шпионаже против Великобритании и Соединенных Штатов за период с 1920 года, когда в нарушение Версальского договора была восстановлена военная разведка, до поражения Германии в 1945 году, когда германская разведывательная служба была якобы ликвидирована.

Материалы абвера составляют сравнительно небольшую часть огромного количества обнаруженных документов, представляющих собой практически все, что было выпущено немецкой бюрократией. Эта уникальная коллекция состоит из 17 478 рулонов микропленки, на которых заснято около 18 миллионов документов. Для сравнения отметим, что материалы о Гражданской войне в США сфотографированы на 2185 рулонах. Все немецкие секретные архивы частично были умышленно переданы союзникам, частично попали к ним случайно, но главным образом потому, что по каким-то причинам, бюрократическим или сентиментальным, педанты хранители не уничтожили их.

Распределение секретных архивов началось уже в 1943 году, когда усилились бомбежки Берлина. Архивы вывозились в различные тайные хранилища, затем переправлялись в другие, еще более надежные, как считали тогда владыки Третьего рейха, в бомбоубежища в горах Гарца, в Тюрингии, в Берхтесгадене и даже на дне Боденского озера.

В 1945 г., в последние недели войны, основательно разрушенные немецкие дороги были забиты караванами грузовиков с архивами министерства иностранных дел, Верховного командования вермахта, ведомства Гимmlера и других важных организаций, тщетно пытавшихся достичь мест назначения. 19 апреля части 1-й американской армии захватили свыше 300 тонн материалов германского министерства иностранных дел, в том числе бесчисленное множество копий с документов абвера. Вскоре в Баварии были обнаружены полностью сохранившиеся другие материалы МИДа, а затем в Тамбахе авангардные подразделения 3-й американской армии генерала Паттона захватили колонну грузовиков со всеми бумагами военно-морского министерства Германии, включая подлинные сверхсекретные военные дневники и судовые журналы немецких подводных лодок.

Приказ об уничтожении всех секретных документов был издан 10 апреля, после чего были сожжены дела штаба оперативного руководства вооруженными силами, возглавлявшегося генералом Йодлем, гестапо и управления абвера в Цоссене. Однако в большинстве случаев приказ либо вообще не выполнялся, либо выполнялся так медленно, что в нацистских тайниках к моменту подхода американских, английских и французских частей оказалась уничтоженной лишь небольшая часть материалов.

Многих важных документов в тайниках не оказалось (очевидно, первые экземпляры были сожжены), однако их удалось восстановить, поскольку в соответствии с обычной бюрократической практикой даже с самых секретных материалов снималось несколько копий. Именно поэтому некоторые документы абвера были найдены в архивах других ведомств. Среди случайно обнаруженных мной в американских архивах материалов наиболее важным является полный архив бременского управления абвера – бесчисленные копии различных документов,

исходивших из центрального аппарата абвера в Берлине, его различных подразделений в Германии и зарубежных резидентур.

В процессе работы над книгой я просмотрел свыше тысячи рулонов микроплёнки, то есть более миллиона страниц документов, изучил 34 нигде не учтенных рулона и почерпнул из них богатейший материал, еще никем не использованный в литературе.

Трудно переоценить значение находки. Обнаруженные материалы доказывают прежде всего то, что ни одна разведка, какой бы разветвленной и эффективной она ни была, не в состоянии предугадать неумолимый ход событий. Абвер располагал сотнями агентов в районе, прилегающем к западной части Средиземного моря, однако не смог предупредить свою клиентуру о времени начала операции «Торч» – вторжении союзных войск в Северную Африку осенью 1942 года. Несмотря на огромные усилия, немецкая разведка так и не сумела своевременно установить, когда и где начнется высадка союзников в Европе в 1944 году, и информировать об этом Гитлера.

Разведывательные службы оказывали и оказывают гораздо большее влияние на ход истории, нежели на историков. За любым крупным событием, за спиной каждого государственного деятеля, причастного к этим событиям, стояли разведчики, однако авторы научных хроник то ли из-за высокомерия, то ли из чувства брезгливости игнорируют их вклад и редко называют их имена. Даже те политики, дипломаты и генералы, кому секретные агенты оказали неоценимую помощь, как правило, умалчивают об этом в своих мемуарах.

В своей книге я делаю попытку исправить это упущение, опираясь на архивные документы, доступ к которым открыла только мировая война.

О чем же свидетельствуют документы абвера Канариса?

Из его собственных документов следует, что он был редкой птицей в огромном вольере секретных служб. Он не пользовался безжалостными грубыми методами русской охранки, ЧК и ГРУ, не отличался ни циничностью и лицемерием Сикрет интеллидженс сервис их величеств, ни бездумным любопытством японцев, ни интриганством итальянских служб времен Муссолини, ни заговорщическим характером Второго бюро¹. Несмотря на свою неприглядную репутацию, которую он приобрел из-за того, что его часто путали с гестапо и СД, он работал кропотливо и целеустремленно, хотя некоторые его операции казались, а часто и были наивными и нерешительными.

Как заметил в свое время генерал Джордж Маршалл, «секретная служба должна быть секретной». Даже сотрудникам аппарата секретных служб вместо подлинных фамилий присваиваются псевдонимы, агенты значатся под номерами, встречи с ними (явки) проводятся тайно, работа ведется на конспиративных квартирах. Естественно, что, несмотря на обилие документов, сорвать маску с абвера оказалось делом далеко не легким. Так, одна из телеграмм гласила: «Встречаюсь с А-3504 в стране 18». Лишь после тщательной работы удалось выяснить, что А-3504 – это агент-двойник Артур Джордж Оуэне, а «страна 18» – Португалия, буквально кишевшая во время войны агентами различных разведок. Номера агентов, под которыми скрывались их личности, и закодированные названия операций представляли собой мучительные головоломки. Мне, например, потребовалось два года, чтобы установить личность одного крупного агента, действовавшего в США, и собрать о нем необходимые данные, чтобы поместить его в это повествование.

В конце концов из-под покрова тайны показалась не только вся огромная система абвера, но также система и люди секретных служб его противников, сошедшихся в смертельной схватке. Документы, на которых основана эта книга, раскрывают не просто внутреннюю историю организации Канариса. Через призму абвера можно видеть любую крупную разведывательную службу, как из тех, что существовали прежде, так и из тех, что действуют сегодня.

---

¹ Второе бюро – французская контрразведка. (Примеч. пер.)

*Ладислас Фараго
Чёрч-Хилл
Нью-Милфорд, Коннектикут*

ЭПИТАФИЯ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЕ

Возвращение к сцене преступления, к любовному эпизоду или к любому необычному событию жизни всегда является мучительным переживанием. Так было и со мной, когда летом 1970 года я бродил по Берлину, вновь навещая места, связанные с историей абвера, или то, что от них осталось. Я смутно помню их с тех пор, когда был корреспондентом в Германии. Хотя они и являются достопримечательностями особого рода, они не относятся к таким, как Бранденбургские ворота или Пергамонский алтарь, которые показывают туристам, проезжающим мимо на экскурсионных автобусах.

Когда я думаю об абвере, в памяти всплывает Тирпиц-Уфер, каменный парапет вдоль Ландвер-канал, на который выходит огромный квартал, в котором обитала обширная военная бюрократия Германии. На углу набережной и Бендлерштрассе (улицы, название которой стало символом германского милитаризма) расположено главное здание военного министерства с высокими колоннами и широкими ступенями. Дальше по улице располагался Генеральный штаб армии, огромный комплекс которого протянулся почти до Тиргартен-парка с его подстриженными лужайками, подстриженными деревьями, клумбами роз, маленькими озерцами с лебедями и ухоженными дорожками.

Вдоль серой ленты воды тянулся ряд изящных городских особняков. Под номером 72–76 по набережной Тирпиц возвышалось шестиэтажное здание абвера².

Из-за опасных действий германского милитаризма еще до Гитлера этот злоедейский квартал успел заслужить дурную славу до Третьего рейха. В период моего пребывания в Берлине как журналиста «квартал Бендлер» стал моим особым объектом еще в начале тридцатых годов. Непросто было проникнуть в этот лабиринт конспираторов, нервный центр уклонения Германии от выполнения условий Версальского договора. Но у меня были там знакомства с некоторыми из хорошо информированных офицеров, занимавших важное положение, таких, как Ойген Отт, Эрих Маркс, Фердинанд фон Бредов, Эрвин Планк и Вальтер Йост, которым судьбой было предназначено прославиться³.

За закрытыми дверями по-спартански обставленных кабинетов высокомерных сотрудников Генерального штаба велась уже тогда работа по подготовке планов войны. Я мог видеть их всех – гордых, напыщенных разработчиков военных планов, великих капитанов будущих битв, при полном параде и всех регалиях входящих и выходящих из здания, садящихся в свои большие лимузины, исчезающих за боковыми воротами ниже по улице. Генерал Вернер фон Бломберг, генерал Ганс фон Фрич, адмирал Эрих Рёдер, полковник Вильгельм Кейтель представляли контраст седоватому, худощавому, невысокому человечку в плохо сидящем мундире, с лицом прикрытым большим козырьком фуражки, надвинутой на лоб. Это был капитан Вильгельм Франц Канарис, хозяин абвера.

Квартал окружали шпионы других стран. Самые наглые из них старались подойти как можно ближе. Их можно было видеть прогуливающимися по Бендлерштрассе держа ушки на макушке, в надежде уловить хоть обрывок из беседы офицеров Генштаба. Их неуклюжее подслушивание так явно бросалось в глаза, что третий отдел абвера, чьей задачей было не допус-

---

² Хотя главная военная разведывательная служба имела более полное и развернутое название, изображенное на вывеске и менявшееся вместе с ростом организации, мы в этой книге будем ее именовать «абвер», словом, которое было и остается наиболее употребительным. Его собственные сотрудники пошли дальше и сократили и его, называя свое ведомство просто «абв», произнося каждую букву раздельно.

³ Генерал Отт стал военным атташе, а затем и послом в Японии и пережил войну. Маркс, дослужившийся до полного генерала, командовал армейским корпусом в Нормандии и погиб в 1944 г. под Сен-Ло. Кроме того, Э. Маркс был одним из составителей плана вторжения в СССР. Бредов был убит нацистами в ходе «кровавой чистки» 1934 г. Йост, командовавший 42-й егерской дивизией, был последним из трех немецких генералов, погибших в ходе итальянской кампании.

кать утечки сведений, издал официальный меморандум с предупреждением германским офицерам не разговаривать на улице о служебных делах.

«Есть основания полагать, – говорилось в меморандуме, – что британская и французская секретные службы насаждают агентов в непосредственной близости от Бендлерштрассе, чтобы подслушивать разговоры офицеров, которых легко отличить по их мундирам. Согласно надежным источникам, некоторые из этих агентов могут читать по губам. Лица, подозреваемые в шпионаже, замечены слоняющимися около 18.00, когда заканчивается рабочий день, возле остановки автобуса у моста Бендлер, где в ожидании городского транспорта стоят группы офицеров. Агент, работающий на Второе бюро, сознался, что сумел добыть много ценной информации на остановке и в автобусах, подслушивая разговоры офицеров, возвращающихся с работы не в одиночку».

Британская Секрет интеллидженс сервис организовала пост подслушивания в угловом доме на близлежащей Лютцовплац над магазином, где были выставлены огромные автомобили «майбах». Позади сверкающих витрин (фасада «Фригидера»), на другой стороне площади, пряталось берлинское представительство американского управления военно-морской разведки.

За углом, в роскошной квартире, занимающей целый этаж одного из самых роскошных особняков Берлина, красивый сибаритствующий поляк Юрий де Сосновски снимал копии с германских сверхсекретных планов сразу же после того, как они были подготовлены и отпечатаны. Их приносили прямо в его апартаменты две доверенные секретарши Генерального штаба, которых он соблазнил с помощью надежного сочетания дела и удовольствия.

И вот я вновь в Берлине, навещаю свои старые объекты после тридцати трех лет отсутствия, поскольку именно летом 1937 года я последний раз зашел к майору Йосту, чтобы получить хоть какую-то информацию, добывать которую в этих стенах становилось все труднее. Интересно, что же стало со старым «кварталом Бендлер». Молодой таксист, которого я попросил доставить меня туда, никогда не слышал этого названия. Не желая терять заработок, он посмотрел свой путеводитель, но напрасно и, обернувшись ко мне, с виноватой улыбкой сказал:

– Извините, но в Берлине нет ни Бендлерштрассе, ни набережной с названием Тирпиц.

Когда я описал ему район между каналом и Тиргартен-парком, лицо его просияло.

– А, вы имеете в виду Штауффенбергштрассе⁴ и набережную Рейхпич! Я знаю, где это.

Вскоре перед моими глазами показалось серое гранитное здание, которое в те дни занимал абвер, не поврежденное бомбами и, по-видимому, даже не наносившееся как объект на штурманские карты бомбардировщиков.

Здесь располагалась Fuchsbaу, или «лисья нора», как называли свою контору работавшие там мужчины и женщины – официальные интриганы военного ведомства Третьего рейха.

Пройдя с набережной через портик, я нерешительно поднялся по ступенькам в слабо освещенный вестибюль, не зная, что увижу в этом мавзолее умершей эпохи. Неожиданно, как *deja vu*, всплыли воспоминания о моем визите сюда в начале тридцатых годов.

По-прежнему по обеим сторонам холла виднелись старомодные лифты, которые всегда были неисправными. Прямо передо мной была широкая лестница, ведущая в мезонин с высокими окнами, проникающий через которые свет освещал холл. Слева была конторка охранника, у которой три десятилетия назад я предъявил суровому капралу свой посетительский пропуск.

---

⁴ Улица была переименована в честь полковника Генерального штаба графа Клауса Шенка фон Штауффенберга, совершившего 20 июля 1944 г. покушение на Гитлера и вскоре расстрелянного.

Часового не было, а его место занимал тоненький юнец, скучающе взиравший на проходивших мимо людей, не предъявлявших ни значков, ни пропусков. Но в самом здании ничего не изменилось, кроме жильцов.

Старая штаб-квартира абвера теперь была занята филиалом Прусской государственной библиотеки и берлинским отделением федерального бюро страхования. Здесь также обитало еще несколько контор, вносящих арендную плату домовладельцу, фирме, расположенной на Фазаненштрассе.

Я поднялся по лестнице, повернул налево и прошел по длинным темным коридорам второго и третьего этажа. Руководствуясь желтыми страницами когда-то секретного указателя, я останавливался перед дверьми, за которыми прежде сидели асы шпионажа Третьего рейха: полковник Ганс Пикенброк, шеф отдела разведки; полковник Эрвин фон Лахузен, высокий австриец, возглавлявший группу саботажа и диверсий; полковник Иоахим Рохледер, молчаливый и замкнутый глава третьего отдела, занимавшегося контрразведкой.

Это была странная прогулка, вызывавшая в памяти тени прежних обитателей кабинетов, занятых ныне клерками и бухгалтерами, роющимися в своих бумагах, подобно персонажам романа Густава Фрейтага, печатающих, пишущих, курящих сигареты и пьющих кофе из бумажных стаканчиков.

Я поднялся на высокий верхний этаж, где до февральского утра 1944 года находился кабинет шефа абвера Вильгельма Канариса. На этом месте, в центре главного коридора, были широко распахнутые высокие двери, излучавшие прохладу в это жаркое летнее утро.

Там, где стоял большой письменный стол Канариса, его обтянутая кожей софа, на которой он отдыхал после обеда, сейчас стояли столы, за которыми шесть женщин в хлопчатобумажных халатах работали на компьютерах. Я остановился и осмотрел каждый квадратный дюйм этой святой святых секретной службы. Дамы смотрели на меня с некоторым удивлением.

– Извините, пожалуйста, – сказал я, – но здесь раньше был кабинет адмирала Канариса, не так ли?

Дамы переглянулись, а затем старшая из них спросила:

– Извините, как его имя?

– Канарис, – сказал я, – Адмирал Канарис.

Пожилая дама в хлопчатобумажном платье задумалась, а затем сказала:

– Я работаю здесь с 1958 года, но извините... я никогда не слышала это имя.

Часть первая БЕЗМЯТЕЖНЫЕ ДНИ

Глава 1 СОГЛЯДАТАЙ У КОРМИЛА

24 сентября 1934 года командующий эскадрой контр-адмирал Бастиан сел за свой письменный стол на борту старого линкора «Шлезин», чтобы написать характеристику на капитана флагманского корабля Вильгельма Франца Канариса. Как правило, адмиралы терпеть не могли оценивать подчиненных им офицеров, так как очень часто при этом выявлялось слишком много огрехов. Но в данном случае задача была не слишком неприятной.

Канарис списывался со «Шлезина» на берег неизвестно на какую должность, и Бастиан теперь мог оказать последнюю услугу своему старому другу. Канарис был образцовым офицером, настоящим флотским товарищем, горячий патриотизм и широкий кругозор которого были необходимы новым военно-морским силам.

Адмирал Бастиан быстро заполнял графы в печатном бланке записями о личных качествах и данными о прохождении службы:

Внешность и поведение: среднего роста, располагающая внешность, отличная военная выправка, блестящие светские манеры.

Иностранные языки: английский, французский, испанский, итальянский, португальский, русский⁵.

Финансовое положение: в хорошем состоянии.

Затем Бастиан дал волю своим чувствам. В графе «Основное мнение» он с похвалой отзывался о безупречном характере Канариса и его достоинствах как морского офицера. «Капитан Канарис, – написал он, – командовал экипажем жестко и профессионально. Он поддерживал строгую дисциплину и хороший дух на корабле, а также неустанно работал над боевой подготовкой и обучением экипажа морскому делу, обеспечивая боеготовность судна. Он обеспечивал физическую подготовку офицеров и матросов путем спортивных тренировок». Он также написал о его «наблюдательности, дипломатичности и одаренности».

В ответ на последний вопрос: «К каким конкретным должностям годен данный офицер?» – Бастиан привел целый перечень постов: «морской атташе, комендант Гамбургского военно-морского округа, генеральный инспектор ВМФ, заместитель командующего военно-морской базой, командующий эскадрой» и последнее по списку, но не по значению – «начальник отдела абвер в военном министерстве».

После краткосрочного прозябания в балтийском порту, за несколько дней до Рождества, прибыл приказ о новом назначении Канариса. Словно послушавшись Бастиана, командующий ВМФ адмирал Эрих Рёдер назначил его начальником абвера⁶ вместо капитана Конрада Патцига.

Приказ о назначении капитана Канариса пришел из Берлина совсем как рождественский подарок. Он должен был приступить к исполнению новых обязанностей с 1 января 1935 года.

---

⁵ Бастиан преувеличил лингвистические способности своего друга. На самом деле Канарис свободно владел лишь испанским. Хотя его английский был весьма приличным, в других языках у него были лишь незначительные навыки.

⁶ На самом деле Рёдер не любил Канариса и не доверял ему. Он лично выступал против его назначения и уступил лишь «под нажимом сверху». В то время абвер (полное название *Abwehrabteilung*) был лишь подразделением министерства обороны.

Свежий снежок запорашивал берлинские улицы, когда в восемь утра в первый день Нового года он прибыл в управление абвера в качестве нового руководителя главной секретной службы Германии. В этот ранний час тихого праздничного утра город после пирушки в ночь святого Себастьяна был столь пустынным, что Канарис оказался первым, кто потревожил девственную белизну снежного покрывала своими следами, когда шагал своей птичьей походкой вниз по Бендлерштрассе, а затем свернул направо, к набережной Тирпиц. За исключением часового у двери и нескольких молодых офицеров на дежурстве, в здании никого не было. Никто не ожидал, что он столь буквально выполнит приказ и появится на службе точно в день Нового года.

– Я капитан Канарис, – представился он изумленному дежурному офицеру. – Пожалуйста, позвоните капитану Патцигу и скажите, что я в управлении и буду рад увидеть его здесь в удобное для него время.

Патциг появился около десяти утра и увидел Канариса, ожидавшего, словно проситель, в приемной. Радужный и легко сходящийся с людьми офицер взял своего преемника под руку и провел в кабинет, готовый немедленно сдать дела.

– Откровенно говоря, – признался он, – я не ожидал вас сегодня, но я рад, что вы пришли.

Прежний и вновь назначенный начальники абвера завязали непринужденную беседу. Патциг не скрывал ликования по поводу перехода на новую, более приятную службу – командование линкором «Адмирал Шеер». Он с чувством поведал о своих проблемах и неприятностях, порожденных его чуть ли не кровной враждой с могущественной Главной службой имперской безопасности Генриха Гиммлера (РСХА). Он потчевал своего преемника повествованиями о сложных и неприятных интригах Гиммлера против абвера и описывал тонкое, но решительное соперничество молодого нациста Рейнхарда Гейдриха – начальника СД, службы безопасности, отвечающей за политический шпионаж⁷.

– Мне вас жаль, капитан, – наконец откровенно заявил Патциг, – потому что вы, похоже, не осознаете, в какую грязь влезли.

– Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне, капитан Патциг, – сказал Канарис со слабой улыбкой. – Я неисправимый оптимист. А что касается этих ребят, то я думаю, знаю, как с ними поладить.

Патциг посерьезнел и тихо произнес:

– Если вы так думаете, капитан Канарис, то мне только остается с сожалением сказать, что этот день будет началом вашего конца.

Кто же такой был этот Канарис? И почему именно его выбрали на пост главы абвера как раз тогда, когда эта организация должна была стать одной из важнейших деталей германской новой военной машины?

За всю жизнь Вильгельм Канарис лишь однажды привлек внимание общественности. В 1928 году парламентарии-социалисты одной из комиссий по расследованию наткнулись на некоторые факты, свидетельствующие о его участии в одном из заговоров, направленных на свержение Веймарской республики, а газеты приписали ему роль интригана Макиавелли. По окончании Второй мировой войны я не мог найти ни единой строчки, напечатанной о нем ни до, ни после этого мимолетного появления на свету, если не считать статьи в одном английском журнале в 1939 году, где его назвали главным шпионом Третьего рейха.

Похоже, ему нравилась подобная анонимность⁸. Он был скромным, держащимся в тени человеком, скрытным даже в отношениях с ближайшими членами семьи. Но после войны он

---

⁷ Под крышей РСХА действовали многие службы государственной безопасности нацистской Германии. Гестапо (секретная полиция), возглавляемая Генрихом Мюллером, была внутренней службой, тогда как СД Гейдриха осуществляла деятельность как внутри страны, так и за рубежом и была фактически политической секретной службой нацистов.

⁸ Он сам позволил упомянуть свое имя в печати лишь однажды в 1936 г., когда согласился опубликовать за своей подпи-

внезапно предстал в общественном мнении как поистине загадочная личность. Он стал объектом бесчисленного множества статей, нескольких книг и даже был изображен в качестве героя в одном слащавом, сентиментальном фильме. Некоторые авторы превозносили его как духовного лидера безнадежного антифашистского движения, мученически погибшего за свою доблесть и убеждения.

Многое из того, что было сказано и написано о Канарисе, лишь вуалирует его биографию, искажает факты и еще более сгущает таинственность, которой окутана деятельность начальника любой секретной службы и которая в данном случае была возвращена им самим. Он прекрасно преуспел в собственной маскировке. В истории редко встречалась личность, о которой высказывалось столько противоречивых суждений, даже со стороны тех, кто утверждал, что хорошо знал его.

Даже такой знающий биограф, как Иан Колвин, в подзаголовке своей книги «Главный шпион» назвал ее «Невероятная история адмирала Вильгельма Канариса, который, будучи начальником гитлеровской разведки, являлся и секретным агентом англичан», хотя на самом деле никакого сотрудничества не было.

Хроника его жизни и этапы карьеры отражены в его личном досье и в двадцати восьми характеристиках, подготовленных его командирами. Я обнаружил их нетронутыми в немецких архивах, захваченных в Берлине, хотя следовало ожидать, что такие важные документы будут уничтожены.

Вильгельм Франц Канарис родился 1 января 1887 года в Аплербекке близ Дортмунда – в самом сердце Рура, и был младшим из трех сыновей состоятельного инженера, управляющего металлургическим заводом. Мальчик был невысоким и худощавым, но крепким и живым, он был обычным ребенком, живущим в любящей лютеранской семье.

Дома его звали Вилли, а друзья детства прозвали его Kieker, что можно перевести как «шпик», «подглядывающий» или «соглядатай». В 1917 году он познакомился с Эрикой Вагг, сестрой флотского офицера, и женился на ней 22 ноября 1919 года. Она была единственной женщиной в его жизни, к которой он питал романтические чувства.

Полагают, что он потомок адмирала Константина Канариса – греческого политика и участника национально-освободительной войны XIX века⁹.

Молодой Вильгельм поступил в Императорскую военно-морскую академию в Киле 1 апреля 1905 года. Его первое служебное плавание внезапно было прервано в декабре 1914 года, когда крейсер «Дрезден», на котором он служил, участвовал в битве за Фолклендские острова. Преследуемый в чилийских водах, был затоплен – единственное судно злополучной эскадры адмирала графа Шпее, которое не было потоплено огнем английских пушек. Молодой лейтенант Канарис был интернирован на острове Квириквин в виду Вальпараисо, и это стало началом его богатой приключениями жизни.

Он бежал из чилийского лагеря, уплыв на лодке на материк, затем на лошади пересек всю страну, в том числе и Анды, и прибыл в Аргентину. В Буэнос-Айресе он под видом молодого чилийца Рида Розаса взял билет на голландский пароход «Фризия», направлявшийся в Роттердам – в нейтральные Нидерланды, якобы «для получения наследства, оставленного родственниками матери».

сью статью в книге «Вермахт и партия». Изданная отделом армейской пропаганды книга имела целью улучшить взаимопонимание между вооруженными силами и нацистами. В книге, посвященной столь деликатной теме, неизбежно следовало быть позитивным, но Канарис превзошел все пределы в своем панегирике. Он восхвалял Гитлера столь угодливо, что его протеже и начальник штаба полковник Ганс Остер, известный антифашистскими взглядами, сказал, прочитав статью: «Любой дурак всегда найдет еще большего дурака, который будет ему поклоняться».

⁹ Канарис никогда не пытался опровергнуть версию о его греческом происхождении и об адмирале Канарисе в качестве его предка. Более того, он поощрял эту легенду, даже когда его за глаза называли «маленький грек». По другой версии, род Канарисов – итальянского корня. (*Примеч. науч. ред.*)

На пути он прошел все английские проверки и вскоре оказался в Гамбурге. Затем, по-прежнему используя имя Рид Розас и свой чилийский паспорт, он отправился в Мадрид на свое первое настоящее задание в разведке.

В феврале 1916 года, когда Канарис пытался вернуться в Германию для прохождения обучения командованию на подводных лодках, в Домодоссоле близ швейцарской границы его арестовали итальянцы по подозрению в шпионаже (его прикрытие, «Рид Розас», было к тому времени уже ненадежным) и поместили в тюрьму Генуи. Однако Канарису снова удалось бежать. Он совершил побег, убив тюремного священника, которого заманил в камеру. Он надел сутану убитого и покинул тюрьму, прежде чем труп священника был обнаружен. Вернувшись в Германию через Мадрид, он стал командиром подводной лодки и до конца войны сменил еще несколько должностей в военно-морском флоте.

После поражения в Первой мировой войне он стал мастером интриги. В ноябре 1918 года он стал одним из первых профессиональных офицеров, добровольно перешедших на службу Веймарской республике, и это послужило началом той цепи предательств, которые были спутниками всей его карьеры. Он вошел в штат сотрудников нового военного министра – социал-демократа Густава Носке и в течение нескольких недель служил его младшим адъютантом. К январю 1919 года он становится тайным членом печально известной военно-морской бригады реакционных офицеров-авантюристов, которые под командованием капитан-лейтенанта Георга фон Пфлюгк-Хартунга окопались в берлинском отеле «Эден». Когда эденских головорезов обвинили в убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург, вождей «Спартака», Канарис принял командование бригадой, претендуя на роль покровителя арестованных ее членов. Одним из главных обвиняемых на суде был их собрат – офицер Фогель, который, как полагали, утопил тело Розы Люксембург в канале Шпрее. Канарис обеспечил Фогеля деньгами, поддельным паспортом и помог ему бежать в Голландию.

В феврале 1920 года Канарис был повышен в звании и стал старшим офицером крейсера «Берлин», базирующегося в Киле. Но это было лишь прикрытием. Фактически он был адъютантом контр-адмирала барона фон Гагерна, командующего Балтийской военно-морской базой – одним из военно-морских опорных пунктов для политических заговоров и тайного перевооружения Германии. В марте 1920 года Канарис без колебаний согласился содействовать восстановлению кайзера на троне. Он снабжал мятежников деньгами и оружием из секретных фондов и запасов военно-морской базы.

В 1922 году он принимает на себя еще одну тайную роль, став одним из главных организаторов негласной программы перевооружения военно-морского флота. Он участвует в создании нелегальных судоверфей и торпедных заводов за рубежом, манипулируя при этом значительными суммами для взяток и фондами для финансирования этих секретных проектов¹⁰.

Канарис был «неугомонен душой», как охарактеризовал его в секретном докладе один из начальников, «блестяще выполнявшим необычные и трудные задачи по управлению секретными военно-политическими операциями во время его частых миссий за границей». В те дни Канарис был постоянно в пути, переезжая под вымышленными именами и легендами при осуществлении тайных программ строительства военно-морских сил.

Так он провел большую часть бурных двадцатых годов. Другие появлялись на сцене и исчезали, но Канарис оставался постоянным кадром этого тайного консорциума, направляемого из архиконсервативного флота, – идеолог, кукловод, рабочая лошадка и специалист по улаживанию конфликтов, доверенный адмиральской клики. Хотя он не участвовал ни в одном из заговоров, он стал мишенью для подозрений и нападок социал-демократов. Он оставался на действительной службе, и в его секретном личном деле скопилось множество блестящих

---

¹⁰ По условиям Версальского договора от 28 июня 1919 г. Германии разрешалось иметь лишь ограниченные до минимума вооруженные силы.

характеристик. Он постоянно повышался в звании, а его власть и влияние росли еще быстрее. Как оценил своего нешаблонного подчиненного один из его начальников, Канарис стал заглавным элементом в механизме, подрывающем основы Веймарской республики.

И в 1933 году он приветствовал приход Гитлера к власти.

Хотя ему еще не было пятидесяти, щуплый, с желтоватой морщинистой кожей, Канарис выглядел значительно старше. Подчиненные сразу же прозвали его Старик. В первые недели работы в абвере ничто не сняло его опасений и не утвердило в правильности выбора места службы. Он укрылся в кабинете, из которого Патциг вывез всю собственную мебель, делавшую его уютным и удобным. Теперь кабинет был обставлен безликой казенной мебелью, как бы отражая его несентиментальный и безразличный характер, но Канарис добавил сюда несколько личных вещей. На его письменном столе стояла антикварная статуэтка, которую Канарис сделал символом абвера: известные три обезьянки, которые не видят, не слышат и не говорят ничего дурного. На одной стене висела большая карта, на другой – гравюра-портрет адмирала Канариса, японская картина с изображением дьявола и фотография его любимой таксы по кличке Зеппль¹¹.

Порой он шел по слабо освещенному коридору, держась около стенки, и при встрече кивал с легкой, почти незаметной улыбкой каждому, от старших офицеров до секретарей. Казалось, что это чужой среди чужих.

Я познакомился с Канарисом в январе 1935 года, через несколько недель после его прибытия на набережную Тирпиц на частном обеде в ресторане Аэроклуба неподалеку от его конторы. Обед был организован нашим общим знакомым, издателем еженедельника, собирающим информацию для абвера. Возможно, обманувшись моими частыми разъездами как корреспондента американской газеты в Германии, он, видимо, решил, что я мог бы стать неплохим случайным агентом с задачей сбора «полезной информации» во время поездок. Незадолго до этого посетил и сфотографировал (без официального разрешения) Вестерплатте, тщательно охраняемую, укрепленную польскую базу со складами вооружения в Нойфарвассере, контролирующую подходы к вольному городу Данцигу. Этим, по-видимому, он и обосновал перед Канарисом необходимость знакомства.

Этот хрупкий человек произвел на меня впечатление. Вспоминая наше краткое знакомство, я осознаю, что он, должно быть, затронул мое тщеславие. Вялое рукопожатие и небрежное приветствие свидетельствовали о его неудовольствии знакомством. Позже я узнал, что он был противником сотрудничества с журналистами, даже в качестве случайных информаторов. Во время обеда он почти не говорил и почти все время смотрел своим характерным отсутствующим взглядом не на меня, а сквозь меня.

Я не мог поверить, что этот помятый, неразговорчивый, рассеянный маленький человек и есть глава абвера. В нем не было ни импозантности Э. Филиппа Оппенгейма, ни презрительного цинизма, который я пытался в нем отыскать. Я ожидал увидеть жадное любопытство, которое поблескивало в глазах капитана Реджинальда Холла, легендарного шефа британской военно-морской разведки в годы Первой мировой войны, или спокойную компетентность французского генерала Дюпона из Второго бюро, – качества двух величайших шефов разведки, которых я знал. Ничего от их своеобразия, хитрости, донкихотства, уверенности, хватки – ничего этого не было видно в немце. Он показался мне честным тупицей, которого назначили на это место, чтобы обеспечить неспособность абвера конкурировать с организацией Гимmlера и Гейдриха. Лишь гораздо позже я понял, что Канарис с первого взгляда

---

¹¹ Позднее он добавил к этой скромной галерее своих любимцев фотографию генералиссимуса Франциско Франко с автографом.

правильно оценил меня и, решив, что я не являюсь многообещающим кандидатом для его организации, рассматривал этот обед как напрасную трату времени.

Когда Канарис появился на сцене, все в отживающем свой век абвере внезапно оживило. Он набросился на работу с энергией и воодушевлением, которых никто не ожидал от Старика. Он сделал абвер приемлемым для нацистов. Заявляя Патцигу, что знает, как поладить с Гиммлером и Гейдрихом, он выражал не надежду, а уверенность.

Он установил близкие и, казалось, искренне дружеские отношения с Гейдрихом, в котором видел потенциально наиболее опасного соперника. Молодой нацист был польщен вниманием высокопоставленного флотского офицера, видимо, потому, что лишь несколько лет тому назад был изгнан из рядов ВМФ за амурную интрижку с дочерью корабельного инженера. Канарис купил жилье в пригороде Берлина рядом с домом Гейдриха, и обе семьи стали добрыми соседями. Канарис угощал конфетами сыновей Гейдриха, а фрау Канарис осыпала комплиментами хорошенькую блондинку-соседку.

Канарис привел в абвер майора Рудольфа Бамлера и назначил его руководителем отдела контрразведки, работавшего в тесном контакте с гестапо. Выбор объяснялся тем, что Бамлер был одним из немногих офицеров Генерального штаба, кто открыто выражал свои симпатии к фашизму и был дружен с некоторыми видными нацистами¹². Канарис, который не был любителем устраивать приемы, стал организовывать дружеские вечеринки для Гейдриха и его окружения. Обычно эти пирушки происходили в отдельном кабинете ресторана «Дом летчиков» на Принц-Альбрехт-штрассе, рядом с мрачным зданием гестапо, где располагалось ведомство Гейдриха.

Эта явно односторонняя услужливость перед Гейдрихом была плодом трезвого расчета, а не отражением истинных чувств Канариса. Канарис умиротворял нацистов главным образом для того, чтобы получить возможность развивать абвер в соответствии со своими амбициозными планами: сделать его самой большой и лучшей секретной службой в мире.

Абвер был реорганизован, и были созданы три оперативных отдела. Бывший *Geheimer Meldedienst* (разведывательный отдел, занимавшийся сбором информации и агентурными операциями) был значительно расширен и стал называться первым отделом. Новый второй отдел должен был осуществлять диверсионную и подрывную работу, а также вести «черную» пропаганду. В Баварии на Куензее был создан учебный лагерь для подготовки диверсантов, а в Берлине и Тегеле были организованы лаборатории для разработки оснащения диверсантов, а также шпионов из первого отдела нужным оборудованием: от чернил для тайнописи в виде зубного эликсира до взрывчатки, похожей на муку. Контрразведкой занимался третий отдел.

Личный состав набирался сотнями, а командный состав привлекался из Генерального штаба. Шеф абвера назначил весьма разнородное трио для руководства новыми отделами: добродушный, аполитичный, независимый благодаря своему богатству рейнландец Ганс Пикенброк стал организатором секретной разведки (эвфемизм слова «шпионаж»); чувствительный, глубоко религиозный, ярый антифашист Гельмут Гроскурт возглавил отдел саботажа и диверсий; и нацист Бамлер стал ответственным за деликатную контрразведывательную работу.

Канарис привлек фирму «Телефункен» для создания специального шпионского радиоприемопередатчика под названием АФУ (аббревиатура слов *Agenten Funk Geraet*), небольшого по габаритам, чтобы его было легко спрятать, но достаточно мощного для передач на дальние расстояния. Эта весьма предусмотрительная мера с его стороны имела как свои плюсы, так и

---

¹² Когда Бамлер покинул абвер и вернулся в Генштаб, он был послан на Восточный фронт командиром дивизии. Попав в плен Красной армии, в лагере он стал убежденным коммунистом. После войны он поселился в Восточной Германии, где занимал высокий пост в службе безопасности.

минусы, поскольку, когда «Телефункен» разработала этот приемопередатчик, из-за его исключительного качества сотрудники абвера слишком на него полагались.

1 мая 1935 года в целях дальнейшего улучшения каналов связи и для создания надежных оперативных баз за рубежом Канарис договорился о сотрудничестве с министерством иностранных дел. В результате этого дипломатические миссии по всему свету стали выполнять также функции региональных разведцентров. Отдельные дипломаты, обычно молодые атташе, стали в них резидентами (Abwehrbeauftragte), координируя деятельность абвера в своих зонах.

Одним из первых мероприятий Канариса стала рассылка в зарубежные миссии с дипломатической почтой так называемых Geheimausruestungen fuer Vertrauensleute (наборов секретного оборудования для тайных агентов) для последующего использования их шпионами. В эти наборы входило шифровальное оборудование, разработанное Куртом Зельхоном из криптографического отдела министерства иностранных дел. Ключи к кодам рассылались отдельно, в конвертах под сургучными печатями на имя глав миссий с распоряжением вскрыть только в случае войны или кризисной ситуации лишь после получения одного из десяти специальных кодовых слов. Для Англии таким паролем было слово «Наутилус», для Канады – «Джимми», для США – «Роберт».

В других опечатанных конвертах Канарис разослал списки агентов абвера, действующих в зонах соответствующих дипломатических представительств. Он также выслал каждому главе миссии чек, выданный «Дойче-банком» на «Барклай-банк» в Лондоне на сумму 406 фунтов, с указанием конвертировать их в местную валюту и держать в сейфе для выдачи агентам в случае необходимости.

Посылка в дипломатическую миссию в США была отправлена сухогрузом «Швабен» северогерманского агентства «Лloyd» под личную ответственность капитана, который передал ее из рук в руки послу в Вашингтоне и генеральному консулу в Нью-Йорке – первым германским дипломатам, которых Канарис избрал в качестве своих партнеров в этой стране. Через несколько месяцев такие же конверты были переданы генеральным консулам в Новом Орлеане и в Сиэтле, посланнику в Мехико и поверенному в делах в Панаме¹³.

В апреле 1935 года, лишь через три с небольшим месяца после вступления в должность, Канарис направил своих эмиссаров для создания резидентур в наиболее важных регионах. В Северную и Центральную Америку был послан с дипломатическим паспортом на имя Э. Дерпа капитан первого ранга Герман Менцель, кадровый разведчик, ставший впоследствии начальником отделения военно-морской разведки в первом отделе абвера.

Трудно поверить, что все эти мероприятия были осуществлены Канарисом в первые восемь месяцев пребывания в должности. Внезапно контрразведывательные службы по всему миру столкнулись с теми или иными видами подрывной работы, что сигнализировало о смене руководства в абвере.

Немецкая агентура резко проявилась в Австрии, Чехословакии, Югославии, Швейцарии, в Балканских странах, Финляндии и даже в Эфиопии и Японии. Особенно активно она стала работать в Польше, Франции, Голландии, Бельгии и Люксембурге, но повсюду ее деятельность носила следы поспешности, поверхностной подготовки, непродуманной заброски.

В эти месяцы агентам Канариса еще не хватало опыта, и они быстро проваливались. В Бельгии 10 немецких шпионов были арестованы с 7 апреля 1935 года до конца года. Впервые после окончания Первой мировой войны немецкий шпион был арестован в Англии.

Во Франции, наводненной немецкими шпионами, в первые десять месяцев новой эпохи абвера был арестован 21 шпион, причем одного взяли с поличным при попытке похитить из

---

¹³ Другими пунктами назначения для таких посылок в Западном полушарии стали Бразилия (Рио-де-Жанейро и Порту-Алегри), Аргентина (Буэнос-Айрес), Уругвай (Монтевидео), Чили (Вальпараисо), Колумбия (Богота) и Перу (Лима), а в 1938 г. резидентуры абвера в Портленде, Орегоне и в Колоне, в зоне Панамского канала.

сейфа на военном аэродроме в Броне близ Лиона планы противовоздушной обороны, другой был пойман, когда фотографировал укрепления в Меце, еще двое – когда рылись в документах военного лагеря, официантка в Страсбурге – когда выпытывала у солдат военные секреты, еще двое были взяты в Вердене, когда передавали ночью зашифрованные сообщения с помощью фонарика.

В начале сентября Канарис, получивший к тому времени чин адмирала, отправился на юг с миссией чрезвычайной важности. В Мюнхене он встретился с начальником итальянской военной разведки генералом Марио Роаттой и договорился о самом тесном сотрудничестве против общих потенциальных противников¹⁴. Хотя в Италии был в разгаре абиссинский кризис и велась подготовка к вторжению в Эфиопию, Роатта выразил полную готовность к сотрудничеству и согласился со всеми предложениями Канариса. Союз между секретными службами Германии и Италии был подписан задолго до того, как Гитлер и Муссолини подписали пакт о создании Оси Берлин – Рим.

Из Мюнхена Канарис отправился в Берхтесгаден на самую важную для него встречу в новой должности. Он получил аудиенцию у Гитлера и прибыл с докладом о своих успехах и для получения инструкций на будущее.

---

¹⁴ Последовавшие за встречей с Роаттой действия Канариса ярко иллюстрируют методы, которые он использовал. Вернувшись через несколько дней в Берлин, шеф абвера с энтузиазмом рассказывал о соглашении с итальянцами и восхвалял Роатту за готовность сотрудничать. Но затем он сказал полковнику Пикенброку: «Кстати, я бы хотел, чтобы вы организовали резидентуру в Риме прямо сейчас. Укомплектуйте ее своими лучшими людьми и прикажите начать вербовку агентов немедленно. Мы должны как можно ближе приглядывать за итальянцами». Второй подобный альянс был заключен почти тогда же с венграми, в октябре Канарис вступил в такой же союз с японцами, а через пять лет японский премьер принц Коноэ официально присоединился к Оси.

Глава 2 ОПЕРАЦИЯ «СЕКС»

Ясным воскресным днем 8 сентября 1935 года Канарис сидел напротив Гитлера в большой гостиной замка в баварских Альпах, впервые оказавшись тет-а-тет с фюрером.

В отличие от Уинстона Черчилля, у которого был врожденный интерес к шпионскому делу и который открыто афишировал свою поддержку интеллигентс сервис, Гитлер притворялся незаинтересованным в разведке, хотя, конечно, был прирожденным конспиратором и изощренным интриганом. Он постоянно заявлял своим сотоварищам, что не испытывает ничего, кроме отвращения, к секретным операциям и что он никогда не унижится до того, чтобы позвать руку шпиону.

В одном из его нескончаемых монологов во время тех любимых послеобеденных бесед со своим окружением, в ходе которых формулировались его самые потрясающие заявления, легшие в основу анекдотов о нем, он как-то рассказал, что Фридрих Великий якобы сделал суровое внушение своему начальнику разведывательной службы лишь потому, что принесенная им ценная информация была добыта шпионом.

Но при беседе с Канарисом эта его позиция никак не проявлялась. Он никогда не давал аудиенции капитану Патцигу, но с новым шефом абвера это была не первая встреча, и Гитлер уже выказывал свое расположение к Канарису, который прекрасно знал, как угодить фюреру, сообщая лишь то, что тому хотелось услышать, и приправляя доклады так называемой «случайной информацией», собранной в ходе секретных операций.

С самого начала их знакомства Гитлер предпочитал иностранную информацию Канариса докладам немецких дипломатов, как более интересную и захватывающую. У немецких послов было принято сообщать только о том, что, по их мнению, было абсолютно достоверным и обоснованным. Канарис же не был связан такими традициями и ограничениями. В результате его сообщения, в отличие от нудных дипломатических докладов, имели злободневный характер, изобиловали пикантными подробностями и сплетнями о личной жизни знаменитостей.

Канарис продолжал лебезить перед Гитлером. Он заявил, что просил аудиенции не только для своего первого доклада о проделанной работе, но, главным образом, чтобы узнать о планах фюрера, в которых абвер может оказать неоценимое содействие.

Гитлер сообщил Канарису о предстоящем аншлюсе Австрии, и тот поспешил заверить, что его служба активно действует в этой стране. Был завербован и стал работать на абвер офицер австрийской секретной службы майор Эрвин фон Лахузен. Фюрер упомянул о вольном городе Данциге и «польском коридоре» как о нетерпимой аномалии, и Канарис ответил, что уже работает над этим вопросом, так же как и над проблемой чехословацких Судет. Он даже сумел завербовать лидера судетских немцев Конрада Генлейна в агенты абвера.

А Советский Союз? О, это очень трудный объект, но зато Польша и Франция находятся под контролем.

Англия? Нет. Гитлер заявил, что ему не нужны шпионы в Англии. Его политика «сближения» принесла свои плоды. В июне с правительством Болдуина было подписано англо-германское военно-морское соглашение. Велись переговоры и о других пактах. Шпионы в Англии были не нужны, они могли только подорвать усилия дипломатов.

Соединенные Штаты? Гитлер пожал плечами. Они далеко и слишком мало интересуются европейскими делами. Ему безразлично, что делается в Америке. Канарис был явно рад, что Гитлер не запретил ему шпионаж против заокеанских англосаксов, ведь, как ни странно, отдаленные и нейтральные США были важным объектом деятельности абвера.

Канарис был необычным шефом разведки, он не испытывал ни малейшего интереса к зарубежным странам. Единственная страна, воспоминание о которой грело его сердце, была

Испания, где он провел лучшие годы своей жизни и которую считал своей второй родиной. В течение десяти месяцев он использовал все ресурсы абвера для помощи мятежу генерала Эмилио Мола¹⁵, который, выступив на стороне генерала Франциско Франко 18 июля 1936 года, развязал Гражданскую войну в Испании. Он же стал играть ведущую роль в организации немецких и итальянских военных поставок Франко, обеспечивших ему победу в Гражданской войне. Франция и Польша занимали его только с профессиональной точки зрения. Англия лишь чуть-чуть, а США совсем его не интересовали.

Став руководителем конторы на набережной Тирпиц, он сделал удивительное открытие. Расширяя действующую сеть агентов в Польше и внедряясь во Францию, Данию, Бенилюкс и Чехословакию, он обнаружил, что абвер уже располагает мощной резидентурой в стране, которой он вообще не планировал заниматься, – в Соединенных Штатах.

В тот период Соединенные Штаты были озабочены только внутренними проблемами, но все же у абвера было за океаном около дюжины агентов, включая самых лучших. Интересно, что проникновение в эту страну не было результатом разработок абвера. Это было дело лишь одного разведчика, действовавшего под кодовым именем Секс, который осуществлял тайную войну на этих далеких берегах только по своей собственной инициативе. Со временем он превратил США в объект германского шпионажа, в первую очередь в столь важной области, как авиация.

К концу двадцатых годов интерес к Соединенным Штатам вновь ожил, главным образом из-за того, что рейхсвер, ограниченные вооруженные силы Германии, в 1926 году принял решение нелегально возродить военно-воздушные силы – «черное люфтваффе», включив их в состав вермахта, который тайно воссоздавался германскими милитаристами. В этих целях было создано специальное военно-авиационное бюро «Флигерцентрал» во главе с майором (впоследствии фельдмаршалом) Гуго Шперрле, асом Первой мировой войны. Бюро были переданы несколько эскадрилий устаревших самолетов.

Будучи связанной жесткими ограничениями, германская авиационная промышленность не могла обеспечить свою зарождающуюся авиацию. За границу были отправлены агенты с поручением закупать все, что возможно. Соединенные Штаты особенно заинтересовали эту агентуру своими революционными разработками в области авиации – гироскопами, автоматическими бомбардировочными прицелами, шасси, убирающимися в полете, и другими изобретениями, такими, как авиагоризонты, четырехлопастные пропеллеры и высокооктановое горючее.

Кое-что из подобного оборудования им удалось закупить, но вскоре немцы натолкнулись на два препятствия. Они израсходовали свои средства и обнаружили, что наиболее необходимые изделия, особенно производимые для ВМФ США, засекречены и не подлежат продаже.

Разработчикам из Флигерцентрал пришла идея, что, если они не могут приобрести нужное им оборудование на открытом рынке, значит, следует украсть то, что им не позволяют купить. Задание было поручено абверу, во главе которого тогда стоял полковник Фриц Гемпп, и в Нью-Йорк был направлен агент для создания специальной сети, занимающейся авиацией.

Отобранный Гемппом для этой миссии разведчик сошел с борта океанского лайнера «Берлин» компании Ллойда в порту Хобокен в Нью-Йорке 27 марта 1927 года. Это был неприметный скромный человек, не выделяющийся в толпе. И хотя нос был чуть великоват, губы слишком узкими, а уши слегка оттопыренными, его лицо было незапоминающимся. Скромно постриженный и просто одетый, среднего роста, он был абсолютно незаметным.

В его немецком паспорте он значился как Вильгельм Шнейдер, родившийся в 1893 году в Вецларе-на-Лане, женатый, по специальности настройщик роялей. Как и тысячи других, он прибыл в США на волне эмиграции в поисках лучшей доли в Новом Свете. Быстро пройдя

---

¹⁵ Э. Мола был одним из генералов, поднявших восстание 18 июля (Санкурхо, Кейпо де Льяно и т. д.). (Примеч. науч. ред.)

таможенные и иммиграционные формальности, Шнейдер сошел на берег и затерялся в огромном городе на берегу Гудзона.

Подобно пчеле, погибающей после того, как ужалил, Вильгельм Шнейдер перестал существовать, едва выйдя от инспектора иммиграционной службы, но лишь для того, чтобы возродиться под тщательно разработанной маской местного уроженца. Он сменил множество имен, был Вилли Меллером, Уильямом Секстоном, Биллом Лонкисом – это лишь несколько имен из тех, что он использовал за последующие восемь лет. В узком кругу знатоков он более известен как Уильям Лонковски.

На самом деле он не был Шнейдером и уроженцем Вецлара, и, хотя в его чемодане лежал набор камертонов, он не был настройщиком роялей.

Он родился в Силезии, был авиатехником в годы Первой мировой войны, к концу которой ему исполнилось двадцать пять лет. После нескольких неудачных попыток начать новую жизнь (включая даже учебу на медицинском факультете) он вернулся к своему первому увлечению и попытался связать свое будущее с авиацией. Он был знающим конструктором, но не смог найти работу на тех нескольких авиационных заводах, что были в те годы в Германии. Тогда он вернулся в рейхсвер, для того чтобы реализовать себя в абвере.

Лонковски не засел в бюро. Летом 1922 года его послали во Францию сделать обзор состояния французской авиации. Его доклад получил столь высокую оценку, что, хотя он и не прошел медкомиссии, на которой выяснилось, что у него хроническая язва желудка, его зачислили в резерв в качестве перспективного «крота» в ожидании важного задания в соответствии с его незаурядными способностями. Такая возможность представилась в 1926 году. Гемпп предложил ему отправиться в США, и Лонковски охотно принял предложение.

Перед выездом Лонковски снабдили шифровальной книгой, а он сам получил кодовое имя. Имя было выбрано весьма необычным. Человека, не имевшего никаких плотских желаний и вожделений, называли «Секс», а его миссию окрестили «Операция «Секс». На самом деле кличка была образована от одного из его фиктивных имен – Уильям Секстон, которым он одно время пользовался.

Лонковски дали из фондов абвера месячное содержание в 500 долларов. По тем временам это была немалая сумма, хотя она была удивительно мала для агента такого уровня. Но это было все, что абвер мог платить из своих мизерных фондов иностранной валюты.

Лонковски получил закупочный лист, который был составлен для него Флигерцентралом по материалам американских авиационных и технических журналов. Ему следовало разыскать тактико-технические данные авиадвигателя, разработанного Э.Г. Смитом, который якобы вдвое превосходил по мощности любой из тогдашних аналогов, двигателя «Кеминез» с воздушным охлаждением, проходившего испытания на авиационном заводе «Фэйрчайлд» на Лонг-Айленде, и пропеллера Майкарта фирмы «Вестингауз электрик».

Когда кандидаты проходили «селекцию» (так назывался научный метод подбора агентов) по их пригодности к шпионской работе, они должны были доказать, что обладают эмоциональной стабильностью и мало подвержены стрессам. Лонковски был исключительно мнительным человеком, всегда взвинченным и напряженным, а его язва не давала ему покоя. Тем не менее он был ближе к тому, чтобы стать превосходным разведчиком, чем любой из хладнокровных и непроницаемых британских денди.

Лонковски, хотя и был первоклассным авиаинженером, великолепно знающим свою специальность, был тем не менее очень прост. Он вел спартанский образ жизни, питался в основном тостами и молоком, и его коллеги называли его Каспар Милкитост. Он не был претенциозным, амбициозным или самонадеянным. Он пренебрежительно относился к замшелой театральности шпионажа и к его причудливой обрядности. В общем, он был превосходным шпионом.

Идея охватить всю американскую авиапромышленность, тем более с помощью лишь одного человека, была более чем дерзкой. Лонковски же не был ни озадачен, ни обескуражен. К началу 1928 года он уже освоился на новом месте и разработал свой образ действий. Он оставил настройку роялей и решил вернуться к своей специальности авиамеханика. С этой целью он стал подыскивать работу на одном из авиационных заводов на атлантическом побережье, где смог бы приобрести авторитет и связи, необходимые для создания агентурной сети. Он выбрал завод «Айрленд эркрафт корпорейшн» на Лонг-Айленде в качестве своей первой базы, используя ее и как стартовую площадку для внедрения своей агентуры на другие заводы.

Начав работу со скромной должности авиаконструктора, Лонковски совершил стремительную карьеру на заводе «Айрленд», быстро достигнув положения, позволяющего ему влиять на найм и увольнение сотрудников. Вскоре он уже смог отказаться от шпионской работы и стать резидентом, как и предусматривалось его заданием. Первым делом он обзавелся новой крышей, чтобы мотивировать свой интерес к вопросам, которые не должны были интересовать настройщика роялей. Он стал американским корреспондентом немецкого авиационного журнала «Люфтрайзе», хотя порой, представляясь авиационным журналистом, пользовался своими визитными карточками, где значился настройщиком роялей.

Еще до отъезда из Германии он подобрал себе двух помощников для работы в США. Первым был Вернер Георг Гуденберг, уроженец Гамбурга, чертежник с некоторыми познаниями в электротехнике. Другим был земляк Вернера двадцатидевятилетний Отто Герман Фосс, квалифицированный авиамеханик, выпускник Гамбургского технического института.

Осенью 1928 года Лонковски вызвал Гуденберга и Фосса и устроил их на «Айрленд эркрафт», положив начало хорошо продуманной операции по проникновению в американскую авиационную и военную промышленность. К 1932 году у Лонковски была уже налаженная шпионская сеть. Фосс и Гуденберг (к тому времени они уже готовились принять американское гражданство) были его ведущими агентами. Они оба уже покинули «Айрленд эркрафт». Фосс переехал в Балтимор, устроившись на завод, выпускавший винты для американского ВМФ. Гуденберг перешел на авиационный завод в Бристоле, Пенсильвания, на котором велись эксперименты по использованию алюминия для фюзеляжей. Лонковски отправил в Берлин обильную подборку докладов и чертежей, включая конструкцию «несгораемого самолета» и информацию о «самом мощном в мире двигателе с воздушным охлаждением», разработанном «Райт эронотикал корпорейшн». Прямо из конструкторского бюро «Кертис эрплайн энд мотор компани» он добыл чертежи самолета-истребителя, «способного садиться на корабль или на воду». Но отклик был далек от предполагаемого. Он продолжал получать свое ежемесячное содержание, но это была практически его единственная связь с абвером.

Полковник Гемпп ушел в отставку, а его преемник не интересовался операцией «Секс». Флигерцентрале наладило свои собственные контакты и больше не зависело от чужаков, работающих на абвер. Операция «Секс» была заморожена, а Лонковски затерялся среди других «кротов» абвера. Но позднее мы о нем еще услышим.

И вот наступил 1934 год, второй год пребывания Гитлера у власти.

Соединенные Штаты стали объектом нацистской пропаганды. Предполагалось, что миллионы американцев немецкого происхождения смогут быть организованы в серьезную политическую силу, способную оказать влияние на новую администрацию Рузвельта. То, что многие американцы немецкого происхождения достигли замечательных успехов в Новом Свете, было предметом гордости в Германии и аргументом для шовинистической гордости нацистов. Гитлер однажды заявил, что две трети американских инженеров – немцы. «Те люди, – сказал он, – от которых изначально зависело развитие [Соединенных Штатов], почти все имели германские корни».

Вдохновленные словами фюрера нацисты вышли на германо-американские землячества и сумели одурманить своей назойливой пропагандой тысячи людей. Их последователи расха-

живали со свастикой, устраивали демонстрации и беспорядки. Попытки вербовать шпионов, особенно среди тех «инженеров», о которых говорил Гитлер, были малоуспешными. Вся их деятельность в Нью-Йорке имела результатом привлечение лишь одного кандидата, врача по имени Игнац Теодор Грибль.

Доктор Грибль родился в Вюрцбурге, прекрасном старинном городе в Баварии в 1899 году, воевал артиллерийским офицером в Первую мировую войну и был ранен на итальянском фронте, где познакомился со своей будущей женой, австрийской медсестрой Марией Ганц. После войны при поддержке Марии он изучал медицину в Мюнхене до 1922 года, когда фрейлейн Ганц эмигрировала в США, пообещав выслать ему деньги на проезд, как только сможет. В начале 1925 года она сумела профинансировать его путешествие, затем помогала ему во время учебы в медицинском колледже Лонг-Айленда и в университете Фордхэма и дала ему денег, чтобы купить практику в городе Бангоре, штат Мэн.

Там у них завязались хорошие знакомства с некоторыми немцами, но ему не очень понравились жители Новой Англии. Честолюбивый молодой врач жаждал космополитской атмосферы Нью-Йорка, где ярче мог развернуться его талант. В 1928 году они переехали, и Грибль обосновался в Йорквилле, в самом сердце немецкой колонии Манхэттена, специализируясь на акушерстве и хирургии варикозных вен. Его уважали в округе, он стал официальным врачом нескольких немецких землячеств и процветал. Он и его жена приняли американское гражданство, и Грибль был зачислен в американскую армию как офицер запаса.

Грибль был политически активен, и нацизм стал прибежищем. Этот пухлощекий корытщик в очках стал активным нацистским пропагандистом еще до прихода Гитлера к власти. В 1933 году он решил расширить свою подрывную деятельность. Некоторые из его друзей занимали важные посты в американских оборонных учреждениях, и он решил, что сумеет привлечь кого-то из них к своей формирующейся шпионской сети во имя новой Германии.

3 марта 1934 года он направил Йозефу Паулю Геббельсу письмо с предложением своих услуг, сославшись при этом на лично известного Геббельсу своего брата Карла, ветерана нацистской партии, готового поручиться за него. Он писал Геббельсу, что уже не новичок в шпионаже, поскольку еще в 1922 году, будучи студентом-медиком в Мюнхене, во время летних каникул выполнял секретное задание абвера во Франции и вернулся оттуда с информацией, которую полковник Гемпп охарактеризовал как «интересную и полезную».

Геббельс переправил его письмо не в сонный абвер, который не интересовался ни Америкой, ни какой-либо еще страной, кроме Польши, а в гестапо, которое, как он знал, начало создавать всемирную сеть агентов и осведомителей. Из главного управления гестапо в Берлине заявление Грибля было препровождено в Гамбург в «Морское бюро» банковской расчетной палаты, где служащий Пауль Краус занимался созданием нацистских ячеек на трансокеанских лайнерах.

Краус использовал членов своих плавучих ячеек исключительно как курьеров. «Из Гамбурга, – писал он в своих рекомендациях по созданию всемирной сети, – в среднем тысяча судов ежемесячно отплывают во все порты мира, поэтому связь с иностранными государствами может поддерживаться с помощью завербованных членов команд этих судов». Работа по созданию этой сети началась еще в 1930 году, конечно нелегальная, поскольку фашисты еще не были у власти. К 1934 году, за год до назначения Канариса, у Крауса уже были тысячи агентов или кандидатов на эту роль, которые были аккуратно занесены в белые, желтые и голубые карточки, и их можно было привлечь к работе в случае необходимости. Особенно важное значение в том, что касалось Соединенных Штатов, имели члены экипажей «Европы», «Бремена», «Нью-Йорка» и «Гамбурга» – самых быстроходных трансокеанских лайнеров «Норт Джёрман Ллойд», курсировавших на линии Гамбург – Нью-Йорк.

На «Европе» в число агентов входили инженер, помощник капитана и стюард Карл Шлютер, на «Бремене» – два стюарда, один из них – Карл Айтель, на «Нью-Йорке» был Тео Шульдц,

а на «Гамбурге» один из помощников капитана. Хотя их и можно было использовать для сбора информации, после создания шпионской сети в США они должны были действовать главным образом в качестве курьеров.

Вербовка Грибля предоставляла Краусу возможность создания такой сети, и он пригласил доктора в свой офис в Стелла-Хаус в Гамбурге, чтобы обсудить возможности сотрудничества. Грибль за свой счет прибыл в Гамбург и охотно согласился работать на «Морское бюро» в качестве агента-вербовщика, подыскивая людей, которых можно было бы «развить» в полезных агентов. Вернувшись в Нью-Йорк, Грибль активно включился в деятельность общества «Друзья Новой Германии», с намерением использовать его как базу и крышу для шпионской деятельности. Он надеялся создать в ней несколько ячеек, но сумел организовать лишь одну, состоящую из него самого и трех «друзей» – Акселя Уиллер-Хилла, Оскара Карла Пфауса и еще одного молодого человека.

Ячейка не была такой неприметной, какой следовало бы быть звену шпионской сети. Маленькая группа будущих агентов была хорошо известна среди «друзей», которые нередко прохаживались по адресу «секретных ребят д-ра Грибля». Но как оказалось, секретная работа Грибля была нешуточным делом. Уиллер-Хилл и Пфаус стали важными винтиками в механизме немецкого шпионажа. В 1934 году, однако, этим ярым нацистам было далеко до того, чтобы называться секретными агентами. У них не было доступа к секретной информации и не было знакомств с теми, у кого был такой доступ. Поскольку им не удалось раздобыть ничего стоящего отправки в Гамбург, Гриблю пришлось позаботиться о поисках более перспективных кандидатов.

Он вспомнил своего старого приятеля еще по Новой Англии, который, по-видимому, отлично подходил для шпионской игры. В досье Грибля в абвере он значился под псевдонимом Данеберг, проходил под литерой «Т» (от слова «тыловой») и числился как субагент Ф-2307/д-ра Г.¹⁶ Из обнаруженного в архивах абвера личного дела Данеберга я узнал, что это был пятидесятидвухлетний одорукий американский инженер немецкого происхождения Кристиан Ф. Даниэльсен. Грибля в нем привлекло то, что он работал в конструкторском бюро завода по строительству новых эсминцев «Бат Айрон» в городе Бангор, штат Мэн. Грибль пригласил Даниэльсена в Нью-Йорк для возобновления знакомства, выслал ему 75 долларов на проезд.

Как оказалось, это был весьма полезный визит. Даниэльсен прожил в Штатах уже сорок лет и был натурализованным гражданином. В Германии у него были три дочери, кое-какое имущество, и он испытывал ностальгическую привязанность к старой родине. Он охотно согласился работать на Грибля и, таким образом, стал не только первым, но и одним из ценнейших членов формирующейся шпионской сети. Уже сразу после этого первого приезда Грибль вместе с Даниэльсеном отправился в Бангор, остановился в отеле и подождал, пока конструктор съездит к себе на завод и скопирует чертежи нового военного корабля, над которым работал. Эти материалы стали первым звеном в цепочке военных секретов США, выуженных Гриблем.

Затем неожиданно и по собственной инициативе к сети Грибля присоединился настоящий профессионал. В октябре 1934 года в приемной доктора в Йорквилле появился новый пациент с жалобой на воспаление надкостницы. Войдя в кабинет, он обратился к врачу:

– Не узнаешь, Игнац? Мы познакомились во Франции, выполняя задание полковника Гемппа.

– Ну да! – воскликнул Грибль. – Ты Вилли Лонковски! Надо же! Что ты делаешь в Америке?

---

¹⁶ В кодовом номере Ф-2307, присвоенном Карлу Айтелю, буква «Ф» означала, что он был курьером-связником. Тогда же Грибль был внесен в досье лишь как субагент Айтеля. Но когда доктор проявил себя как организатор шпионской работы, значительно превосходящий по своему значению Айтеля, он получил свой собственный номер А-2339, где «А» означала, что он агент, добывающий разведывательную информацию.

Лонковски рассказал о себе все: как был послан шесть лет назад в Штаты, как без малейшей помощи с родины создавал шпионскую сеть, как, непонятно почему, был позабыт абвером, а затем добавил:

– Я читал в газетах, что ты трудишься на благо нашей новой Германии. А потом я прослышал, что ты ищешь людей моей профессии. Вот я и пришел предложить свои услуги.

У Грибля это была самая необычная консультация в жизни, как для врача, так и для разведчика. Пока «пациент» лежал в кресле дантиста, он согласился объединить свою организацию со шпионской сетью Грибля.

Агент Секс с новыми силами приступил к работе. Весь 1933 год и большую часть 1934 года он был законсервирован, ломая голову, почему он больше не нужен абверу. Но все это время он не бездельничал. Он создавал и расширял свою сеть, чтобы быть наготове, когда придет команда из Берлина.

Его первые агенты Отто Фосс и Вернер Гуденберг были готовы добывать сведения, но, кроме них, были и другие. После того как Грибль и Лонковски объединились, в их группе появились уроженец Швейцарии, капитан армии США, поставлявший данные о новом вооружении пехоты, чертежник судостроительного завода из Нью-Йорка, конструктор-оружейник из Монреаля, инженер металлургической лаборатории государственного судостроительного завода из города Керни, штат Нью-Джерси, а также контактеры на военно-морских верфях в Бостоне и в Ньюпорт-Ньюс, штат Вирджиния, а также и на нескольких авиационных заводах. И все это, не считая Даниэльсена в Мэне.

Это была удивительная сеть, с высокими шпионскими данными и значительным потенциалом. Но она работала в вакууме. Абвер по-прежнему не подавал признаков жизни. Канарис еще не появился на сцене. Краус в Стелла-Хаус не знал, что ему делать с материалами, которые была готова поставить группа Грибля – Лонковски. Его руководство из гестапо не было заинтересовано в оборонной информации и не было подготовлено к работе с ней. Его курьерская организация стремительно росла, была готова в любой момент начать работу. Но в тот момент у Крауса курьеров было намного больше, чем отчетов, которые следовало доставить.

Эта аномальная ситуация резко оборвалась. В конце 1934 года в отделение абвера в Вильгельмсхафене, занимающееся военно-морской разведкой, был назначен новый заместитель начальника, человек, которого называли то «герр доктор», то «доктор Эрдхофф», то «Н. Шпильман». Его настоящее имя было Эрих Файффер, и он имел ученую степень доктора политэкономии. В сорок с лишним Файффер после пятнадцати лет пребывания в отставке, когда он занимался бизнесом, возвратился в абвер в скромном звании капитан-лейтенанта, связав себя с рейхсмарине в надежде, что флоту понадобятся его способности. Его назначили начальником агентуры, когда практически еще не было агентов.

Этот высокий худощавый человек в очках стал неувимым организатором немецкого шпионажа в США на все последующее беспокойное десятилетие. Его фамилия встречалась в каждом деле о шпионаже, которое удалось раскрыть ФБР, и Файффер проходил как один из организаторов в нескольких судебных процессах в Нью-Йорке. Но следить за ним приходилось издали, а судить заочно. В лучших традициях великих организаторов шпионажа Файффер оставался призрачным, безликим кукловодом, он дергал за веревочки, но сам не показывался.

Судя о нем только по его неудавшимся операциям и по его провалившимся агентам, явно плохо подготовленным, американская контрразведка быстро списала его со счетов как упорного, но не компетентного тупицу, чей массивный налет на американские военные секреты был столь же решительным и рискованным, сколь глупым и нерасчетливым. Но количество его успехов значительно превышало число неудач, и он стал одним из лучших мастеров шпионажа этого периода «штурм унд драг».

Это все еще была доканарисовская эпоха, когда контакты с нацистами были редкими и случайными. Файффер, как прагматик, не разделял антипатии капитана Патцига к ним. Едва

появившись на Вильгельмсхафен, он установил рабочие отношения с управлениями гестапо в Бремене и Гамбурге и был сторицей вознагражден за это.

Всего лишь через несколько месяцев после прихода на Вильгельмсхафен, 2 января 1935 года, когда он еще и не начинал формировать штат агентов, неожиданный звонок из Гамбурга вовлек его в работу. Это был Краус, звонивший из Стелла-Хаус с вопросом, не хочет ли Файффер повидать двоих «друзей», которые привезли ему «подарок» из Америки.

– Я готов за них поручиться, – заверил Краус. – Они выудили очень крупную рыбку.

Друзьями были стюард с «Бремена» и инженер с «Европы», решившие предложить свои услуги абверу, а их «подарок» привел в восторг даже флегматичного и скептического Файффера. Инженер с «Европы», еще новичок в разведке, принес номер торгового журнала «Мэри Ньюс» и несколько старых номеров «Нэшнл джиографик». Но «подарок» стюарда был значительно более ценным – он привез первую посылку от Грибля и Лонковски.

Это было засекреченное руководство для ВМФ США по тестированию металлов на судовых верфях, которое Грибль получил от инженера из Керни, и донесение Лонковски о некоторых фактах из личной жизни Фредерика Т. Бёрчхолла, главного европейского корреспондента «Нью-Йорк таймс», весьма досаждавшего Берлину своими яркими, дельными и аргументированными антифашистскими статьями. Он привез также образец теллура, который использовался в экспериментах по борьбе с коррозией на кораблях ВМФ США, и фотопленку с чертежами экспериментального самолета, разрабатываемого фирмой Сикорского в Фармингдейле, Лонг-Айленд.

Стюард сообщил доктору Файфферу, что может доставить гораздо большее количество подобных материалов, поскольку Грибль и Лонковски ждали только слова от абвера, чтобы развернуть широкомасштабную разведывательную работу. Стюард вкратце обрисовал предложения Лонковски в отношении будущего сотрудничества: он может вновь приступить к работе немедленно, восстановить все свои старые связи и вместе с Гриблем завести новые. Они планировали отправлять донесения в Вильгельмсхафен Файфферу с судовыми курьерами каждым рейсом «Европы» и «Бремена». Материалы предполагалось передавать на 35-мм фотопленке, а переснимать должен был Лонковски в лаборатории, оборудованной в его доме на Лонг-Айленде.

Как отмечал позднее Файффер, столь вовремя случившийся приезд Айтеля с этими «подарками» полностью изменил характер и направление деятельности отделения в Вильгельмсхафене. США заняли верхнюю строчку в списке объектов разведывательной деятельности, и были предприняты меры по ее расширению. Новые агенты были внесены в досье абвера. Карл Айтель, ставший главным курьером, числился в списках абвера под номером Р-2307¹⁷. Грибль получил псевдоним Илберг и новый номер – А-2339. Вся серия номеров 2300 была зарезервирована Файффером для агентов, задействованных в операции «Секс».

Наконец, 5 января Айтель с подробными инструкциями для Грибля и Лонковски отплыл обратно в США на «Бремене». После этого благодаря блестяще разработанным Файффером указаниям работа развернулась в строгом соответствии с правилами шпионажа. 12 января 1935 года у агента Секса в «Хофбраухаусе», немецком ресторанчике на Восемьдесят шестой улице, состоялась явка с агентом Р-2307. Началась новая многообещающая фаза операции «Секс».

---

¹⁷ Изменение буквы «Ф» на «Р» в кодовом номере Айтеля означало, что он из категории связника-курьера перешел в категорию агентов.

Глава 3

ВАЛ УДАЧ В АМЕРИКЕ

Ровно через месяц после первого появления Айтеля в Вильгельмсхафене, 2 февраля 1935 года доктор Эрих Файффер был вызван в главное управление абвера в Берлине для отчета о работе в Америке. Он обрисовал детали операции капитану 3-го ранга Удо фон Бонину, заместителю начальника отдела военно-морской разведки, курировавшему разведывательную деятельность в США, и полковнику Гансу Пикенброку, который только что прибыл на набережную Тирпиц, чтобы возглавить подразделение, известное под названием «Амтсгруппе-1» в главном управлении абвера. Шесть дней спустя адмирал Канарис в сопровождении Пикенброка посетил Вильгельмсхафен с целью проверки деятельности отделения Аст-Х, внезапно ставшего в абвере самым активным и важным из всех.

Вторая посылка с материалами от Лонковски была доставлена стюардом «Европы» Карлом Шлютером. Теперь не было сомнений, что американские «вольные стрелки» были лучшими и самыми продуктивными агентами абвера, и Файффер с его коллегами в фатерланде сделали все, что могли, для разработки этой неожиданно открытой бонанзы.

Энтузиазм Файффера оказал воздействие на скептически настроенного шефа абвера, чье безразличие к Северной Америке улетучилось. В одном из импровизированных выступлений перед личным составом своей организации он охарактеризовал США как «ключевое направление деятельности» абвера. «США должны рассматриваться, – заявил он, – как решающий фактор в любой будущей войне. Их промышленная мощь такова, что способна обеспечить победу не только самих Соединенных Штатов, но и любой страны, ставшей их союзником».

Он приказал Файфферу увеличить штаты его отделения и перебазироваться в Бремен, поближе к месту прибытия курьеров из США. Передислокация была произведена 1 октября 1935 года. В этот реорганизационный период оплата агентов вносилась в графу расходов наряду с такими хозяйственными расходами, как электрические лампочки (8–10 марок), кассовые коробки для мелочи (19 марок) и канцелярские принадлежности (24,65 марки). Файффер снял помещение в деловой части Бремена (за 165 марок в месяц) и оборудовал там фотолабораторию (за 237,86 марки), поскольку большая часть материалов из США доставлялась на фотопленках. Он также арендовал два почтовых ящика (номер 161 в Вильгельмсхафене и номер 210 в Бремене) и организовал несколько адресов в городе, на которые должна была поступать секретная информация из Америки.

Два резидента в США совместно вели работу. Каждый раз, когда «Европа» или «Бремен» швартовались в порту Бремена, Файффер прибывал на явку с Айтелем, Шлютером или другими курьерами и получал их сведения. Это время стало звездным для Лонковски, который наконец дождался своего часа. Он переехал в дом в Хемпстеде на Лонг-Айленде, чтобы быть ближе к своим информаторам с авиационных заводов этого района и к аэродромам ВВС США Митчел-Филд и Рузвельт-Филд.

Операция «Секс» развивалась весьма успешно и в точном соответствии с планом. Удалось раздобыть конструкторские разработки автоматического прицела для пулеметов, доставленные одним из «друзей» Лонковски, офицером пехоты США, уроженцем Швейцарии, и чертежи нового танка-амфибии, разработанного в Лэнгли-Филд, Вирджиния. Ценность информации особенно возрастала благодаря ее новизне и оперативной доставке в Германию. Например, 18 июля военно-технический отдел люфтваффе сделал запрос на сведения о новых поплавках для гидросамолета, разрабатываемого заводом Сикорского в Фармингдейле, Лонг-Айленд. Отто Фосс, уже устроившийся на это предприятие, немедленно раздобыл необходимые сведения, и они поступили в Берлин к 8 августа.

С января, когда началась операция, и до конца июля, когда ее осуществление достигло пика, резидентура Лонковски поставила следующие материалы:

тактико-технические характеристики всех самолетов, выпускаемых заводом Сикорского в Фармингдейле;

чертежи самолета «FLG-2» и палубного разведчика-штурмовика «SBU-1» для ВМФ США фирмы «Ваут эвизэшн»;

тактико-технические характеристики бомбардировщиков, разрабатываемых фирмами «Боинг» и «Дуглас»;

секретные карты армии США;

технология процессов анодирования и хромирования;

чертежи эсминцев «DD-397», «DD-398» и «DD-399»;

чертежи нескольких новых приборов фирмы «Лиэр радио корпорейшн», предназначенных для военного и военно-морского министерств США;

доклад о тактических военных учениях на аэродроме Митчел-Филд на Лонг-Айленде.

По заданию Файффера Грибль и Лонковски побывали в районе канадской границы для «поиска возможных пунктов для переброски больших групп агентов из Канады в США». В Монреале у них была явка с одним из их агентов – инженером канадской фирмы, сотрудничавшей с ВМФ США, и получили от него чертежи «нового зенитного орудия с электромагнитным устройством для увеличения скорострельности». Чертежи попали к Лонковски непосредственно с кульмана, и Файффер получил их фотокопии раньше, чем заказчик.

В сентябре Лонковски был близок к своему самому грандиозному успеху. Он завербовал сотрудника завода «Кёртис эркрафт» в Буффало, Нью-Йорк, по фамилии Гуденберг. Это был красивый, аккуратно подстриженный тридцатилетний мужчина с открытым лицом, женатый на хорошенькой американке, казалось бы, преданный своей новой родине и неспособный стать шпионом. Однако он был одним из главных информаторов Лонковски. Ранее Секс получил от него чертежи экспериментального ночного бомбардировщика и еще одного нового самолета, находящегося в стадии строительства. И вот в сентябре Гуденберг передал Лонковски технические чертежи сверхсекретного легкого бомбардировщика «SB-C2». Получение этой информации стало высшим достижением в шпионской карьере Лонковски. Оно стало также и его лебединой песней.

25 сентября 1935 года «Европа» готовилась к отплытию в Бремерхафен. Причал номер 86 на реке Гудзон в нью-йоркском порту был заполнен пассажирами, провожающими, чиновниками и таможенниками. Непрерывно подвозились букеты цветов и багаж, в каютах вовсю пили за отъезд, завязывались знакомства, чтобы сделать путешествие более приятным. Один из провожающих, невысокий худой мужчина в очках, держал в руках футляр от скрипки и о чем-то беседовал со stewardом.

– Что это у вас за скрипка? – поинтересовался проходивший мимо таможенник Моррис Джозеф.

– Самая обыкновенная, – небрежно ответил мужчина.

– Не разрешите ли посмотреть? Я очень интересуюсь скрипками.

Занервничав, коротышка открыл футляр. Приподняв скрипку из ее бархатного ложа, Джозеф сразу же увидел под ней фотоснимки чертежей самолетов. Помрачнев, таможенник положил скрипку на место, закрыл крышку и попросил ее владельца пройти с ним в помещение таможни на причале. Там он доложил о происшествии своему начальнику Джону У. Робертсу, и они вместе обыскали задержанного. В его карманах были обнаружены фотопленка и несколько писем, написанных по-немецки.

На негативах были изображены детали самолетов, а в письмах, подписанных «Секс», содержались такие фразы, как «интерес представляет обтекаемое шасси на одной стойке». Роберте немедленно позвонил на Говнер-Айленд майору Стенли Грогену из Джи-2 (контр-

разведка). Того не оказалось на месте, но его подчиненный, рядовой сотрудник, немедленно прибыл в порт обследовать немзыкальное содержимое футляра для скрипки. Увиденное произвело на него такое впечатление, что он тут же позвонил другому офицеру контрразведки, майору Джозефу Н. Дэлтону, и попросил указаний. Обстановка становилась все более напряженной, задержанный выглядел подавленным. Дэлтон попросил солдата описать фотоснимки, негативы и письма, а затем заявил:

– Я не вижу ничего особенного в этих фотографиях. Такие могут быть у каждого. Отпустите его и скажите, чтобы он явился завтра к нам для беседы с майором Грогеном. Кстати, как он назвался?

До этого никто и не подумал спросить у задержанного фамилию.

– Как ваше имя? – обратился к нему Роберте.

Человек в очках замялся. Похоже, ему хотелось назвать какую-либо вымышленную фамилию, но, заключив, что игра кончена, он решил не отпираться:

– Уильям Лонковски, сэр.

– Так вот, мистер Лонковски, – произнес Роберте, – сейчас вы можете идти, а завтра в десять приходите сюда. У нас к вам есть несколько вопросов.

«С тех пор я его не видел», – позднее говорил Роберте.

Что же случилось?

Покинув порт, Лонковски тут же позвонил в Хемпстед жене, велел снять со счета в банке все их деньги и привезти в приемную доктора Грибля. Затем на такси приехал к нему на Восемьдесят шестую улицу, рассказал, что случилось, и попросил вывезти его из страны как можно быстрее. Ближе всего была Канада, а им нельзя было терять время. Грибль вызвал агента абвера Ульриха Хаусманна, пребывавшего в Штатах под крышей корреспондента немецких авиационных журналов, и попросил отвезти их в его загородный дом в Пикскилле, Нью-Йорк, а затем доставить Лонковски в Канаду.

Похоже, что все обошлось. Никто не следил за Лонковски, когда он ехал в приемную Грибля, никто не спрашивал о нем в его доме на Лонг-Айленде. Во всяком случае, никто из властей. Берег был чист.

Хаусманн взял автомобиль Грибля, усадил в него Лонковски, и они уехали. Они доехали от Пикскилла до границы и пересекли ее у Рок-Айленда, Вермонт. Хаусманн сразу же позвонил Гриблю, который поддерживал связь с Файффером по телеграфу. Лонковски велели отправиться в Ривьер-де-Лу, куда причалил немецкий сухогруз. Они прибыли в порт у реки Св. Лаврентия, и там Лонковски поднялся на борт судна. Шкипер получил указание отплыть немедленно после прибытия пассажира. Лонковски отбыл в Германию днем 28 сентября, а Хаусманн благополучно вернулся в Нью-Йорк. Все получилось очень просто.

Весь этот эпизод был вкратце отражен в личной карточке Грибля в абвере следующим образом: «В 1935 г., действуя оперативно и решительно, оказал неоценимую службу в критической ситуации в ходе операции «Секс». Оценка неожиданного путешествия Лонковски отражена в бухгалтерской книге Файффера. Там фигурирует запись от 30 сентября о телеграфном переводе 100 марок на борт сухогруза, 10 октября отмечены 6 марок, потраченных на такси, на котором Файффер привез Лонковски из гавани, 12 октября к книге подколот чек номер 25 с пометкой «Расходы фрау Секс на поездку Нью-Йорк – Берлин».

Далее фрау Лонковски, или некая женщина, путешествовавшая под именем фрау Секс, незамеченной отбыла из Соединенных Штатов и благополучно добралась до Берлина, просто сев в нью-йоркском порту на лайнер до Бремена. Билет стоил 150 марок и еще 8,2 марки «фрау Секс» потратила на поездку на такси.

Но операция «Секс» вовсе не закончилась.

Вспоминая в мемуарах случай с Лонковски, бывший заместитель начальника военно-морской разведки контр-адмирал Эллис М. Захариас самоуверенно заявил: «Еще до того, как

нам стало известно, что Лонковски сумел предупредить Грибля, мы с уверенностью ожидали, что задержание и последующее освобождение этого агента заставит всю группу прекратить на некоторое время свою деятельность, как это и произошло».

Но этого не произошло.

Грибль и Карл Айтель быстро осознали невероятную наивность американской контрразведки и, вместо того чтобы затаиться, стали еще активнее, чем прежде. В действительности казус с Лонковски, а это происшествие ничем иным и не было, открыл дорогу к тому, что может быть названо пиком немецкого шпионажа в Соединенных Штатах, который длился почти бесперебойно пять лет до середины 1941 года, то есть почти до событий в Пёрл-Харборе.

В лице Грибля и Айтеля адмирал Канарис получил двух талантливых асов разведки в США, а в лице Файффера – опытного организатора, которого нелегко было обескуражить. Было похоже, что инцидент с Лонковски стал катализатором в их карьере. Дилетанты внезапно стали профессионалами, а их организация уменьшилась и укрепилась благодаря внедрению системы конспирации.

В деле вербовки использовались различные методы, а особое внимание уделялось выходцам из Германии, натурализовавшимся в Германии. Закрепившись в США, они получали инструкции «добывать информацию где только возможно». В целях безопасности им рекомендовали воздерживаться от любой пронацистской публичной деятельности и стараться обеспечить себе respectable положение в обществе. Их шпионская деятельность держалась в секрете даже друг от друга, хотя они и пользовались теми же каналами передачи информации в Германию.

Система передачи информации была весьма простой. Курьерам сообщали пароль. Если у агента были родственники в Дрездене, курьер должен был сказать: «Привет из Дрездена», если у агента в Германии был знакомый по фамилии Шмидт, курьер говорил: «Привет от Шмидта».

На другом конце цепочки у абвера были агенты во всех важнейших портах Европы: в Лиссабоне, Генуе, Роттердаме и Шербуре. Так называемые «почтовые ящики» (условные адреса) были в Голландии, Италии, Шотландии, Бразилии и даже в Китае. Для ускоренной доставки материалов чаще использовались «Бремен» и «Европа». Когда удалось завербовать бортпроводника одного из рейсов на Лиссабон компании «Пан-Америкэн эрлайнз», этот маршрут стал самым быстрым каналом передачи информации, правда лишь в летнюю погоду.

Агенты обучались фотографированию миниатюрными фотоаппаратами, вмещающая документ размером в одну страницу на негативе 25 x 18 мм. Таким образом, курьер мог доставить множество инструкций различным агентам, а на обратном пути взять несколько дюжин фотокопий документов.

Были разработаны несколько несложных шифров, основанных на популярных романах, ключи к шифрам были записаны симпатическими чернилами на оборотной стороне фирменных пакетиков со спичками фирмы «Норт Джёрман Ллойд». Позднее были разработаны более сложные шифровальные системы для передачи информации по радио с трех передатчиков, доставленных абвером в Северную Америку.

Прибыв на место назначения, курьер связывался по предварительной договоренности с так называемым Umleitungsstelle (агентом-передатчиком). Обычно это были судовые поставщики либо другие лица, часто посещавшие порт по роду работы.

Вознаграждение агентуре выплачивалось различными способами. В одних случаях деньги перечислялись из банков в Латинской Америке, Мексике или Голландии на счета агентов в различных нью-йоркских банках, обычно «Чейз нэшнл» или «Нэшнл сити бэнк». Чаще американская валюта доставлялась курьерами и передавалась агентам.

Судя по финансовым документам, оплата была скромной. Инженер-швейцарец из Монреала получал по 50 долларов за каждую переданную информацию, а его курьер получал 30 долларов за доставку ее в Германию. Однажды курьер привез в Нью-Йорк 400 долларов для

выплаты их пяти агентам. За пять месяцев 1937 года в Нью-Йорк было выслано 1400 долларов для выплат двадцати агентам. Самая крупная сумма, выплаченная одному агенту за один раз, составляла 1500 долларов.

К концу 1935 года операция «Секс», переименованная в операцию «Илберг», вступила в новую фазу с участием как прежних, так и вновь завербованных агентов¹⁸. В апреле к сети приключилась группа под кодовым названием «Краун», связь с которой поддерживалась по переписке и с помощью объявлений в газете «Нью-Йорк таймс». В нее входили Гюнтер Густав Румрих, тридцатисемилетний натурализованный судетский немец, демобилизованный сержант американской армии, и его друг Эрих Глязер, солдат срочной службы. Спецкурьерами группы Файффер (носивший для этой операции псевдоним Н. Шпильман) назначил Карла Шлютера и Иоганну (Дженни) Хофманн, молодую парикмахершу «Европы».

Ведущим агентом группы «Илберг» был Густав Гюллих, самый загадочный член сети, о котором не было упоминаний нигде, кроме секретных досье абвера, где я обнаружил некоторые факты. Отчет о его деятельности был столь же впечатляющим, сколь и его способность оставаться незаметным.

Гюллих был тридцатичетырехлетним уроженцем Мюнхена, приехавшим в Соединенные Штаты в 1932 году на постоянное жительство. Квалифицированный инженер-металлург устроился на работу в лабораторию верфи Керни, штат Нью-Джерси, и работал там, занимаясь, по видимому, только своими делами, добросовестно выполняя служебные обязанности и не привлекая к себе внимания. Сухой худощавый холостяк скромно жил в номере 1150 отеля «Мартиника» на Западной Тридцать второй улице Нью-Йорка, неподалеку от Мейси. Страдающий приступами депрессии одиночка не имел друзей, пока не познакомился с Гриблем. Он быстро подружился с ним и легко принял предложение заняться шпионажем, видимо видя в этом возможность отвлечься от скуки и монотонности повседневной жизни. Гюллих быстро включился в работу и стал одним из самых старательных и ценных членов группы.

В своей лаборатории он добыл сверхсекретную информацию о ВМФ США в виде отчетов, чертежей и расчетов. В их числе были чертежи нескольких строящихся эсминцев, включая канонерку «Эри»¹⁹, описание снаряда со слезоточивым газом, чертежи нового пистолета «смит-и-вессон», чертежи самолета «Боинг-Р-26», тактико-технические данные гидролокатора, палубных орудий и снарядов к ним, образцы кабелей, а также значительное количество информации по металлургии, включая секретную технологию поляризации фольги.

Его шедевром стал врученный Гриблю 7 января 1936 года четырехстраничный меморандум с названием «Эксперименты с высотными ракетами США». В нем содержалось подробнейшее описание работ профессора Роберта Годдарда из университета Кларка в Уорстере, Массачусетс, который только что совершил, по характеристике Гюллиха, «прорыв в разработке ракетной техники».

В первом отчете Гюллиха содержалось резюме газетных статей о Годдарде, в большинстве которых великий физик изображался сумасшедшим профессором, желавшим добраться до луны. Однако в Германии внимательно следили за экспериментами Годдарда, и отчет Гюллиха был с живым интересом встречен в абвере.

Ему приказали сосредоточить свои усилия на этом направлении и отправили список с вопросами, для ответов на которые в следующем году ему пришлось потратить значительное время. Однажды он даже съездил в Нью-Мексико, где Годдард проводил полевые испытания, и наблюдал запуском одной из первых ракет. В досье Гюллиха хранятся семь его отчетов только по этой теме. Последний, датированный 7 декабря 1936 года, сочли столь важным, что на нем

---

¹⁸ Дни Айтеля в этой шпионской сети были сочтены. Поскольку существовала вероятность того, что Лонковски мог его провалить, он был лишь временно назначен руководителем группы курьеров.

¹⁹ Канонерки тогда уже не строились. Имеется в виду сторожевой корабль. (Примеч. науч. ред.)

была резолюция самого адмирала Канариса. В нем Гюллик приводил сведения о системе охлаждения камеры сгорания, давал расписание испытательных запусков до конца года и сообщал формулу жидкого топлива, используемого Годдардом. На вопрос о наиболее возможном практическом использовании проекта Гюллик ответил, что «ракеты планируется использовать вместо управляемых звуковыми локаторами торпед».

Агентурная работа Гюллиха показывает, насколько простой может быть шпионская деятельность. В ней, даже при его особой осмотрительности, не было ничего театрального. Он время от времени скрытно копировал секретные бумаги, оказывающиеся на его письменном столе, вначале в Керни, затем на Восточной Двенадцатой улице в Нью-Йорке. Он также внимательно слушал и наблюдал за своими коллегами в лабораториях «ЮС Стил».

Даже его явки с Гриблем или курьерами были всегда обычными встречами в публичных местах. Они назначали время и место, где Гюллик обычно под столиком ресторана передавал свои материалы, завернутые часто в свежий номер «Нью-Йорк таймс». Курьеры обычно платили ему наличными, предпринимая при этом ничуть не большие меры предосторожности.

В Бремене не понадобилось много времени, чтобы по достоинству оценить Гюллиха. В сентябре 1937 года Файффер повысил его на один ранг в своей иерархии. До этого он был суб-агентом номер Ф-2307-Гю. Теперь он получил свой собственный номер, следующий из имевшихся в наличии в серии 2300. Тихий баварец не выразил ни эмоций, ни благодарности, когда Айтель сообщил ему, что теперь он будет числиться агентом 2338.

Все шло гладко, пока в июне 1937 году Грибль не поехал в отпуск в Германию вместе со своей стройной молодой любовницей. Поездка превратилась в триумфальное шествие вернувшегося домой победителя. Файффер встретил их в порту, разместил в номере люкс отеля «Колумб» в Бремене. Провел Грибля по своему отделению, а затем свозил в Берлин, где познакомил с капитаном Германом Менцелем и капитаном 1-го ранга Удо фон Бонином – руководителями отдела «М» абвера, курировавшего операцию «Илберг». Его также представили адмиралу Канарису и полковнику Пикенброку. В качестве прощального подарка Канарис преподнес ему документы на владение виллой в Гессене, конфискованной у еврея.

Вернувшись в Бремен накануне отъезда Грибля в Нью-Йорк, Файффер пригласил его с подружкой в кафе «Астория», и в веселой атмосфере ночного клуба они обсудили перспективы поступления информации из Нью-Йорка.

Как позднее признался Грибль, они говорили о «создании резидентуры в Монреале для работы в Канаде и Новой Англии» и «агентурных ячеек от Ньюпорт-Ньюса, Бостона, Буффало, Бристолья, Филадельфии и даже вплоть до Сан-Диего и Сиэтла на западе, а также в Бате, штат Мэн».

Файффер, язык которого развязался от шнапса, сообщил, что, помимо группы «Илберг», в Америке есть множество агентов, «включая двух отличных ребят в зоне Панамского канала». Один из его новых агентов, имевший свободный допуск на все военные объекты на востоке США, недавно побывал в военном химическом центре в Бельэре, штат Мэриленд. В Вашингтоне один из его людей работал в аппарате одного из сенаторов, а другой входил в ближайшее окружение президента Рузвельта. Файффер рассказал, что последний сообщил подробности конфиденциального совещания в Белом доме, на котором обсуждались проблемы уязвимости американских военных кораблей и возможности их конструктивной доработки. Агент, работавший в лаборатории войск связи в форте Монмут, штат Нью-Джерси, достал чертежи новейшей зенитной пушки «еще до того, как их получили в Вашингтоне».

«В каждом стратегически важном пункте США у нас есть хотя бы один разведчик, – похвалялся, по словам Грибля, Файффер. – На каждом оружейном заводе, на каждой судовой верфи Америки есть наши агенты, а некоторые из них занимают ключевые позиции. Американцы не могут планировать боевые действия, сконструировать самолет или разработать новый прибор без того, чтобы мы тут же не узнали об этом».

Учитывая также активность японцев, создавших собственную шпионскую сеть в США в сотрудничестве с абвером на основании соглашения, заключенного в Берлине между адмиралом Канарисом и полковником Осимой, можно сказать, что Соединенные Штаты были «зажаты в клещи шпионажа». Это было, как заявил Гриблю Файффер, «самое эффективное и разработанное вторжение в великую державу за всю историю шпионажа»²⁰.

---

²⁰ Эти слова не были пустой похвалой. Способность немцев покрыть всю авиационную промышленность США имела большое значение. То, что они могли заполучить для развития люфтваффе все им необходимое, помогло обеспечить их боеготовность к 1939 г. Без помощи из Соединенных Штатов на это понадобилось бы гораздо больше времени, и немцы не смогли бы начать войну так скоро, как сумели.

Глава 4

БОМБАРОДИРОВОЧНЫЙ ПРИЦЕЛ

В американской коллекции абвера была лишь одна лакуна – не удалось добыть столь важный предмет, что его отсутствие делало почти бесполезными все остальные приобретения. Это было сверхсекретное американское изделие, позволяющее бомбардировщику определять момент сбрасывания бомбы с тем, чтобы она попадала точно в цель. Не было секретом, что различные модификации такого бомбардировочного прицела были сконструированы совместно Карлом Т. Норденом и Теодором Бартом, а также разрабатывались Элмером Сперри. Сами же конструкции тщательно охранялись.

Прибор пользовался признанием в ВВС (и был предметом вождения всех разведок), поскольку считалось, что он обеспечивает решение одной из основных проблем воздушной войны. Много болтали о точечной и ковровой бомбардировке, и неспециалисту могло показаться, что такая точность была достижимой. Но на самом деле точки были слишком большими, ковры чересчур широкими. Специалисты же сознавали необходимость поиска средств, чтобы «управлять бомбой в полете, наводя ее на цель».

Идея бомбардировочного прицела была не новой. Несколько известных американских изобретателей – Чарльз Ф. Кеттеринг, Джон Хейз Хэммонд-младший и Сперри – решили основные принципы этой проблемы, и их разработки любой мог найти в патентном бюро США. И кроме того, в газетах были упоминания о «наиболее охраняемом авиационном оружии этой страны», обеспечивающем США «фору в прицельном бомбометании».

Поскольку вся шумиха была поднята вокруг прицела «Норден», то и все секретные службы, естественно, положили глаз на него еще с 1921 года, когда Карл Норден начал эксперименты с первыми сырыми образцами. К 1928 году его серия «Марк-2» показала столь многообещающие результаты, что ВМФ сделал заказ на сорок прицелов, а капитан Фредерик Энтуистл был придан ему в помощь для доработки изобретения.

В 1931 году первый патент был тайно выдан на имя Нордена и Энтуистла (открытый патент был выдан лишь в 1947 году). Вскоре после этого японцы попытались купить чертежи, но Норден ответил резким отказом²¹.

Как ВМФ, разрабатывающий эту боевую технику, так и армейская авиация, которая смогла бы ею пользоваться, чуть ли не молились на это секретное оружие. Оно охранялось столь тщательно, что даже англичане, несмотря на все усилия, смогли получить его лишь с личного разрешения Рузвельта только в 1940 году.

Немцы раздобыли его еще в 1937 году, и это первый подробный рассказ о том, как это им удалось.

В 1936 году просочились сведения, что у Нордена готов к сборке высокоэффективный прицел. Согласно сообщениям, с новым прицелом для бомбежки на заданной скорости требовалось задать лишь два исходных параметра – направление и высоту, тогда устройство автоматически производило сбрасывание бомбы в нужный момент, чтобы она попала в цель.

Благодаря блестящей команде, специализирующейся на авиационных секретах США, абвер обеспечивал кратчайший путь к решению множества проблем, которыми занимался отдел материально-технического снабжения люфтваффе. Как только начинались разработки технического решения, сразу давали заказ майору Гансу Йохану Гроскопфу, начальнику технической службы I/Люфт – отдела авиационной разведки абвера, и Файффер отправлял его Гриблю с первым же судном, отплывающим на запад. Была ли это конструкция усовершен-

---

²¹ Норден подписал соглашение с ВМФ о передаче правительству США всех чертежей на бомбардировочные прицелы и на другие его военные изобретения, включая катапульту и тормозной механизм для обеспечения взлета и посадки на авианосцы.

ствованного обтекателя воздушного винта с улучшенной аэродинамической поверхностью или барометрический высотомер (это лишь два реальных заказа), агенты в США добывали практически все, о чем запрашивало люфтваффе.

В июне 1937 года, а затем и в августе генерал Эрнст Удет, заместитель командующего люфтваффе по материально-техническому обеспечению, лично попросил Канариса попытаться добыть конструкцию бомбардировочных прицелов Нордена и Сперри. Гросскопф отправил запрос в Нью-Йорк, но из группы Грибля никто не справился с задачей. В начале сентября в отделение абвера в Гамбурге прибыла очередная посылка от нового агента из Бруклина, от которого уже поступали отдельные материалы. Два чертежа весьма озадачили сотрудников Удета. На них были изображены квадраты и круги, соединенные пунктирными линиями, которые без пояснений не имели никакого смысла. Краткая пометка на схеме привлекла внимание Гросскопфа. Бруклинский агент сообщал абверу, что автор эскизов работает на заводе Нордена на Лафайет-стрит в Нью-Йорке и стремится установить связь с разведкой через специального связного²².

К тому времени шпионаж в Соединенных Штатах был практически вотчиной Файффера и направлялся из бременского филиала гамбургского отделения абвера. Отделение Аст-Х входило в состав Десятого военного округа и базировалось в его штабе на бульваре Софии, занимая ряд скромно меблированных комнат в массивном четырехэтажном здании в престижном жилом районе недалеко от центра.

Под руководством временного начальника отделения капитана ВМФ Иоахима Бургхардта (чьим жизненным принципом было не будить спящую собаку) Аст-Х никогда не тревожило свои подразделения. Бургхардт не обладал ни усердием и энергией Файффера, ни амбициями своего подчиненного. Под его руководством отделение, ответственное за Великобританию и всю Северную Америку, имело в своем активе в США лишь одного «крота», инженера по имени Эверетт Минстер Рёдер, незадолго до этого предложившего Бургхардту свои услуги.

Хотя Рёдер и работал на стратегическом заводе Сперри на Лонг-Айленде, имея доступ к важной информации, Бургхардт предпочел «законсервировать» его на будущее, чтобы не рисковать им в преждевременной операции. Кроме Рёдера, у Аст-Х были еще два случайных агента, один из которых и вышел на сотрудника завода Нордена.

За несколько месяцев до этого обстановка в застойном гамбургском отделении изменилась к лучшему с прибытием нового назначенца с поручением организовать в Аст-Х сектор авиационной разведки. Это был сорокалетний отставной офицер, рейнландец Николаус Риттер, сын президента колледжа и текстильный фабрикант из Нью-Йорка. Риттер совершенно случайно был выхвачен из списка кадров и направлен на эту работу. У него не было ни авиационного, ни разведывательного опыта, а по роду службы он был ранее на второстепенных ролях. Поскольку более десяти лет жил и работал в США, он свободно говорил по-английски и имел ряд полезных знакомств в Америке. И еще он очень нуждался в работе, поскольку его текстильный бизнес лопнул во время кризиса 1937 года.

Риттер получил от генерал-лейтенанта Фридриха фон Бёттихера, германского военного атташе в Вашингтоне, предложение возвратиться в Германию и вновь поступить на военную службу. Обдумав предложение, он, за неимением лучшего, принял его, и никто не был удивлен его назначением в абвер в качестве руководителя сектора авиационной разведки в Гамбурге больше, чем он сам. Его удивление возросло, когда в июле 1937 года он получил из Берлина подписанную самим Канарисом директиву усилить «разведывательную работу немедленно... охватив военно-воздушные силы и авиационную промышленность Соединенных Штатов».

---

²² На эскизах показана была лишь небольшая часть бомбардировочного прицела Нордена – один из пропеллеров и стабилизационный винт.

«Я откинулся в кресле и долго всматривался в эти сухие строки, – рассказывал мне после войны Риттер. – Когда я осознал их смысл, у меня перехватило дыхание. Это была огромная ответственность. На миг я забыл, где нахожусь и чем занимаюсь. Перед глазами встала моя прошлая жизнь в Соединенных Штатах со всеми взлетами и падениями. Мне было трудно свыкнуться с мыслью, что мне придется работать против страны, которую я любил почти так же, как свою родину».

Освоившись с идеей шпионажа против страны, гражданином которой он был всего лишь несколько месяцев назад (он сдал свои документы о гражданстве и вернулся в Германию по визе реэмигранта), Риттер принял твердое решение. Он займется организацией разведывательной деятельности в США. Риттер отправился в Берлин, чтобы получить разрешение высшего руководства на поездку в Америку, но обнаружил, что Канарис категорически против.

– В моем письме было сказано, что вам следует расширить нашу разведработу в США, исходя из требований люфтваффе, обеспечить его бомбардировочным прицелом Нордена, – заявил он Риттеру. – Это очень важное задание, связанное с серьезным риском. Мы не можем рисковать без необходимости, засветив вас и обнаружив свою заинтересованность в этом.

– Господин адмирал, я понимаю, что это весьма деликатная миссия. Именно поэтому я прошу разрешить мне заняться этим лично. Я знаю страну, я говорю на американском английском. Я не так давно работаю в разведке, чтобы американцы смогли узнать об этом. Ни один из моих агентов не знает ни моего настоящего имени, ни местонахождения моей конторы. Уверяю, что вероятность засветиться ничтожна. Но я знаю, что делать, и смогу выполнить задачу.

Канарис в конце концов дал согласие.

– Пожалуй, вы лучше всех подходите для этого дела, – сказал он Риттеру. – Но я хочу предупредить вас – держитесь подальше от официальных немцев, особенно от вашего друга военного атташе. Генерал фон Бёттихер не в курсе нашей работы. Он думает, что способен сделать ее лучше нас. Ни при каких обстоятельствах не приближайтесь к нему или любому другому германскому официальному представителю в США.

Риттер планировал изобразить свою поездку как можно более заурядной, используя в качестве прикрытия свою прошлую деятельность в качестве текстильного фабриканта. Он получил от нескольких гамбургских фирм доверенности на заключение сделок в США, а для подтверждения полномочий и аккредитив на крупную сумму, открытый в филиале «Нэшнл сити бэнк» на Девяносто третьей улице в Нью-Йорке.

У него была реэмигрантская виза, но он предпочел ехать с германским паспортом и под своим настоящим именем. Отправился он налегке, уложив все необходимое в два небольших старых чемодана и взяв портфель, без которого ни один немецкий бизнесмен не выглядел бы натурально. Он не подготовил никакой легенды, а единственным необычным предметом, взятым им, был зонтик в тонком деревянном футляре, похожий на трость. Зонтик придавал ему элегантность, но он предполагал, что ему можно будет найти и иное применение.

Риттер разумно выбрал себе самое подходящее прикрытие и выглядел совершенно безобидным, типичным бизнесменом среднего класса. Он был одет в серый костюм и, голубую рубашку, его походка была быстрой и деловой, и, даже отдыхая, он казался занятым. Под этой ординарной внешностью, однако, скрывался незаурядный, умный и проницательный человек, готовый правильно выполнить свою задачу. Он был респектабелен, и никто не мог заподозрить в нем шпиона. Риттер был таким, каким и должен быть разведчик.

В шесть утра 11 октября он вышел из дома и сел в машину, и шофер привез его в бременский порт, где он сел на борт «Бремена». Капитан Бургхардт пожелал ему счастливого пути. Через шесть дней Риттер был в нью-йоркском порту.

Его поездка была сочетанием сентиментального путешествия и делового вояжа. Он, как и каждый американец, жадно высматривал статую Свободы и с удовольствием использовал аме-

риканские идиомы в разговоре с сотрудниками иммиграционной и таможенной служб США, носильщиками и таксистами. У него было чувство, что он вернулся домой, попал в знакомое окружение, обменивался шутками с официантами, с чистильщиками обуви, но в то же время не забывал, что должен раздобыть секрет из секретов этой страны.

Как работают шпионы? Риттер не спешил и не жалел времени на то, чтобы составить и осуществить нужную конспиративную схему. Это не очень отличалось от обычных действий бизнесмена во время деловой поездки.

Риттер начал с двух близких приятелей еще до того, как ступил на американскую землю. На борту «Бремена» он столкнулся с репортером «Штаатцайтунг», популярной германоязычной газеты Нью-Йорка, и его старый знакомый шумно настаивал на том, чтобы отпраздновать неожиданную встречу.

– О, Риттер, что ты, черт побери, делаешь здесь?

Риттер предполагал, что может случайно встретиться с кем-то из старых знакомых, но заподозрил, что репортер мог догадываться о действительной цели его поездки.

– Я думал, – громогласно продолжал журналист, – что ты служишь в люфтваффе.

– Лишь в резерве, – так же громко ответил Риттер, – иначе я не был бы здесь.

Они рассмеялись, причем репортер, как показалось Риттеру, что-то знал.

Таможенник не проявил интереса к чемоданам Риттера, но внимательно исследовал содержимое портфеля и обратил особенное внимание на зонтик. Он попросил достать его из футляра и заметил:

– Неплохая штучка для шпиона.

Риттер искренне расхохотался вместе с чиновником, явно довольным своей шуткой.

Риттер зарегистрировался в отеле «Тафт» рядом с Таймс-сквер и провел следующие четыре дня, восстанавливая свои прежние деловые контакты²³. Он вел себя, как и следовало в его положении: просил клерка оставлять для него письма от фирм, сообщал адрес таксисту достаточно громко, чтобы мог слышать швейцар, отдавал свои рубашки для стирки и глажения в прачечную «Тафта», причем на белье ставились фирменные метки²⁴.

Риттер старательно поддерживал свой новый образ. Из телефонной будки он позвонил в «Ирвинг-Армз», маленький отель на Риверсайд-Драйв, и заказал номер на имя Альфреда Ландинга. Он отправил с почты «Тафта» письмо и открытку, адресованные Ландингу. Письмо было послано на главпочтамт до востребования, а открытка в «Ирвинг-Армз», и он носил их в кармане на случай, если понадобится удостоверить личность.

За двадцать долларов он купил подержанную пишущую машинку, затем пришел в «Нэшнл сити бэнк» и обналичил свой аккредитив, предъявив свой настоящий паспорт. По этому же паспорту он арендовал сейф для хранения своих документов, которые в ближайшие несколько недель не могли ему понадобиться. Как только он вышел из банка, Николаус Риттер, текстильный фабрикант, исчез. Теперь это был капитан Риттер, он же Ландинг, немецкий шпион, готовый выполнить свою задачу.

Была пятница 19 октября, чуть более двух часов дня. У него оставалось еще немного времени до первой встречи в новой роли, и он отправился на Пятую авеню в музей искусств

---

²³ Игнорируя элементарные нормы безопасности, секретные службы рекомендовали своим агентам останавливаться в одних и тех же отелях. «Тафт» был «абверовским отелем» в Нью-Йорке, в нем останавливались такие члены организации, как майор Ульрих фон дер Остен, прибывший в Нью-Йорк в 1941 г. с такой же миссией, как Риттер. Советская секретная служба направляла своих агентов в «Манхэттен», тоже в районе Таймс-сквер. Ричард Зорге останавливался здесь, когда у него была назначена в Нью-Йорке явка со связным из Москвы.

²⁴ Разбирая в Нью-Йорке вещи, Риттер с ужасом осознал, что едва избежал провала. На внутренней стороне воротника одной из его рубашек была этикетка «Гарнизонный магазин люфтваффе». Он немедленно срезал ее бритвой и сжег, как улику.

Метрополитен, чтобы провести там пару часов, как обычно поступают туристы. Около пяти он остановил такси и сказал водителю:

– 248, Монитор-стрит в Бруклине. Вы знаете, где это?

– Поищем, приятель.

Когда они подъехали к невзрачному зданию, Риттер попросил таксиста подождать, пока он проверит адрес. Затем он вернулся к машине, рассчитался, вновь вошел в вестибюль и подождал, пока такси отъедет. После этого, убедившись, что слежки за ним нет, он вышел на улицу, прошел до дома номер 262 и нажал кнопку звонка под карточкой жильца по имени Хайнрих Зон. Навстречу ему вышел коренастый мужчина средних лет в рубашке с короткими рукавами.

– Герр Зон?

– Да, я Зон.

– Рад видеть вас, Попе. Привет от Роланда.

Роланд было кодовым именем Риттера, которому Зон отправлял донесения с подписью Попе.

– Наконец-то вы приехали! Мы уж думали, что мы недостаточно хороши для вас, господа.

Он провел Риттера по длинному коридору в заставленную каморку и принес кофейник и две чашки. Затем они стали обсуждать дела.

– Я получил ваши сообщения, Попе, и прибыл, чтобы поблагодарить за великолепные материалы.

Зон не знал, что это были за «сообщения». Он был лишь одним из «почтовых ящиков» в Нью-Йорке, передающим добытые агентами материалы, но гордился тем, что Риттер доволен. Он чувствовал свою причастность к большому делу. Те эскизы он получил от человека из Глендейла, в Куинсе, известного ему как Пауль и явно желавшего передать основные материалы Риттеру, который специально приехал, чтобы встретиться с Паулем. Может ли Зон организовать им явку?

– Конечно, – ответил связник. – Но Пауль может приходить только по воскресеньям. Если вы назначите время, я узнаю, сможет ли он прийти.

В следующее воскресенье агент ждал его в квартире на Монитор-стрит. Это был, как позднее вспоминал Риттер, «худощавый мужчина тридцати с лишним лет, темно-русый, с открытым лицом, вызывающим доверие».

Паулем был Герман Ланг, механик-чертежник, натурализованный американец, который принес присягу Соединенным Штатам, не задумываясь о ее смысле. Простодушный труженик, когда наступил момент истины, окунулся в сложнейшую интригу, подобно мелкому игроку, который начал свою карьеру с того, что сорвал банк в Монте-Карло. Это был самый обычный человек, знающий свою работу, но совершенно примитивный в своих мыслях и чувствах, ходячее ничтожество. Он вел размеренный образ жизни типичного представителя низшего среднего класса в квартирке на 64-плейс в Глендейле вместе с женой и дочерью. Он был хорошим мужем и любящим отцом, честно зарабатывающим на жизнь. Его жена и дочь сгорели бы со стыда, узнав, кто он на самом деле. Когда они спали, он покидал свою теплую супружескую постель, чтобы копировать шпионские материалы на столе в холодной кухне.

Как такой человек стал шпионом? И почему? Ответ был прост. Ланг не был фашистом, не был обожателем Гитлера и ничего не имел против Америки. Но он считал себя «хорошим немцем». Но не только пылкий патриотизм толкнул его на шпионскую стезю. Ему представилась возможность стать на этот путь, когда он оказался наедине со сверхсекретными чертежами прибора, ставшего благодаря рекламе «священной коровой».

– Я работаю инспектором по сборке на заводе Нордена, герр Ландинг, – рассказывал Риттеру Ланг. – Те небольшие эскизы, что герр Зон передал вам, были лишь образцами. Они не дают представления о самом приборе. Сегодня я взял с собой более подробные чертежи.

– И это действительно бомбардировочный прицел Нордена? – спросил Риттер, едва скрывая возбуждение.

– Лишь часть его. У меня нет чертежей всего прицела, и я не думаю, что мне удастся их достать. Чертежи некоторых деталей мне не удалось сохранить, а с некоторыми мне не удалось ничего сделать. Американцы настолько засекретили это устройство, что даже собирают его на разных заводах, таких, как «Мергенталер линотип компани» на Райерсон-стрит в Бруклине. Но я не сомневаюсь, что ваши инженеры сумеют реконструировать недостающие детали с помощью тех чертежей, что я вам достану.

Как же он сделал это? Очень просто. Из-за секретности, которой был окутан прибор, разные бригады делали отдельные детали агрегата, работая по чертежам, которые Ланг, инспектор по сборке, имел в своем распоряжении. Каждое утро он получал их у начальника цеха и передавал каждой бригаде нужные ей чертежи. Вечером он собирал их, а если бригада заканчивала работу над своими деталями или узлами в тот же день, он должен был вернуть чертежи начальнику цеха. Часто работа занимала несколько дней, и тогда Ланг мог держать чертежи у себя, пока продолжалась работа по изготовлению узла.

Каждый раз, когда чертежи оставались у него на ночь, он приносил их домой и снимал копии через копирку. Чертеж узла, отправленный им в Германию через Попса, был первым. В этот раз он дал Риттеру чертеж еще одного узла прицела и обещал в следующее воскресенье принести третий.

Это представляло собой проблему. Чертежи были слишком большими, для того чтобы Риттер мог взять их в своем портфеле, но у него был человек, который мог бы их доставить в Германию. В Бремене ему сообщили, что один из корабельных стюардов первого класса был главным курьером абвера, агентом под кодовым номером Ф-2341. Это был Герберт Йенихен, голубоглазый светлокожий блондин, берлинец, который сменил Карла Айтеля, «погоревшего» во время провала Лонковски.

Риттер вышел на Йенихена во время плавания, и стюард согласился оказывать услуги, если понадобится. «Бремен» должен был прибыть в следующий вторник, 30 октября, и встреча с Йенихеном была назначена на тот же день в 15 часов в аптеке здания «Таймс».

Риттер прибыл на явку с чертежами Ланга в футляре от зонтика и попросил стюарда провезти его в Германию. Тот отказался, поскольку спустился с судна без зонтика и не мог пронести его на лайнер, минуя таможеню. Йенихен предложил встретиться еще раз. Он придет на явку с зонтиком, который вынесет через таможеню, и таким образом сможет внести его обратно без таможенной проверки.

На следующий день Йенихен прибыл в номер Риттера в «Ирвинг-Армз» с тяжелым старым зонтиком.

– Мне пришлось поломать голову, выдумывая причину, по которой я беру зонтик в такой чертовски ясный и солнечный день, – рассказывал он, – и я сказал, что повредил коленку и беру зонтик, чтобы опираться на него при ходьбе.

В этой упаковке чертежи второго узла бомбардировочного прицела 31 октября 1937 года покинули страну на борту «Бремена».

До следующей встречи с Лангом Риттеру надо было как-то убить неделю, и он провел это время не без пользы. У него был список «кротов» – законсервированных агентов абвера, и он поочередно встречался с каждым из них, переводя их в категорию действующих. В понедельник 29 октября, на следующий день после его продуктивной встречи с Лангом, он позвонил по Трафальгар 4-9867, номеру, который помнил наизусть, и условился о встрече с Фредериком Юбером Дюкесном, первым номером в списке.

Он знал Дюкесна еще во время жизни в США, и этот представительный степенный мужчина старше пятидесяти лет потчевал его рассказами о своих фантастических подвигах времен

Первой мировой войны, когда он оказал «неоценимую службу Германии». Дюкесн был профессиональным разведчиком, чьими побудительными мотивами было то, что он называл «неутолимой ненавистью к британцам». Он был уроженцем Капской колонии (Южная Африка), и, по его словам, его мать убили после пыток во время Англо-бурской войны, и он поклялся мстить английским солдатам. В начале Первой мировой войны он переехал в Англию, предложил немцам свои услуги в качестве секретного агента и таким образом начал свою шпионскую карьеру. Некоторые из его подвигов – например, история о том, что он направил подводную лодку на крейсер, на котором лорд Китченер в 1917 году плыл в Россию, и таким образом способствовал гибели лорда Китченера в морской пучине, – были лишь плодом его воображения. Но он действительно вел шпионскую работу как в Англии, так и в США, где организовывал саботаж на кораблях и портовых сооружениях, используемых британцами в 1916–1917 годах²⁵.

После войны он принял американское гражданство и стал литератором и лектором с устойчивой репутацией. Риттер подумал, что старый профи может заинтересоваться предложением вернуться к прежней работе. Он не разочаровался. Они встретились в квартире на Семьдесят восьмой улице в Манхэттене, быстро договорились, и Дюкесн вновь стал работать на абвер.

Затем Риттер познакомился с «кротом» капитана Бургхардта Эвереттом Минстером Рёдером в Меррике на Лонг-Айленде, где у последнего был респектабельный дом на Смит-стрит. Этот сорокачетырехлетний инженер обещал быть не менее полезным, чем Ланг. Он работал на заводе «Сперри» в конце Флэтбуш-авеню в Бруклине и обладал доступом к бомбардировочному прицелу «Сперри» и к знаменитому гироскопу этой фирмы.

В этот же приезд Риттер завербовал также Лили Барбару Каролу Штайн, модель, немку по происхождению, проживавшую на фешенебельной Ист-Сайд в Манхэттене. Она пользовалась популярностью среди прожигателей жизни и имела несколько влиятельных приятелей в Нью-Йорке и Вашингтоне. Риттер нашел и специального связника, молодую женщину, работавшую секретарем поверенного германского консульства в Нью-Йорке. Ее квартира на Западной Восемьдесят первой улице одно время была главным пунктом передачи материалов, собранных для абвера Дюкесном, Рёдером и прекрасной Лили.

В качестве главного выхода на вашингтонские источники (включая высокопоставленного дипломата) и на сплетников из нью-йоркских кафе Лили добыла массу полезной информации.

Позднее адмирал Канарис записал, что в течение года Рёдер раздобыл «полный комплект чертежей радиооборудования нового бомбардировщика «Глен Мартин», а также другие приборы производства фирмы «Сперри»: «систематизированные чертежи радиопеленгатора, оборудования слепого полета, указателя крена и поворота и штурманского навигационного компаса».

Вскоре и Дюкесн, третий и наиболее важный член новой сети Риттера, прислал в Германию «конструкцию секретного аккумулятора, механизма управления пропеллером и чертежи множества других секретных устройств». Старый профи легко освоился.

Риттер прибыл на третью явку с Германом Лангом на Монитор-стрит в воскресенье 3 ноября и получил от него чертежи конструкции еще одного узла секретного бомбардировочного прицела Нордена. Он был так потрясен добычей Ланга, что выдал агенту 15 хрустящих сотенных банкнотов, самую большую единоразовую сумму из когда-либо выплачивавшихся абвером своим агентам в Америке.

11 ноября Риттер, довольный феноменальным успехом своей поездки, отплыл в Гамбург. Но если он ожидал, что его встретят как героя-победителя, то он был глубоко разочарован. Чертежи, которые он доставил, не смогли дать инженерам генерала Удета представления о

²⁵ По официальной версии, крейсер «Хемпшир» с Китченером погиб на минном поле. (Примеч. науч. ред.)

конструкции всего устройства. Поскольку они не могли свести концы с концами, в люфтваффе стали сомневаться: а были ли это вообще чертежи узлов бомбардировочного прицела?

Риттер вынужден был привлечь экспертов, чтобы убедить Удета и его коллег в том, что на этих чертежах действительно были основные узлы Nordensches Zielgeraet (так немцы называли бомбардировочный прицел Нордена). Лишь после того, как два видных ученых, профессор Айзенлор из Франкфурта и профессор Фухс из Гёттингена, идентифицировали чертежи как действительно содержащие важные части бомбардировочного прицела, Удет дал распоряжение изготовить модель по этим чертежам. Но Риттер все еще не мог праздновать триумф. Первая модель не работала, потому что конструкторы Удета не могли «додумать» недостающие узлы.

В конце концов Риттер связался с Лангом и попросил его приехать в Германию и помочь в лабораторной сборке изделия. В качестве вознаграждения он пообещал ему вклад в 10 тысяч марок в Немецком банке и компенсацию всех расходов на поездку. Ланг принял приглашение. Под предлогом, что хочет навестить родственников, он прибыл в Германию весной 1938 года, чтобы помочь в окончательной сборке копии американского бомбардировочного прицела.

Но впрочем, вокруг его приезда не было ажиотажа, на который он, возможно, надеялся. Риттер поручил агента Пауля майору Гроскопфу из I/Люфт, который встретил Ланга в Берлине и поселил его в роскошном отеле «Эспланада».

Войдя в номер, Ланг увидел на столе полностью собранный бомбардировочный прицел, совершенно подобный тем, что были на заводе Нордена.

– Боже мой! – воскликнул он. – Так вы уже собрали его! Значит, я теперь и не нужен!

Гроскопф поспешил разуверить его.

– Эта модель, – с радушной улыбкой сказал он, – не была бы на этом столе без вашего ценнейшего сотрудничества, герр Ланг.

Гроскопф объяснил, что по чертежам, добытым Лангом, профессор Фухс разработал бомбардировочный прицел, названный Adler-Geraet и представляющий собой, как полагают, усовершенствованную модификацию прицела Нордена. Именно модель реконструкции американского прицела Фухсом и была представлена Лангу в номере отеля.

Ланг провел чудесную неделю в Берлине, где Гроскопф и его коллеги из абвера устроили для него сплошной праздник, и он даже был принят Германом Герингом и получил благодарность шефа люфтваффе. Риттер демонстративно не принимал участия в торжествах, путь к которым он и проложил. Помимо краткого благодарственного письма от Канариса, он не получил никакой награды за свои труды. В конечном итоге успех прибавил перьев на шляпу майора Гроскопфа.

Одиссея прицела Нордена, начавшаяся в 1937 году в Бруклине, окончилась весной 1945 года в заброшенной австрийской деревеньке. Части генерала Джорджа С. Паттона из наступающей 3-й армии захватили завод, который немцы пытались укрыть в Тирольских Альпах, и в руки победителей попало сверхсекретное изделие под названием «Luftwaffenzielgeraet-EZ-42».

Сначала решили, что это одно из оригинальных изобретений немцев, и с триумфом принесли изделие в технический отдел разведслужбы 3-й армии.

Как выяснилось, это был бомбардировочный прицел Нордена.

Глава 5

«ПРОЕКТ 14» – КАК ПАРАЛИЗОВАТЬ ПАНАМСКИЙ КАНАЛ

Какой бы многообещающей ни была новая сеть майора Риттера, она все же была нацелена на более поздние операции. А сейчас, в конце 1938-го и в начале 1939 года небольшая ячейка, созданная далеко на юге, была более актуальной и важной. В ней были собраны обученные профессионалы, и работали они под руководством капитана 1-го ранга Германа Менцеля, начальника отдела военно-морской разведки Берлинского управления абвера.

Эта сверхважная миссия имела кодовое название «Проект 14», и ее задачей была реконструкция Панамского канала.

В тридцатых годах канал как магнитом притягивал к себе интерес. Все противоборствующие секретные службы считали его критической зоной нашей национальной безопасности – нашим единственным действительно уязвимым стратегическим объектом, за исключением Пёрл-Харбора. Зона была насыщена японскими и итальянскими шпионами, хватало там и советских агентов.

Когда в 1935 году капитан 1-го ранга Менцель посетил Панаму, он назначил Курта Линдберга, директора местного агентства линий Гамбург – Америка и германского консула в Колоне, также и резидентом абвера. В марте 1938 года важность этой резидентуры стала причиной того, что адмирал Канарис выслал туда один из своих шпионских наборов с капитаном «Швабена», специально сделавшим крюк, чтобы доставить посылку.

Еще в те времена, когда зарубежная разведка велась наобум, абвер искал пути, чтобы обеспечить исчерпывающее изучение канала. Эта деятельность была инициирована специальным запросом военно-морского оперативного штаба, а затем и Генеральным штабом ВВС, которым потребовались детальный топографический и технический отчеты о канале, и со всех немецких судов, проходящих по каналу, велось наблюдение за американскими гарнизонами и военными сооружениями в этой зоне.

Для налаживания систематической работы в Панаму был направлен опытный оперативник абвера Вольфганг Блаум. Это был опытный специалист с техническими знаниями и воображением, а также умелый организатор. Поработав с германской колонией в зоне канала, он создал две отдельные агентурные ячейки. Одна состояла из множества информаторов, находящихся в каждом заслуживавшем внимания пункте, а вторая состояла из одиннадцати человек и специализировалась на важных персонах.

Лидерами малой ячейки были два профессиональных шпиона: Ганс Хайнрих Шаков, с отличием окончивший школу абвера в Гамбурге и работавший под прикрытием пароходной компании «Хапаг-Ллойд» в Бальбоа, и двадцатидевятилетний Эрнст Роберт Кухриг, тоже выпускник гамбургской разведшколы, маскировавший свою шпионскую деятельность работой по ремонту пишущих машинок.

Ячейка Шакова была типичной командой под руководством резидента и с парой профи в качестве лидеров. В ней был и неизбежный партийный функционер по имени Гисберт Гросс, и своя Мата Хари – девятнадцатилетняя секретарша германского консула в Колоне Ингеборг Вальтраут Гутманн. Она отвечала за канцелярскую работу и совмещала ее со сбором информации от проезжающих морских офицеров, которые охотно беседовали с жизнерадостной хорошенькой девушкой.

Семеро других членов группы были простыми рабочими: слесари, механики, каменщик, крановщик, портовый грузчик. Они были весьма полезны и важны, поскольку имели отношение к работе порта. Все они уже долго жили в зоне канала, считались хорошими работниками

и пользовались уважением сослуживцев, начальников и соседей. Они хорошо знали все ходы и выходы, имели обширный круг знакомых, а пользуясь должностным положением, и свободный доступ к любым тщательно охраняемым сооружениям и устройствам порта.

Пример Эрнста Кухрига наглядно показывает, как свободно немцы распоряжались в зоне канала и насколько плохо была поставлена охрана в ее районах ограниченного доступа. Когда-то он был юнгой и впервые попал в Панаму в 1931 году в возрасте девятнадцати лет. Он сбежал с судна и нелегально остался в Панаме, укрываясь у одного китайца до 1936 года, когда был арестован, осужден на двадцать шесть дней тюрьмы и выслан из страны.

Через год после депортации Кухриг вернулся в Панаму и в качестве мастера по ремонту пишущих машинок получил доступ в форт Рэндольф (США), где часовые без проверки пропускали его туда и обратно. Он провел в форт Шакова и Гросса вместе с мисс Гутманн в качестве прикрытия, говоря часовым, что они собираются посидеть в ресторане в беспопыльной зоне, и принеся присягу, как это требовалось по закону, что у них нет с собой фотоаппаратов. Вместо ресторана они пошли бродить по форту, как обычные туристы, подходя к таким закрытым объектам, как артиллерийская батарея на Калета-Пойнт, и фотографируя их «лейкой», спрятанной в чемоданчике с инструментами, хорошо знакомом всем часовым.

От Шакова и его группы шел поток информации к Блауму, который, используя официальные каналы консульства, передавал их в абвер. Несколько примеров показывают, насколько хорошей была крыша:

«В связи с нехваткой стройматериалов сооружение третьего шлюза около Педро-Мигеля было приостановлено для обеспечения строительства других оборонных сооружений. Подобная нехватка стала причиной, помешавшей реконструкции шлюзов в Мирафлоресе и Гатуне».

«Новое транспанамское шоссе будет построено между Колоном и Панама-Сити. Две полосы от Панама-Сити до плотины Медден уже готовы. Однорядное шоссе от плотины до Франс-Филд строится».

«Электростанция на плотине Гатун расположена слева от шлюза и укрыта соломой в целях маскировки. Форт Рэндольф, форт Коббе и форт Амадор оснащены длинноствольными береговыми орудиями калибром до 356 мм».

«Гарнизоны форт Дэвис и форт Клейтон укомплектованы главным образом пехотинцами с легким вооружением. Большое число мулов в этих фортах указывает, что подразделения часто патрулируют джунгли».

«База подводных лодок ВМС США в Коко-Соло недавно была усилена флотилией торпедных катеров».

Эта примечательная коллекция сообщений, впрочем прекратившихся в 1941 году, была обнаружена в одном из захваченных архивов абвера. Там я нашел и данные о самом «Проекте 14» в виде досье с подробными картами Панамского канала, включая детальные снимки крупным планом плотин у озера Гатун и Педро-Мигеля, откуда шло снабжение водой всех шлюзов, электростанций и военных сооружений.

Вдохновленный этими примечательными данными, добытыми шпионами Канариса, рейхсмаршал Геринг однажды даже размечтался о возможном использовании его дальней авиации. В апреле 1939 года он публично заявил, что Панамский канал не так неуязвим, как считают американцы.

– Две мои бомбы, – заявил он, – сброшенные на канал Кул бра, в десять минут сделают весь этот водный путь непроходимым.

Геринг, судя по всему, имел в виду протоку Кулебра в Сьерра-Панаме, горном массиве, прилегающем к Панамскому каналу, – участок, на который Вольфганг Блаум, руководитель шпионской сети в зоне канала, указывал как на один из наиболее уязвимых стратегических пунктов. Когда в 1939 году Геринг делал свое заявление, он надеялся, что люфтваффе сможет разработать бомбардировщики дальнего радиуса действия типа «Кондор», с помощью которых

он сможет совершать налеты на ключевые цели в Западном полушарии. Этими бомбардировщиками были «FW-200» фирмы «Фокке-Вульф», четырехмоторные монопланы с экипажем из трех человек, крейсерской скоростью около 380 км и потолком в 6000 м. Первоначально он был разработан в транспортной модификации и рассчитан на перевозку 26 пассажиров, но в люфтваффе надеялись переоборудовать его в разведывательный вариант для полетов в целях поддержки подводного флота в Атлантике²⁶, а также использовать как бомбардировщик для налетов на США.

Хотя шпионы отлично проделали свою работу, Герингу, однако, так и не представилось случая сбросить свои две бомбы.

---

²⁶ Этот вариант был воплощен в жизнь. В 1940–1943 гг. «FW-200» участвовал в «битве за Атлантику». (Примеч. науч. ред.)

Глава 6

ОПЕРАЦИЯ «КРАУН»: ПЕРВЫЙ ПРОВАЛ

К 1938 году у немцев было в США несколько десятков разведчиков, больше, чем в какой-либо другой стране, за исключением Польши и Франции, хотя ни Гитлер, ни высшее командование вермахта не интересовались всерьез этой страной. Немецкие шпионы посещали недорогие кафе на Таймс-сквер, неподалеку от причалов порта на реке Гудзон, через который проходили их секретные каналы связи. Явки назначались также в кафе и пивнушках на Восточной Восемьдесят шестой улице, немецком квартале Нью-Йорка, где многие из них действовали совершенно не таясь.

Однажды в кафе «Максль», самой популярной пивной Йорквилля, клиент по имени Карл Виганд (на самом деле стюард Теодор Шульц) слегка перебрал. Когда он полез в карман за деньгами, чтобы рассчитаться, он вытащил из бумажника два хрустящих тысячедолларовых банкнота и пустил по рукам собутыльников за своим столиком, чтобы похвастать.

В другой раз в кафе «Гинденбург» человек, известный как герр Шмидт (в действительности Карл Шлютер), надевая пальто, выронил из кармана пистолет. Его приятели притворились, что не заметили этого, тогда агент, подняв оружие, с ухмылкой показал его им. Если бы случайный свидетель и увидел эту сцену, он бы мог и не обратить на нее внимания. Пистолет на столике в переполненном кафе могли счесть игрушкой в руках шутника.

В ночь святого Сильвестра, канун Нового, 1938 года, в Йорк-вилле было шумное празднование с серпантином, конфетти и шутихами, смесью немецкой кухни и американского попкорна. Каждое кафе, бирхалле и простая пивнушка на Восемьдесят шестой улице были переполнены, и в аудитории каждой была своя доля немецких шпионов, как всегда вызывающих подозрение, самых пьяных, самых шумных и самых расточительных.

Доктор Грибль был в кафе «Гинденбург» в компании изящной брюнетки, которая сопровождала его в том триумфальном путешествии по Германии в 1936 году. Карл Шлютер сидел в кафе «Максль» за столом, полным гостей, среди которых были две девушки, с которыми у него одновременно были романы, – его постоянная подруга рыжеволосая кудрявая парикмахерша с лайнера «Европа» Иоганна Хофманн и высокая блондинка чуть старше двадцати, единственная за столом, кто говорил по-английски без акцента. Это была американка из Куинса, с которой Шлютер сошелся несколько месяцев назад, когда она совершала плавание в Германию для стажировки в Берлинском университете после окончания Хантер-колледжа.

За столом был еще один гость, мрачный человек за тридцать, с глубоко посаженными печальными глазами и черными волосами, зачесанными назад. Он был несколько безразличен к пирушке и беседовал со своей соседкой глухим низким голосом. Его отстраненность почти что портила общее веселье.

Шлютер то и дело провозглашал тосты за Новый год, открывая одну бутылку мозельского Блюмхена за другой. Этот год обещал быть хорошим, особенно благодаря человеку, сидящему за его столом, которого он называл Тео и время от времени похлопывал по плечу.

Тео был «фаворитом конюшни», он два года назад добровольно предложил немецкой разведке свои услуги способом, описанным в бульварных шпионских романах. Листая в Нью-Йоркской публичной библиотеке книги о шпионаже, он наткнулся на воспоминания полковника Вальтера Николаи, руководителя германской военной разведки в годы Первой мировой войны, и ему пришло в голову, что он сможет сколотить состояние на шпионаже в пользу Германии.

В начале 1936 года он через берлинскую нацистскую газету «Фёлькишер беобахтер» отправил Николаи письмо, в котором назвался «высокопоставленным американским военным», и попросил переслать письмо «соответствующим органам». Если там заинтересуются

его услугами, написал он, то пусть поместят в колонке «Личные сообщения» газеты «Нью-Йорк таймс» объявление «Теодору Кернеру: письмо получено, пожалуйста, пришлите ответ и адрес Сандерсу, Гамбург-1, п/я 629».

Этот устаревший способ переписки давно скомпрометирован и в шпионаже не применяется, поскольку наверняка привлечет внимание контрразведки. Но американские органы казались настолько самодовольными, что немцы без колебаний согласились на эту процедуру, представляющую смесь скачек и бюрократической конторы.

Николаи передал письмо полковнику Пикенброку в Берлин, а тот переслал его в гамбургское отделение для исполнения. Там дело было поручено капитану Эрнсту Мюллеру, бывшему шкиперу «Хапага», который, в свою очередь, дал курьеру, работающему на лайнере «Гамбург», задание поместить в «Нью-Йорк таймс» объявление. Мюллер дал ему 10 долларов для оплаты объявления и разрешение на вывоз валюты через немецкую таможеню.

В Нью-Йорке курьер передал поручение капитану Эмилю Мауреру, помощнику управляющего агентством «Хапаг-Ллойд», а тот отправил текст объявления с вложенной купюрой в 10 долларов в газету.

Необычная процедура привлекла внимание следователя «Таймс» Чарльза Хойта. Ему показалось странным, что Маурер прислал наличные, а не чек с расчетного счета «Хапаг-Ллойд». И почему солидная фирма связывается через «Таймс» вместо того, чтобы отправить письмо Кернеру по почте? Его подозрения были вполне оправданы, поскольку «Сандерсом» был Мюллер, офицер отдела военно-морской разведки в Аст-Х, а письмо было первым шагом к установлению связи с возможным шпионом. Хойт пропустил объявление, когда Маурер уверил его, что это было добропорядочное деловое сообщение.

Все это заняло определенное время, и лишь 6 апреля 1936 года послание было опубликовано в газете. Человек, назвавшийся Теодором Кернером (имя известного немецкого поэта XIX века), откликнулся сразу и отправил Сандерсу длинное письмо с описанием своих возможностей. По его словам, хотя он и занимает «важный пост в армии» США, он стремится служить Германии «всею, чем сможет». У него масса «отличных контактов», и он хорошо знаком с «офицером войск связи в Митчел-Филд», имеющим дело с секретными кодами.

Деньги не главное, писал он Сандерсу, но ему потребуются средства «на подкуп и оплату информации».

Он подписался своим настоящим именем – Гюнтер Густав Румрих и сообщил адрес для связи: «Денвер кемикал мэнюфэкчуринг компани» на Уорик-стрит в Нью-Йорке²⁷.

Вскоре Сандерс исчез из вида. Гамбург тогда не был готов к сотрудничеству, и в дело вмешался Бремен. Капитан Бургхардт переслал письмо Румриха в подразделение капитана 1-го ранга Файффера, и Карлу Шлютеру было поручено связаться в Нью-Йорке с кандидатом в агенты и оценить его.

Явка была назначена на 3 мая в 20.00 в кафе «Гинденбург», и связник вернулся в Бремен с отчетом, в котором настоятельно рекомендовал абверу привлечь новичка к работе. Однако Румрих вовсе не был таким идеальным кандидатом в шпионы, каким его описал Шлютер. Это был тридцатисемилетний прощельга, пьяница, наркоман, бабник, воришка и лжец, который не мог удержаться ни на одной работе, даже мойщиком посуды в закусочной.

Лишь в американской армии ему удалось продержаться семь лет и даже стать в конце концов сержантом, несмотря на две самоволки, растрату казенных денег и шестимесячное заключение.

Незадолго до того, как предложить свои услуги германской разведке, он вновь покинул свою часть. Не имело бы смысла описывать этапы жизненного пути этого неудачника. Если

---

²⁷ На самом деле Румрих жил в Бронксе, но не решился сообщать домашний адрес, полагая, что «нацисты могут с подозрением отнестись к человеку, живущему в еврейском квартале».

бы социопсихолог захотел выяснить, как ни на что не годный человек мог бы стать удачливым шпионом, случай Румриха стал бы для этого отличной иллюстрацией. Этот шарлатан и пройдоха стал блестящим разведчиком и в течение двадцати месяцев, с мая 1936-го по февраль 1938 года был одним из лучших агентов Файффера, руководителем шпионской группы «Краун». Он и сам находил информацию, но чаще отвечал, и обычно успешно, на все более сложные запросы Файффера о «численности и дислокации вооруженных сил США на восточном побережье».

То ли благодаря прямолинейности и примитивности своих методов, то ли из-за разгильдяйства американской службы безопасности он своевременно выполнял все порученные ему задания. Когда Файффер запросил статистические данные о венерических заболеваниях в вооруженных силах США, Румрих получил их непосредственно из секретных картотек форта Гамильтон, одного из оборонительных сооружений у входа в гавань Нью-Йорка. 11 января 1937 года он позвонил в форт и заявил капралу, ответившему на звонок:

– Это майор Милтон из медицинской службы. Я звоню с угла Четвертой авеню и Восемьдесят шестой улицы в Бруклине. Меня направили в Нью-Йорк, чтобы сделать закрытый доклад о венерических болезнях в вооруженных силах, но, к сожалению, я оставил свои заметки в Вашингтоне. Не могли бы вы сообщить мне данные, вы понимаете, что я имею в виду, о числе офицеров и солдат в форте Гамильтон, сколько из них подхватили венерические заболевания, какие и так далее.

Капрал передал поручение канцеляристу, который быстро нашел все данные, и поручил рядовому солдату доставить их на такси «майору Милтону», ожидающему в Бруклине на углу. Румрих дал солдату доллар, чтобы рассчитаться за такси (30 центов по счетчику) и величественно добавил:

– Сдачу оставь себе.

Легкость, с которой Румрих добывал материалы, разжигала аппетиты Файффера. Его поручения становились все сложнее и опаснее, но ничто не могло озадачить Крауна. В ноябре 1937 года Бремен запросил криптографическую информацию – секретнейший «шифр, используемый в настоящее время для связи между кораблями флота и береговыми батареями».

Румрих раздобыл его за 30 долларов у солдата, с которым подружился во время службы в зоне Панамского канала. Этот его приятель, двадцативосьмилетний рядовой, уроженец Лейпцига Эрих Глязер, служил в то время в 18-й разведэскадрилье ВВС в Митчел-Филд. Он принес на явку секретную шифровальную книгу «Зет-код», которой пользовался для связи с береговыми батареями и кораблями, и Румрих тут же в кафе «Гинденбург» скопировал ее под звуки оркестра, исполнявшего веселые немецкие песни.

За время своей шпионской деятельности Румрих передавал в абвер информацию о дислокации частей береговой артиллерии в зоне канала, данные об Атлантическом флоте США, несколько секретных армейских наставлений и справочников, схему расположения зенитных установок ПВО Нью-Йорка и множество других «секретных и совершенно секретных материалов».

Последнее задание Файффера было доставлено в Нью-Йорк Шлютером в канун Нового, 1938 года и передано «Тео» Румриху на вечеринке в кафе «Гинденбург». В нем в обычной вежливой манере говорилось: «Пожалуйста, достаньте монтажные чертежи авианосцев «Йорктаун» и «Энтерпрайз» и информацию о проводимых в лаборатории войск связи в форте Монмаут, штат Нью-Джерси, экспериментах по обнаружению приближающихся самолетов».

– Кроме того, – передал Шлютер, – нам нужны американские паспорта для агентов, посылаемых в Россию. Как вы думаете, вы сумеете раздобыть бланков пятьдесят? Герр Шпильман (кодовое имя Файффера для этой операции) установил за них специальную цену. За всю партию он готов уплатить тысячу долларов.

Тысяча долларов! Это была самая крупная сумма, предложенная ему немецкой разведкой. Такая перспектива сразу отвлекла его от этой дурацкой вечеринки. А Шлютер добавил:

– Герр Шпильман интересуется также мобилизационными планами американской армии на восточном побережье. За них вы можете получить еще тысячу долларов.

Тогда-то Румрих принял твердое решение. Он раздобудет паспортные бланки и мобилизационные планы во что бы то ни стало.

Но его шпионская карьера уже подходила к концу.

Тихим субботним утром 27 февраля 1938 года во время традиционного утреннего доклада о сообщениях, поступивших за ночь, Иоахиму фон Риббентропу доложили об аресте Румриха по обвинению в шпионаже. Он к тому времени после четырех или пяти лет пребывания на задворках дипломатии всего лишь третью неделю занимал должность министра иностранных дел и поначалу не знал, что делать с этой новостью. Когда его пресс-атташе показал депешу об аресте Румриха, он, как это сделал бы министр иностранных дел любой страны, возмутился, узнав о грязных методах, применяемых его страной во внешних отношениях.

Но причина его гнева была не только в этом. Его и ранее раздражал низкий статус его ведомства в гитлеровской иерархии.

«У фюрера, – говорил он позже, – были различные источники информации о Соединенных Штатах и Англии, о которых мне было неизвестно... Он встречался с ними [информаторами], не ставя меня в известность».

Риббентроп вскоре узнал, что Канарис был самым важным из них. Теперь наступила его очередь нанести удар. По его расчетам, провал шпионской группы Румриха послужил бы явным свидетельством того, что абвер не что иное, как шайка болванов, чья деятельность за рубежом лишь мутит воду международной политики и наносит непоправимый ущерб Германии. Это было началом вражды, которая через шесть лет разрешилась падением Канариса и упадком абвера. Тогда же, в 1938 году, Риббентроп попытался нанести первый удар, нажаловавшись Гитлеру на неуклюжие действия Канариса, но безуспешно. Канарис отвел удар от себя, сумев убедить Гитлера, что арестованные в Америке люди (провал Румриха потянул за собой еще с десятков агентов) не имели отношения к абверу.

– Все они, мой фюрер, – заявил он, – немцы-патриоты и преданные национал-социалисты, единственная цель которых состояла в том, чтобы служить вам и вашей новой Германии.

Сам же Канарис не был удовлетворен своим объяснением. Вернувшись в управление, он вызвал полковника Пикенброка и приказал провести «безжалостное расследование этого случая».

Это событие показало, что у абвера достаточно много уязвимых мест. Оно также стало первым свидетельством того, что немцы теперь не одни в этой игре. Наряду с ФБР в нее вступила британская контрразведка, и этот англо-американский антишпионский альянс фатально отразился на последующих операциях в США.

Виновницей провала Румриха оказалась шотландка Дженни Уоллес Джордан, пятидесятидвухлетняя сотрудница салона красоты на Кинлок-стрит в городке Данди. Ее шпионская деятельность, возможно, осталась бы незамеченной, если бы не изрядная почта, которую она получала. В конце 1937 года это обстоятельство показалось подозрительным ее почтальону, и он сообщил об этом своему начальству в Лондоне. Информация оказалась на столе у майора У.Э. Хинчли Кука в кабинете 505 военного министерства на Уайтхолле, где располагалась английская контрразведка МИ-5.

Майор Кук установил наблюдение за миссис Джордан и вскоре выяснил, что, несмотря на британское подданство, она была вдовой немца, погибшего в Первую мировую войну, воюя в кайзеровской армии. Затем ему удалось узнать, что в 1937 году она несколько раз ездила в Германию без каких-либо резонных причин. Хотя она утверждала, что все ее родственники

живут на Британских островах, она получала письма из США, Франции, Голландии и Южной Америки и сама отправляла увесистые пакеты по самым дальним адресам.

Письма миссис Джордан подверглись перлюстрации, и, прочитав их, Кук убедился, что добропорядочная вдова была почтовым ящиком для обширной шпионской сети немцев. Ряд адресованных ей писем, отправленных из Нью-Йорка, были подписаны «Краун» и содержали неопровержимые доказательства того, что корреспондент был не просто шпионом, а весьма энергичным организатором разведывательной сети, раскинувшейся от Буффало до Ньюпорт-Ньюс, штат Вирджиния.

На Уайтхолл решили ознакомить американцев с этим открытием. Заместитель начальника МИ-5 капитан Гай Лиддел (наименее известный из британских контрразведчиков, но зато самый грозный из них) был направлен в Вашингтон, где передал разоблачительные материалы директору ФБР Эдгару Гуверу.

И 28 января 1938 года ФБР приступило к охоте, потребовавшей активной работы всех его звеньев, чтобы выследить Крауна и выяснить, что его настоящее имя – Гюнтер Густав Румрих.

С того самого момента, как Карл Шлютер насадил на крючок приманку в виде награды в 2 тысячи долларов за доставленные мобилизационные планы и бланки паспортов, Румрих лихорадочно изыскивал возможность раздобыть требуемое. Уже после войны Файффер, рассказывая мне об идеях Румриха, заметил:

«К сожалению, Шлютер, в общем-то здравомыслящий человек и надежный агент, пошел на поводу у этого фантазера. Он так был ослеплен сумасбродными замыслами Румриха и бредовыми его планами, что без согласования с нами согласился участвовать в некоторых операциях, о которых мы в Центре не знали».

На самом деле Файффер знал по меньшей мере об одном из этих планов, но считал его совершенно неприемлемым и отверг. Дело касалось мобилизационных планов. Румрих узнал, что одним из американских офицеров, имеющих к ним доступ, был командир 62-го зенитного полка береговой обороны в форте Тоттен, Лонг-Айленд, полковник Генри Элджин, и придумал фантастический план похищения офицера. Был сфабрикован приказ за подписью начальника штаба сухопутных войск генерал-майора Мэйлина Крейга, которым предписывалось полковнику прибыть в отель «Макалпин» в центре Нью-Йорка на заседание штаба, «имея при себе мобилизационные планы и планы береговой обороны, а также карты и схемы».

По замыслу Румриха, как только полковник войдет в номер, должна взорваться газовая граната с хлороформом, и, когда офицер потеряет сознание, Глязер, которому было поручено снять номер и обезвредить полковника, должен схватить портфель, вынести его в фойе и передать ожидающему там Румриху.

Когда Румрих изложил свой план Шлютеру, тот аж подскочил:

– Это слишком сложно и рискованно.

Румрих ехидной улыбкой попытался ободрить его:

– Наша хитрость, возможно, и наделает много шума, но все совершенно безопасно.

– Я все же думаю, – возразил Шлютер, – надо получить разрешение герра Шпильмана.

Он посоветовал Румриху изложить план в письме к Файфферу и отправить его в Бремен через почтовый ящик в Данди. Это письмо, подписанное «Краун», было в числе перехваченной корреспонденции, переданной англичанами ФБР. Полковнику Элджину сообщили о заговоре и предложили сыграть роль живца. Агенты ФБР и военной контрразведки готовились захлопнуть ловушку, как только Элджин в соответствии с фальшивым приказом войдет в «Макалпин», но операция не состоялась. Файффер, получив письмо с описанием плана Румриха (после того как англичане сняли копию), воскликнул в ужасе: «Он что, сошел с ума?»

Он немедленно связался со Шлютером в Нью-Йорке, категорически запретил безумную затею и даже немедленно отозвал стюарда в Бремен «для срочной консультации». Чудовищная

нелепость плана Румриха так встревожила Файффера, что он решил законсервировать агента, пока не станет слишком поздно.

Именно в отсутствие Шлютера Румрих, всегда нуждавшийся в деньгах и одержимый идеей заполучить хотя бы тысячу долларов, начал разрабатывать комбинацию для получения паспортных бланков. Он и не подозревал о возникшем недоразумении. Дело в том, что Шлютер, по-видимому, неверно передал ему задание Файффера – тому требовались бланки паспортов, то есть чистые, незаполненные паспорта, которые было трудно добыть, а не паспортные бланки или анкеты, которые должен был заполнить каждый, кто обращался с заявлением о выдаче паспорта.

Румрих не знал об этой разнице и решил любым путем добыть бланки. В конце концов он придумал обратиться за ними в нью-йоркский отдел паспортного управления Государственного департамента. Было 14 февраля, шесть недель после той новогодней ночи, когда Шлютер передал ему задание. Утром он позвонил из кондитерской неподалеку от его дома в Бронксе к себе на работу и сообщил, что болен. Затем направился на угол Уолл-стрит и Пайн-стрит, намереваясь, наконец, добыть бланки, но у входа в нужное ему здание вдруг оробел и отправился на метро на Центральный вокзал. Отсюда он позвонил начальнику нью-йоркского отдела паспортного управления Аире Ф. Хойту и, назвавшись заместителем государственного секретаря Эдвардом Уэстоном, властным тоном приказал доставить ему 35 «паспортных бланков» в отель «Тафт», где он будет ждать в фойе.

Звонок озадачил Хойта. Он никогда не слышал о заместителе государственного секретаря с такой фамилией. Станным было и то, что Уэстон просил о бланках заявлений, которые любой мог свободно получить. Зачем же заказывать их по телефону таким конспиративным способом?

Он сообщил о подозрительном событии в иностранный отдел полиции Нью-Йорка и предупредил служащего отдела безопасности Государственного департамента Т.К. Фитча. Они приготовили пакет для Эдварда Уэстона и отправили его с посыльным, за которым скрытно следили Фитч и два нью-йоркских детектива.

Но Румриха в отеле не было. Ему показалось, что голос Хойта «звучит подозрительно», и он решил для надежности послать кого-нибудь в отель за пакетом, который должны были оставить у портье. Началась погоня в стиле шпионских фильмов. Для начала Румрих позвонил в отделение «Вестерн юнион» на Центральном вокзале и попросил отправить посыльного в отель «Тафт» за пакетом. Через час он позвонил, на сей раз из Бронкса, и поинтересовался, получили ли они «пакет из отеля «Тафт» для мистера Уэстона». Ответ был отрицательным.

На следующий день он перезвонил в «Вестерн юнион», и девушка ответила:

– Да, мистер Уэстон, у нас есть пакет для вас.

– Прекрасно. Перешлите его в ваше отделение на Уорик-стрит. Я зайду за ним через полчаса.

Он подежурил некоторое время у этого отделения, но посыльный не появлялся. Румрих не сдавался. В 15.00 он позвонил в бар на Гудзон-стрит и попросил ответившую на звонок женщину принять пакет на имя Эдварда Уэстона. Через час он позвонил на Уорик-стрит и, услышав, что пакет, наконец, прибыл, попросил переслать его в бар.

Через пятнадцать минут он уже сидел в баре за кружкой пива и наблюдал, как посыльный в форме «Вестерн юнион» подошел к стойке бара и под расписку передал стоявшей за стойкой женщине пакет. Румриху пришла в голову новая идея. Вместо того чтобы подойти к стойке за пакетом, он вышел на улицу, прошел к углу Хьюстон-стрит и подозвал игравшего неподалеку мальчишку.

– Послушай, сынок, – сказал Румрих, – в баре «Королевский замок» для меня лежит пакет, но я задолжал бармену. Вот два доллара. Получи для меня посылку, а сдачу оставь себе.

Он проследил, как мальчик вышел из бара с пакетом, и взял посылку. В этот миг его задержали два детектива из иностранного отдела и доставили в участок на Лафайет-стрит. Полицейские не знали, что делать с арестованным, – в конце концов, попытка раздобыть три дюжины паспортных бланков не является преступлением. Ему задавали самые обычные вопросы, и казалось, что Румрих сумеет вывернуться. Но на смену полицейским прибыли Фитч и Клиффорд Таббс, еще один служащий отдела безопасности Госдепартамента.

Они допрашивали его в здании паспортного управления 16, 17 и 18 февраля, переводя на ночь в номер отеля «Нью-Йоркер». В пятницу 18-го вечером полиция доставила его домой для свидания с женой и ребенком. Они не знали, что же с ним делать, в конце концов, ему нечего было инкриминировать.

Только утром 17 февраля те, кто действительно был заинтересован в Румрихе, узнали, что он уже два дня как арестован. Известие принесла «Дейли ньюс», где в сумбурной заметке сообщалось, что арестован какой-то ненормальный, пытавшийся получить бланки ходатайств о выдаче паспорта. Потребовалось еще два дня, чтобы перевести Румриха в здание ФБР на Фоли-сквер.

В субботу 19 февраля в 15.00 дело было раскрыто. Специальный агент ФБР Леон Тарроу сунул Румриху копии нескольких писем, подписанных «Краун», прикрикнув:

– Хватит валять дурака! Я скажу – кто ты такой. Ты – чертовски важный немецкий шпион Краун.

Услышав свое кодовое имя, Румрих подскочил и вытаращил глаза.

– Ну хорошо, мистер Тарроу, – сказал он, – вы победили. Позвольте мне увидеться с женой и помочь ей уехать к родным, и я все скажу.

В Бремене Файффер узнал о провале Румриха 27 февраля, через день после того, как ФБР объявило о его аресте, но ему не было известно, на чем тот погорел. Даже через пятнадцать лет после этих событий в разговоре со мной Файффер сказал, что Румрих провалился при попытке похитить полковника Элджина.

«Ему в голову пришла идиотская мысль, – рассказывал мне Файффер, – под фальшивым предлогом заманить на встречу одного из старших офицеров армии США и похитить у него мобилизационные планы его части и схемы его форта. Офицер прибыл на свидание в сопровождении агентов ФБР».

В этом Файффер, конечно, ошибался, но был совершенно прав, когда добавил:

«Как только Румриха арестовали, он сразу же назвал фамилии и адреса всех агентов из группы Карла Шлютера».

Арест Румриха имел серьезные последствия. В ходе расследования стало известно о существовании Уильяма Лонковски, хотя уже и прошло три года после его бегства. Провалились два его главных помощника, Отто Герман Фосс и Вернер Георг Гуденберг, был разоблачен и доктор Игнац Грибль. Великолепно организованная система курьерской связи, созданная Файффером в 1935 году, серьезно пострадала в связи с разоблачением Шлютера и арестом Иоганны Хофманн, иногда перевозившей сообщение вместо своего любовника.

Адмирал Канарис вызвал Файффера в Берлин для выяснения причин провала, но капитан попытался преуменьшить значение последних событий.

– На самом деле, – заявил он шефу, – мне даже стало легче, когда Румрих сошел со сцены. Я никогда по-настоящему не доверял ему и считал пустозвоном.

Канарис не был с этим согласен, но все же оставил пока Файффера на прежней должности руководителя американской сети в бременском отделении. Позднее, однако, два события

показали, что офицер, которого подчиненные теперь уважительно называли Флейтист²⁸, подтвердил свою полезность.

В октябре дело Румриха было передано в нью-йоркский суд, и абверу стали известны некоторые последствия провала, показавшие, что Файффер допустил ряд оплошностей и промахов, своей неосторожностью нанеся ущерб операциям в США. Хотя он и уверял Канариса, что Румрих знал его лишь под кодовым именем Н. Шпильман и не имел представления о его положении в германской секретной службе, выяснилось, что другие члены группы знали, что он капитан 2-го ранга Эрих Файффер, руководитель немецкой шпионской сети в Америке. Большое жюри, вынесшее обвинительный вердикт по делу арестованных членов группы Румриха и Грибля, имело достаточно оснований, чтобы заочно признать виновным и Файффера.

Когда еще только велось следствие по делу Румриха, абвер был потрясен тем, что адмирал Канарис предпочел назвать это «еще одним несчастным случаем». Четверо членов великолепной ячейки Вольфганга Блаума – Шаков, Кухриг, Гросс и мисс Гутманн – были арестованы в зоне канала при попытке сфотографировать укрепления форта Рэндольф. Хотя остальным членам группы удалось избежать провала и продолжать свою шпионскую деятельность до 7 декабря 1941 года, операции были нанесены значительный ущерб. Сам Блаум тоже был разоблачен, но избежал ареста, срочно покинув Панаму.

Канарис устроил перетряску всей верхушки отделов, отвечающих за операции в США, капитан Файффер был переведен из своего отделения на другую должность, где, по словам Канариса, он уже не нанесет вреда.

Эрих Файффер тяжело перенес этот удар. Даже пятнадцать лет спустя, когда я беседовал с ним, он не мог согласиться с Канарисом, что провал группы Румриха и Грибля нанес ущерб операциям абвера в США. Вскоре после описанных событий Леон Тарроу опубликовал хвастливую книгу об этом деле (за что был немедленно уволен директором ФБР Гувером). Однако на Файффера эти разоблачения не произвели впечатления.

«Хотя это всего лишь триллер, – говорил он мне, – книга тем не менее показала, как мало ФБР узнало о наших операциях. Фактически им удалось раскрыть лишь маргинальную группу дилетантов, которые обеспечивали лишь незначительную развединформацию».

Судя по материалам суда и особенно по «откровениям» Тарроу, ФБР не удалось по-настоящему заглянуть в нервный центр. Абвер (который Тарроу постоянно путал с гестапо) был упомянут лишь мельком, как организация с названием *Nationale Geheim Abwehr*, возглавляемая, предположительно, неким полковником Бушем. Адмирал Канарис сумел сохранить свою анонимность.

Более важной оказалась неспособность ФБР на этой стадии проникнуть в ядро абверовской сети в Соединенных Штатах. Как впоследствии хвастливо заявлял Файффер, его «настоящая организация совершенно не пострадала». Это же относится и к сети майора Риттера. Провал же Румриха лишь заставил немцев действовать осторожнее и тоньше. Как мы увидим, они результативно действовали еще более трех лет, а в отдельных случаях и дольше.

К тому времени, однако, абвер потерял интерес к Соединенным Штатам. Было напряженное время, и хватало дел вблизи от дома.

В то самое время, когда в Америке разразилось дело Румриха, абвер был полностью занят подготовкой к аншлюсу Австрии. Тогда же велась подрывная работа и нагнетание кризиса в Судетах. На западе главное внимание было обращено на Францию, поскольку предполагалось, что, когда Гитлер примется за Чехословакию, французы не останутся безразличными к судьбе своего главного союзника в Центральной Европе.

---

²⁸ В честь главного героя поэмы Р. Браунинга – дудочника, или флейтиста, в пестром костюме. (Примеч. пер.)

И наконец, на горизонте в качестве законной цели появилась Англия. Гитлер частично отменил свой запрет на шпионаж против британцев на их территории. В 1937 году он заявил Канарису, что тот может действовать в отношении Британской империи как считает нужным, несмотря на проводимую Чемберленом мирную политику.

Впервые после Первой мировой войны в центре внимания абвера оказалась Британия.

Часть вторая В ФОКУСЕ – БРИТАНИЯ

Глава 7 ПУТЕШЕСТВИЕ В БРИКСТОНСКУЮ ТЮРЬМУ

За несколько лет до Первой мировой войны, когда сэр Огастес Фрэнсис Эндрю Торн был всего лишь лейтенантом гренадеров, кто-то в военном министерстве выдал ему велосипед и направил его в Восточную Англию «инспектировать местные преграды, которые могли бы воспрепятствовать германским экспедиционным силам». Вероятность тевтонского вторжения была весьма отдаленной, и миссия юного Торна была лишь рутинным упражнением. Но когда он катил на двух колесах по пыльным дорогам Норфолка и Суффолка, он видел туристов, проносящихся мимо него на мощных автомобилях. Это были офицеры германского Генерального штаба в штатском, выполнявшие сходное с задачей Торна обследование.

В те беззаботные годы великие европейские державы расширили гостеприимство в отношении офицеров генеральных штабов государств, решивших собирать информацию для вероятностных планов, составлявшихся на случай возможной войны против тех самых стран, которые они посещали, формально находясь в отпуске. Это были быстрые обзорные поездки на основе неписаного джентльменского соглашения. Это была завуалированная разведка, на основе которой туристы могли делать предположения о том, какие секреты пытаются сохранить гостеприимные хозяева.

Значило ли это, что немцы, обладающие неутолимой любопытством повсюду, считали, что могут обойтись без постоянных шпионов в Британии? Не совсем так. Тайный интерес немцев к Англии возник в начале столетия, когда агрессивная империалистическая политика кайзера и его военно-морские амбиции привели к эпохе активного рассеяния германских агентов по всему миру.

Британским направлением занимался германский отдел военно-морской разведки под руководством капитана Иоахима Тапкена. Из своего управления в Вильгельмсхафене он направлял деятельность 26 резидентов от залива Скапа-Флоу до мыса Лэндс-Энд. Это была «мрачная процессия шпионов», о которой сэр Бэзил Томпсон из Скотленд-Ярда столь презрительно говорил в своих мемуарах.

Им не повезло в том, что пришлось действовать против двух лучших контрразведчиков всех времен – сэра Бэзила, чей криминально-следственный отдел Скотленд-Ярда был исполнительным органом британской службы безопасности, и майора Вернона Келла, основателя и шефа МИ-5, бюро, которое правительство его величества учредило в 1909 году в рамках директората разведки военного министерства для «пресечения попыток иностранных держав добыть британские секреты».

В результате шпионы капитана Тапкена стали настолько хорошо известны британцам, что только пятеро из первоначального состава избежали ареста 5 августа 1914 года, в день начала Первой мировой войны. Во время самой войны лишь один немецкий агент сумел избежать неутомимой охоты Томпсона и Келла – Юлиус Зильбер, тихий южноафриканец австрийского происхождения, работавший цензором в Британии.

После войны Англия была практически абсолютно защищена от германского шпионажа вплоть до 1932 года, когда Норман Бейли-Стюарт, глуповатый лейтенантик шотландского полка, продался немцам и стал шпионом. Его шпионская карьера длилась всего пять месяцев и семнадцать дней, но он успел выдать ряд наиболее охраняемых секретов, касающихся так-

тики и организации британских бронетанковых войск. Бездумное предательство Бейли-Стюарта стало внезапным шоком. Тем не менее он до самой смерти отрицал свою вину даже при наличии бесспорных доказательств в виде захваченных архивов абвера. Когда же он был разоблачен МИ-5, абвер под инертным руководством капитана Конрада Патцига не сделал ни малейшей попытки завербовать кого-либо на его место или подыскать иную замену провалившемуся агенту.

После этого летом 1935 года Гитлер категорически запретил абверу засылать шпионов в Англию, поскольку пытался установить союзные отношения с ней. Но запрет опоздал. К тому времени первый агент, завербованный под руководством нового шефа – Канариса, уже действовал.

Каждый, кому хоть однажды пришлось подвергнуться процедуре проверки британской иммиграционной службы, поймет, как чувствуют себя шпионы при переходе государственной границы. Проверку осуществляют агенты спецслужб, а их потрепанные черные папки разбухли от списков «нежелательных лиц» – тех, кто разыскивается Скотленд-Ярдом за уголовные преступления или не рекомендован МИ-5. С тех пор как эти черные папки стали невыносимо исчерпывающими, шпионам, засылаемым в Британию, приходится прилагать чрезвычайные усилия, чтобы скрыть свою подлинную сущность.

Немец, 29 августа 1935 года предъявивший иммиграционному инспектору в Харвиче свои проездные документы, был собран и спокоен, заявил, что его фамилия не числится в списках международных мошенников. Он путешествовал под своим настоящим именем – Герман Гертц из Гамбурга. Все, что было записано в его паспорте, и все, что он говорил инспектору, было правдой – за исключением декларации о целях поездки.

– Я юрист-международник, – заявил он, – и еду в Кембридж для изучения английского экспортного законодательства. Еще одна причина поездки то, что я получил стипендию для написания книги об одной ганзейской²⁹ семье, такой, как Будденброки, корни которой уходят как в Германию, так и в Англию. – Гертц вынул из портфеля незаконченную рукопись и показал ее инспектору. – Я закончил германскую часть семейной истории и решил, что английскую часть лучше писать на ее родине.

Печать в его паспорте стала подтверждением того, что впервые после окончания Первой мировой войны в Англии обосновался немецкий профессиональный шпион. Он был заслан по требованию Германа Геринга, чтобы лично устранить расхождения в разведывательных данных, собранных его службами и касающихся оценки боевых возможностей Королевских ВВС. Гертц был боевым летчиком в Первую мировую войну и тайно вступил в «черное люфтваффе» рейхсвера в 1928 году. Гертц считал, что КВВС являются стратегически наступательными силами и что Англия формирует «соединения тяжелых бомбардировщиков, нацеленные против Германии». Другие считали, что британская авиация имеет главным образом оборонительный характер и укомплектована преимущественно истребителями.

Когда Гертц предложил съездить в Англию и собрать на месте данные, необходимые для проверки его заключения, несколько высших офицеров из создаваемого люфтваффе попросили адмирала Канариса принять Гертца на работу в абвер и организовать его поездку. Идея Канарису понравилась. Тогда еще был его розовый период в абвере, и им двигали горячий патриотизм и искренний интерес к работе. При других обстоятельствах он бы не осмелился обойти приказ Гитлера и отказал Гертцу. Но тогда он поддался давлению люфтваффе и надеялся на защиту Геринга, если дело обернется неудачно и все станет известно фюреру.

---

²⁹ Ганза – старинный торгово-финансовый союз северогерманских городов во главе с Бременом, Гамбургом и Любеком. (Примеч. науч. ред.)

Личные качества выбранного кандидата ободрили Канариса. Гертц был разносторонним и весьма одаренным человеком. Отпрыск известной ганзейской семьи из Любека, он родился в 1890 году в зажиточной семье и воспитывался английской гувернанткой в культурной атмосфере. После Первой мировой войны, когда в его обязанности входило и участие в допросах английских и американских летчиков, сбитых на Западном фронте, Гертц женился на дочери адмирала. Он стал адвокатом в Гамбурге и был также представителем электронной компании «Сименс» в Великобритании, куда часто выезжал в командировки.

Обладая мужским обаянием и элегантностью, он был ранней версией Джеймса Бонда. Он не пропускал ни одной возможности потренироваться и наибольших успехов достиг в плавании, верховой езде и боксе. Он был музыкален, хорошо чертил, рисовал, занимался резьбой и писал статьи, рассказы и пьесы. Вдобавок ко всему у него были математические навыки. В личном деле в абвере он характеризовался как агент с очень высоким потенциалом. У него был также и топографический талант. В характеристике отмечалось: «Одного быстрого взгляда на карту достаточно ему, чтобы найти дорогу в стране с уверенностью лунатика. Его искренность и чувство чести делают его хорошим кандидатом для работы за рубежом».

Даже при таких обстоятельствах энтузиазм Канариса не разделялся людьми, ответственными за успех или неудачу операции. Несмотря на блестящие данные и высокую квалификацию, Гертц обладал «духом неугомонности и романтизма», который «не был изжит мирной рутинной благополучной гражданской жизни». Он терпел неудачу во всем, что предпринимал, — от бизнеса до профессиональной деятельности и от женитьбы до писательства. Фактически он согласился ехать шпионом в Англию, чтобы сбежать от проблем в личной жизни, которые грозили разрушить его хрупкий брак и привести к банкротству его дело. Но Канарис настоял на своем, и, таким образом, этому сорокапятилетнему ненадежному авантюристу была поручена данная миссия. Она будет продолжаться ровно семьдесят один день, из которых он лишь сорок будет заниматься шпионажем.

Перенеся проверку инспектора иммиграционной службы, Гертц направился напрямиком в Мидденхолл в Кенте, место, выбранное им потому, что там находился центр скопления объектов КВВС. У миссис Флоренс Э. Джонсон он снял «Хейвлок», коттедж на Стенли-роуд в Бродсерсе, и 14 сентября переехал туда, чтобы «работать над книгой». Его сопровождала девятнадцатилетняя блондинка, любительница планеризма Марианна Эмиг, которая шокировала миссис Джонсон своим присутствием в доме женатого мужчины. Гертц учтиво заверил ее, что функции Марианны ограничиваются лишь обязанностями секретаря-машинистки.

На следующее утро после прибытия в Мидденхолл доктор Гертц начал свои «исследования» на новехоньком мотоцикле вместе с Марианной, восседающей на заднем сиденье. Его первая экскурсия была в близлежащий городок Мэнстон, где Марианна немедленно начала свою скоротечную карьеру *femme fatale*, флиртуя с молодым рядовым ВВС по имени Кеннет Льюис. Пока Гертц набрасывал схему аэродрома, Марианна выуживала информацию из Кеннета. Каждый день они ездили по различным местам, в которых были хоть какие-то авиационные объекты. Когда Марианна не работала в качестве наживки, она осуществляла прикрытие Гертца, который зарисовывал схемы аэродромов в Лина-Соленте, Ханстантоне, Фелтуэлле, Кардингтоне, Марглшеме и др. Гертца ободрял столь легкий доступ к секретам, и он был уверен, что все идет хорошо. Марианна не разделяла его уверенности.

Несмотря на молодость и неопытность, она инстинктивно чувствовала, что все идет не так гладко, как считал ее партнер. Они давно уже не были одиноки в своих поездках. Рядовой ВВС Льюис заинтересовался любопытством Марианны больше, чем ее привлекательностью, и решил доложить начальству о слишком дружелюбной парочке, которую он однажды вечером посетил в «Хейвлоке». Полковник Хинчли Кук из МИ-5 занялся этим делом и установил наблюдение за этой парочкой. Три детектива из полицейского управления графства Кент

следовали за ними повсюду, по всем аэродромам Восточной Англии, Норфолка, Суффолка и Линкольна, и наблюдали, как Гертц зарисовывал или фотографировал эти объекты.

Во время повторной поездки в Мэнстон 23 октября Гертц и Марианна обнаружили слежку, когда один из детективов, Джон Фредрик Смит, наблюдал за ними из-за кустов. Вернувшись в коттедж, Марианна запаниковала. Она настаивала на отъезде, угрожала, и Гертц подумал, что лучше будет отвезти ее обратно в Гамбург. Поскольку истекли уже сорок дней его шпионской деятельности, он решил доставить в абвер полный отчет о работе.

Благодаря привезенным им подаркам Гертц был встречен в Берлине с распростертыми объятиями. Но главная награда была впереди. Его домохозяйка в Англии, которой Гертц оставил до своего возвращения запертый чемодан, была в сомнении по поводу своих немецких постояльцев и позвонила в полицию. Полковник Кук сам приехал в «Хейвлок» и открыл чемодан. В нем он нашел полный комплект доказательств, необходимых для признания Гертца шпионом, – специальный фотоаппарат, дневник, в котором немец отмечал свои поездки на аэродромы, разрозненные заметки военного характера и множество схем различных объектов КВВС.

Гертц вернулся в Англию 8 ноября, вновь паромом через Харвич. К этому времени его имя уже было в черной папке инспектора иммиграционной службы.

Полковник Кук был проинформирован и в свою очередь предупредил суперинтендента Уэбба из специального отдела Скотленд-Ярда. Гертц был арестован и предстал перед судом по обвинению в нарушении акта о государственной тайне.

Вначале англичане расценивали дело как неуклюжую попытку старательного дилетанта и собирались отнестись к нему легко. Но затем выяснились два обстоятельства. В коттедже, некоторое время снимаемом Гертцем, миссис Джонсон нашла две завалявшиеся бумажки – копию его заявления в абвер и шифр.

Вторым было событие гораздо более важного значения, произошедшее далеко от затхлой комнаты суда на Олд-Бейли, где слушалось дело Гертца. За два дня до окончания слушания, 7 марта 1936 года, Гитлер нарушил условия Версальского договора тем, что ввел войска в демилитаризованную Рейнскую область.

Англичане намеревались депортировать Гертца с условным приговором. Теперь же, скомпрометированный копиями абверовских бумаг и отзвуками акции Гитлера, он получил четыре года заключения в тюрьме.

Британцы скорее были довольны, чем раздражены этой неуклюжей попыткой. Но она вызвала гнев Гитлера не только неудачным исполнением. Это было открытым нарушением его прямого приказа. Он подтвердил свой запрет 8 сентября во время их долгой встречи в Оберзальцберге, а в ноябре, на следующий день после ареста Гертца, вызвал Канариса на Вильгельмштрассе и сделал свое эмбарго абсолютным.

Канарис же не был убежден в разумности этого запрета. Под давлением люфтваффе и ВМФ, настаивавших на ведении разведки против Британии, он умолял Гитлера разрешить ему заслать хоть нескольких агентов на Британские острова. Гитлер был тверд.

– Вы будете лично отвечать за строжайшее выполнение моего приказа, – сказал он Канарису. – Я не хочу, чтобы какие-то жалкие шпионишки, ползающие по Британии, подрывали мои планы.

Канарис, винивший люфтваффе за неудачную миссию Гертца, ответил:

– Мой фюрер, в том, что касается абвера, на британской земле нет ни одного агента. Я лично прослежу, чтобы ни одного и не засылали туда, пока ваш приказ будет в силе.

Глава 8

ДВОЙНИК В ВЕРХАХ

Британия вовсе не была так защищена запретом Гитлера и гарантией Канариса, как это могло показаться. Начиная с 1933 года несколько нацистских ведомств, соперничавших с МИДом и абвером, наводнили Лондон своими эмиссарами, задача которых якобы состояла в том, чтобы привлечь англичан на сторону Гитлера. В то время как большинство из этих посланцев открыто занимались пропагандой, многие из них одновременно занимались сбором секретной политической и военной информации.

Женоподобный, с сонными глазами сочинитель мифов о нацизме Альфред Розенберг, дилетантски упражняясь в дипломатии с помощью своего иностранного отдела, вел работу в Англии через отставного флотского лейтенанта А.Д. Обермюллера и политического авантюриста барона Уильяма де Роппа.

С помощью этих эмиссаров немцам удалось привлечь множество, если не сотни сторонников на Британских островах, нередко весьма высокопоставленных, которые стали адептами нацизма из-за глубокой неприязни к евреям и страха перед коммунистами. Они часто собирались в таких уважаемых организациях, как Общество англо-германской дружбы и «Линк», или в старинных поместьях, таких, как величественный «Кливден» леди Астор. Бурно растущие фашистские партии и «клубы» правых экстремистов, греющиеся в лучах славы Муссолини и Гитлера, привлекали не только политических мерзавцев, но, как ни странно, и таких видных особ, как генерал-майор Дж. Ф. Фуллер, адмирал сэр Барри Домвилл, вице-адмиралы Р.С.П. Парри и Дж. Б. Пауэлл, виконтесса Даун и леди Пирсон, сэр Лайонел Хауорт, бывший крупный чиновник в Индии Ральф Глэдуин Джебб, бригадир Р.Дж. Д. Блэки и двенадцатый герцог Бедфордский.

Нацисты заполнили Общество дружбы и «Линк» своими тайными агентами, которые пытались использовать их для своей пропаганды и сбора информации. Розенберг заявлял, что его организация поддерживает связь с такими ключевыми фигурами правящих кругов, как капитан Файенс, адъютант герцога Коннаутского, полковник Маккоу, секретный консультант министерства обороны, Бэдлоу, личный секретарь премьер-министра Рамсея Макдональда, и некий сэр Каннингем.

Прибалтийский немец Розенберг, подражавший в своих манерах англичанам, шивший костюмы на Севиль-роуд и постоянно ходивший с зонтиком, считал себя специалистом по Великобритании, но всецело зависел от советов Роппа, и барон, неплохо на этом зарабатывавший, поставлял шефу как достоверные сведения, так и ложную информацию.

Барон Уильям (Билл) С. де Ропп был одной из самых таинственных и влиятельных теневых фигур эпохи процветания темных личностей. Высокий, стройный, голубоглазый блондин арийского типа, родился в Латвии в 1877 году и был сыном разорившегося остзейского помещика и русской дворянки. Он получил образование в Германии и с 1910 года проживал в Англии. Через пять лет он натурализовался, служил в Уилтширском полку, а затем в авиации разведчиком-наблюдателем с аэростатов и участвовал также в допросах немецких военнопленных.

С Розенбергом он познакомился через общих земляков в Германии, среди которых был выходец из Прибалтики Арно Шикеданц, известный журналист газеты «Фелькишер беобахтер», главным редактором которой был Розенберг. Шикеданц свел де Роппа с Розенбергом в вокзальном ресторанчике городка Анхальтер, где Розенберг ожидал пересадки на мюнхенский поезд. С этой случайной встречи и началось проникновение Роппа в самые верхи нацистского руководства.

Барон и Дженни, его очаровательная жена-англичанка, поселились в Берлине в элегантной квартире на Курфюрстендам и вскоре прославились своим гостеприимством, чему способствовали шарм и кулинарные способности Дженни. Они быстро стали своими в верхах общества. Розенберг познакомил его с Гитлером, который сразу проникся расположением к услужливому и информированному лондонскому прибалту, и между ними установились личные дружеские отношения. Он стал личным консультантом Гитлера по британским проблемам и порой откровенничал с ним по поводу своих грандиозных планов и делился такими намерениями, о которых не мог бы поведать ни одному иностранцу.

Барон де Ропп ответил тем, что стал главным поборником англо-германского сближения. Он был рупором Гитлера во влиятельных британских кругах, на которые фюрер стремился воздействовать. Он привозил в Германию многих из своих высокопоставленных британских друзей: «нескольких пэров, – как он сам хвастался, – двух генералов, адмирала, ряд журналистов, священника», а затем уверял Гитлера, что все увиденное в Третьем рейхе произвело на них «чрезвычайное впечатление».

Совсем немного времени потребовалось Биллу де Роппу, чтобы утвердиться в роли английского агента Розенберга с «прямым доступом» на Уайтхолл и в Букингемский дворец, с одной стороны, и к Гитлеру – с другой. Не был ли он двойным агентом? Единственным человеком на Вильгельмштрассе, подозревавшим Роппа в двуличии и предупреждавшим об этом Гитлера, был эксцентричный Путци Ханфштенгель, пресс-атташе Гитлера, получивший гарвардское образование. Когда Розенберг рассказал об интригах Путци Роппу, тот лишь презрительно заметил, что Ханфштенгель – «всем известный псих», и по-прежнему продолжал пользоваться доверием Гитлера.

В те годы, когда многие англичане, которым следовало быть поосмотрительнее, поддерживали близкие отношения с нацистами, Роппу не составляло особого труда выуживать у своих друзей и знакомых в Англии ценную информацию и добиваться от них содействия своим германским работодателям. Подчас он даже поражал как Гитлера, так и Розенберга своими связями, причем нередко это было правдой, с весьма именитыми персонами.

Эти необычные отношения не прервались и после начала войны, когда барон де Ропп переехал в Швейцарию и продолжил свои «операции» на нейтральной земле. Несколько раз за время войны он приглашался Гитлером в Берлин для консультаций.

Среди секретных документов Альфреда Розенберга я обнаружил любопытные свидетельства его амбициозных попыток организовать за спиной Форин Офис тесное сотрудничество между все еще полуправильным люфтваффе и Королевскими ВВС. Идея принадлежала барону де Роппу, но оказалась ему не по силам, и за дело взялся сам Розенберг.

Искавший случай применить на деле свою энергию лейтенант Обермюллер узнал, что тогда еще тайный главный штаб люфтваффе крайне заинтересован в английской секретной информации. Он поручил де Роппу завести связи в соответствующих кругах и собирать нужную германским ВВС информацию, которую не могли добыть штатные секретные службы.

Когда главный организатор секретного создания люфтваффе, заместитель министра авиации Германии Эрхард Мильх выразил интерес к этому проекту, Ропп завязал знакомство с отставным офицером британской авиации, фигурировавшим в бумагах как «майор У.», сохранившим связи в штабе КВВС. Этим другом был Фредерик Уильям Уинтерботем, несколько загадочный завсегдатай фешенебельных клубов на Сент-Джеймс-стрит.

Фредди Уинтерботем родился в 1897 году и представлял собой типичный персонаж П.Г. Вудхауса, имеющий «обычное воспитание... в чудесном районе Котсуолдса», где он «научился ездить верхом, стрелять, охотиться и ловить рыбу, играть в крикет и гольф». В семнадцать лет после кругосветного путешествия (где он стал поклонником «Чикаго уайт соке») он поступил на службу в Королевский Глостерширский территориальный гусарский полк, а затем перевелся в Королевский авиационный корпус. Его летная карьера во время Первой мировой войны была

прервана в пятницу 13 июля 1917 года, когда он был сбит над германскими позициями, и он провел оставшиеся полтора года войны в лагере для военнопленных.

После войны, получив диплом юриста в Оксфорде, он занялся сельским хозяйством и разводил свиней до 1929 года, когда Великая депрессия вынудила его искать другой род занятий. Он нашел место в Королевских ВВС, куда был принят в качестве «специального сотрудника» штаба в отдел капитана К.С. Басса. Поскольку Басе был начальником разведки, Билл де Ротт заключил, что его друг Фредди занимается секретной деятельностью.

Так оно и было. Его взял к себе адмирал Хью Синклер, шеф авиационного управления Секрет интеллидженс сервис, для связи с разведывательным управлением штаба ВВС.

«Это была отличная крыша, – рассказывал мне Уинтерботем на своей ферме в Девоншире летом 1971 года. – Я числился в списках ВВС как работник штаба авиации, у меня был небольшой кабинет в министерстве авиации в Адастрал-Хаус, где было множество сотрудников, и я там часто появлялся.

В действительности «ось Уинтерботем – де Ропп» не была случайной. Майор авиации поощрял интерес де Роппа к нему, надеясь таким образом войти в доверие к немцам с целью получить как можно больше информации о тайнах новых германских ВВС. В данных обстоятельствах де Роппу удалось легко выполнить свою задачу. Уинтерботем высказывал свое благожелательное отношение к устремлениям Третьего рейха и делал вид, что одобряет идею возрождения германской военной авиации в качестве противовеса господству в воздушном пространстве Европы ВВС Франции и Советского Союза. Этот контакт показался лейтенанту Обермюллеру настолько многообещающим, что он специально побывал в Лондоне для личного знакомства с перспективным другом де Роппа, а также с майором авиации Арчибальдом Р. Бойлем из управления разведки ВВС, которому его представил Уинтерботем.

Вскоре после этого подошел срок очередного отпуска Уинтерботема, и он принял приглашение Обермюллера провести его в Германии. Он приехал в Берлин 27 февраля 1934 года, где его взял на попечение Розенберг, с гордостью представивший его Мильху, двум генералам люфтваффе – главному организатору рейхсвера фон Рейхенау и Бруно Лёрцеру, асу Первой мировой войны, председателю германской федерации воздушного спорта, одного из прикрытий тогда еще тайного «черного люфтваффе». Его также познакомили с Рудольфом Гессом и даже как *pièce de resistance* отпуска с самим Гитлером. Уинтерботем передал Гитлеру, как Розенберг отметил в своем дневнике, «привет от английских летчиков».

Это вовсе не было измышлением, поскольку министерство авиации под руководством как лорда Лондондерри, так и лорда Суинтона в течение определенного времени было одним из основных проводников курса на умиротворение Германии. Политики из авиационного ведомства из кожи лезли, ратуя за «взаимопонимание» с фашистским правительством, хотя это было на руку лишь Гитлеру. Они исходили из того, что рост германской воздушной мощи – процесс необратимый, и, опасаясь этого, надеялись, что урегулирование с немцами поможет отвернуть острие этой угрозы от Великобритании.

После «весьма удовлетворительной поездки» Уинтерботем вернулся в Лондон 6 марта в сопровождении Лёрцера, которого он предполагал ввести в британские авиационные круги, как в министерские, так и в промышленные. Вернувшись в Берлин, Лёрцер доложил Розенбергу, что Уинтерботем представил штабу ВВС «блестящий доклад» о положении в Германии. Он познакомил Лёрцера с неким капитаном Кеннетом Барлеттом, начальником отдела зарубежных продаж «Бристоль эркрафт компани», выразившим интерес к негласной сделке с нелегальным люфтваффе.

Это было не так странно, как могло показаться. Даже в то время, когда пункты Версальского договора о разоружении Германии еще полностью сохраняли силу, английские произво-

дители вооружения открыто предлагали Третьему рейху свои изделия, включая виды вооружения, полностью запрещенные договором³⁰.

Барон де Ропп продолжал обхаживать майора Уинтерботема, надеясь «глубже проникнуть» в министерство авиации. «Борьба за Англию продолжается», – записал Розенберг в своем дневнике 11 июля, отмечая, что его эмиссар Обермюллер опять находится в Лондоне, где его радушно встретил Уинтерботем, и уже имел «очень результативные беседы» с министром авиации лордом Лондондерри и с майором Бойлем из управления разведки штаба ВВС.

Лейтенант Обермюллер вернулся из поездки с приятными новостями. Он доложил Розенбергу, что прогерманские круги пытаются пробить назначение Уинтерботема военновоздушным атташе в Берлин вместо занимающего этот пост полковника авиации Френсиса Персиваля Дона, который, по словам Обермюллера, «не имеет ни малейшего представления о том, что делается» и к тому же посылает в штаб британских ВВС «весьма враждебные отчеты». Назначение Уинтерботема не состоялось, но он заверил своих немецких друзей, что в Берлин будет послан «свой парень», которому немцы могут доверять и показывать все, в обмен на это Уинтерботем организует «подобные поездки по [Великобритании] для [немецкого] военновоздушного атташе». И действительно, полковник Дон был отозван, а лейтенант Уильям Эдвин Куп, офицер со слишком малым званием для такого поста, был назначен исполняющим обязанности военновоздушного атташе³¹.

Люфтваффе, крайне заинтересованное в достижении «взаимопонимания с Королевскими ВВС», приняло предложение Уинтерботема. Для того чтобы избежать любых случайностей, которые могли бы нанести вред или скомпрометировать бесценный канал связи, и сохранить его в секрете даже от германского военного атташе генерал-майора Веннингера, в лондонское посольство был внедрен кадровый разведчик под дипломатическим прикрытием. Он должен был поддерживать связь между Уинтерботемом и начальником разведывательного управления штаба люфтваффе майором Йозефом (Беппо) Шмидтом. Розенбергу сказали, что прямая связь необходима, чтобы сократить канал связи. В действительности офицер был направлен в Лондон, чтобы вывести из игры дилетантов Розенберга, которые нередко излишне драматизировали интригу Уинтерботема.

В сентябре в Берлин с рекомендательным письмом Уинтерботема прибыл капитан Бартлетт из «Бристоль эркрафт компани» для изучения возможности торговой сделки с люфтваффе, предложенной несколько месяцев назад. Бартлетт привез хорошие вести. Он сообщил Розенбергу, что «[Королевские] ВВС готовы оказать люфтваффе всяческую помощь, не ставя в известность Форин Офис».

Розенберг передал послание заместителю министра авиации Мильху, но нашел, что тот охладил к проекту. После мартовского визита Уинтерботема в Германию Мильх просил Розенберга организовать его визит в Лондон, и Розенберг обратился к де Роппу за содействием. Но де Ропп не смог инициировать интерес к приезду Мильха и сообщил, что такой визит сочли «несвоевременным» и что ни министр авиации, ни его заместитель не смогут принять Мильха, если тот приедет. Этот категорический отказ стал причиной недоверия Мильха ко всему проекту Розенберга – де Роппа, и он открыто выразил свой скептицизм, когда Розенберг затаив дыхание передал ему потрясающее послание, привезенное Бартлеттом, и усомнился в полномочиях и искренности Уинтерботема.

– Как вы можете сомневаться? – возмущенно заявил Розенберг. – Капитан Бартлетт был ко мне с рекомендательным письмом от господина Уинтерботема, написанным на официальном бланке министерства авиации.

---

³⁰ Строго говоря, данный договор запрещал Германии иметь ВВС, но не запрещал ей что-либо покупать. (*Примеч. науч. ред.*)

³¹ В 1939 г. эта должность была вновь занята офицером более высокого ранга с назначением на пост военновоздушного атташе полковника Джона Лайна Вейчела, опытного авиационного специалиста и наблюдательного исследователя.

– Я поверю, – ответил Мильх, – когда вы принесете письменное подтверждение готовности британских ВВС сотрудничать с нами без ведома Форин Офис, тоже на бланке министерства авиации.

– Как вы наивны, – вздохнул Розенберг.

Он показал Мильху рекомендательное письмо, которое Уинтерботем дал Бартлетту, но, конечно, не мог обеспечить «подтверждение», которого требовал Мильх.

После этого Уинтерботем стал костью, из-за которой началась грызня между иностранным бюро Розенберга и кликой Мильха. Раздор, вызванный англичанином, зашел настолько далеко, что 18 декабря Розенберг пожаловался Гитлеру, что «бюрократы» из люфтваффе ставят под угрозу его бесценный канал связи с британским министерством авиации.

Гитлер попросил Геринга разобраться, и тот доложил, что Мильх и его сотрудники не только не «ставят под угрозу» этот канал, но, напротив, пытаются уберечь его от дилетантских действий пиратствующих шарлатанов Розенберга, стремившихся извлечь из него сиюминутные выгоды. Теперь же дело шло к сотрудничеству и «взаимопониманию», которого желали авиационные ведомства обеих стран, каждое по своим собственным причинам.

Было ясно, что чужаки вроде Розенберга и де Роппа стали ненужными. По-любительски установленный им контакт перешел к профессионалам. Майор Уинтерботем оставался в центре интриги вплоть до конца 1937 года.

В конце 1936 года министерство авиации официально предложило, а люфтваффе согласилось «обмениваться информацией о своих учреждениях». Британской делегации из двух вице-маршалов авиации и двух офицеров разведки было разрешено проинспектировать «любое учреждение люфтваффе». В январе 1937 года германский военный атташе генерал Веннингер был приглашен на осмотр строящихся объектов ВВС, а за этим последовал визит германской делегации во главе с генералом Мильхом, посетившей несколько авиационных объектов. Как оказалось, это был неравноценный обмен. В то время как немцы не скрывали от своих гостей ничего или почти ничего, им в ответ выдали лишь малую толику, в связи с чем их знание КВВС оставалось столь же фрагментарным, как и прежде, а их «сотрудничество» с министерством авиации («за спиной Форин Офис») обернулось разочаровывающим экспериментом. Генерал Альберт Кессельринг был настолько потрясен неравноценностью этого обмена, что обвинил Мильха и Геринга в государственной измене. Через несколько лет, вспоминая этот обмен, Гитлер заявил, что Мильх «выдал секрет радара британцам».

Это беспрецедентное обоюдное соглядатайство продолжалось до 1937 года, то есть еще два года после того мартовского дня 1935 года, когда Гитлер официально объявил о создании германских ВВС, открыто нарушив статью 198 Версальского договора, запрещающую Германии иметь военно-воздушные силы как наземного, так и морского базирования³².

К концу 1934 года, вскоре после своей жалобы Гитлеру, Розенберг был отстранен от участия в этой игре (Уинтерботем отошел в сторону, продолжая свое соглядатайство в люфтваффе менее непосредственными методами)³³. Но были и другие миры, которые можно было завое-

---

³² В 1936 г. в игре приняла участие еще одна команда – американский военный и военно-воздушный атташе полковник Трумэн Смит возродил «уловку Уинтерботема», убедив полковника Чарльза Линдберга использовать его огромную популярность в Германии, чтобы из первых рук получить информацию о люфтваффе. К тому времени у британцев уже не было иллюзий на этот счет. У них было больше надежной информации о германских ВВС и гораздо менее субъективная оценка их сил и возможностей, чем Линдберг сумел раздобыть после четырех неравнозначных визитов в Третий рейх.

³³ Вспоминая свою деятельность с Розенбергом и де Роппом, Уинтерботем позднее писал: «В результате успешного визита Розенберга в Лондон [поздней осенью 1931 г.] я решил притвориться человеком, выражающим не только исключительный интерес, но даже и энтузиазм в отношении «новой Германии». Проявлять интерес было легко, энтузиазм – гораздо труднее». По-видимому, однако, с задачей он справлялся. Форин Офис, за спиной которого поддерживались контакты, узнал о них примерно в 1937 г. и, как отметил Уинтерботем, «был недоволен как моим визитом, так и сведениями, что я добыл». Он получил выговор от министра иностранных дел, и ему было приказано прекратить заигрывание с нацистами, какими бы мотивами он ни руководствовался.

вывать, компенсируя потерю лакомого кусочка. Он вернулся к своей любимой тайной дипломатии, продолжая плести в Англии политические интриги.

В январе 1935 года, когда борьба в нацистской верхушке достигла накала, де Роппу наконец удалось проникнуть в самые верхи английского общества и поразить своего шефа Розенберга новым триумфом. Он прислал из Лондона строго секретное сообщение о том, что ему удалось заручиться согласием человека, названного им «политическим советником короля Георга V», быть конфиденциальным посредником в делах, связанных с Гитлером и, таким образом, организовать, как позднее выразился Розенберг, «прямой канал связи с Букингемским дворцом».

Этот контакт был настолько деликатным и секретным, что для сообщения подробностей барон не решился довериться почте. В феврале 1935 года он приехал в Берлин, чтобы лично сообщить Розенбергу, что его новый агент – не кто иной, как герцог Кентский, младший сын короля. Он заявил, что у них уже состоялось несколько тайных встреч, одна из которых, по его словам, затянулась далеко за полночь. Розенберг был настолько потрясен услышанным, что тут же помчался в имперскую канцелярию, чтобы доложить Гитлеру о новом достижении.

Учитывая особый характер этой перипетии, я постарался особенно тщательно проверить все обстоятельства, но в результате нашел лишь частичное подтверждение версии барона. Герцог действительно по предварительной договоренности встречался с де Роппом, зная, что тот – немецкий агент. Но состоялась лишь одна встреча – 23 января, причем она длилась действительно до рассвета.

Именно герцог использовал барона в качестве источника информации, а не наоборот. Он действительно заявил де Роппу, что Англия смирилась с решимостью Гитлера вновь вооружить Германию, ну а затем? Каков был подлинный менталитет новых властителей Германии? Являлись ли они неисправимыми агрессорами или их можно было убедить действовать в соответствии с традиционными политическими и дипломатическими канонами? Кто подстрекает Гитлера? Гесс? Геринг? Геббельс?

Что барон де Ропп говорил герцогу во время их ночной беседы и как он характеризовал нацистских бонз, несложно реконструировать, и для этого не требовалось вести записи. Розенберг отметил в своем дневнике: «Р[опп] поделился с герцогом своим многолетним опытом».

Из захваченных секретных архивов неясно, получил ли этот контакт дальнейшее развитие. Герцог был плебеем и больше интересовался астрологией, френологией и другими оккультными предметами, чем нацизмом. Он не имел и не искал доступа в коридоры власти и поэтому не был подходящим партнером для такой игры.

То, что нацисты приняли за симпатии, было лишь отражением чувств его брата, принца Уэльского, а затем короля Эдуарда VIII, действительно нередко восхищавшегося Гитлером и его успехами в деле возрождения Германии в качестве оплота против большевизма. Однако можно быть уверенным, что никакой секретной информации герцог никаким агентам Розенберга или Риббентропа непосредственно не передавал, хотя некоторые из них и ссылались на него как на источник своих сведений. В Берлине и после начала войны продолжали считать герцога Кентского пронацистом. Когда в 1940 году он погиб в авиакатастрофе на пути в Америку, начальник разведывательного бюро германского МИДа Рудольф Ликус подготовил некролог, где высказал предположение, что «несчастный случай» был «организован гнусной британской Интеллидженс сервис с целью избавиться от него прежде, чем он поставит королевскую семью в неловкое положение своими откровенными симпатиями к делу Германии».

Хотя герцог Кентский, возможно, и был одним из экспонатов блестящей коллекции барона де Роппа, у него были и более услужливые и полезные агенты. Как мы увидим ниже, от них исходила масса политической и некоторой военной информации, поступавшая к немецким разведчикам в Берлине и Лондоне в те кризисные дни, когда Гитлер для осуществления своих планов нуждался в подобной информации о намерениях и возможностях своих противников.

Путци Ханфштенгель был, несомненно, прав. Билл де Ропп играл за обе команды и был двойником на самом верху. Он помогал и немцам, и британским секретным службам в лице Фредди Уинтерботема одинаково ревностно и честно. Уинтерботем знал его со времен Первой мировой войны и так отзывался о нем:

«Это был мой близкий друг и хороший товарищ. В некотором отношении он представлял собой тип наиболее интеллигентной части беженцев из России, он любил интриги, и у него было политическое чутье».

Судя по всему, он был идеальной кандидатурой для проникновения в ближайшее окружение Гитлера и стал единственным английским агентом, сумевшим подняться так высоко и проникнуть так глубоко.

Де Ропп был замечательным двойником в том смысле, что служил обоим хозяевам одинаково ревностно и честно. Он был таким же заклятым врагом большевиков, как Розенберг и Уинтерботем, и видел в союзе Германии и Великобритании спасение Европы от большевизма. Вплоть до самого начала войны он старался добиться нейтралитета Великобритании, чтобы сохранить ее «для неизбежной войны с Россией». Он доказал свою полезность обеим сторонам в качестве передатчика информации, полученной на самом высоком уровне, сообщая Гитлеру о развитии событий в Великобритании и англичанам о сумасбродных планах и сокровенных мыслях Гитлера.

Неудачная миссия Гертца в 1935 году наглядно продемонстрировала примитивный образ действий германской военной разведки в попытке раскрытия секретов британской воздушной мощи. В противоположность этому политическая разведка в Англии характеризовалась глубиной и достоверностью, в значительной мере благодаря содействию и помощи немецким эмиссарам со стороны их высокопоставленных друзей.

Их добровольный вклад принес фантастические дивиденды в 1936 году, когда Гитлер, говоря словами Черчилля, завершил «годы рытья подземных ходов, ведения тайных или замаскированных приготовлений... и почувствовал себя достаточно сильным» или счел своих противников достаточно слабыми, чтобы «бросить первый открытый вызов».

Глава 9

МИССИЯ В ФОРТЕ БЕЛЬВЕДЕР

Был месяц Нептуна и Марса март, влажный воздух которого почему-то всегда наполнял Гитлера энергией и оживлением³⁴. Он встречался с Канарисом чаще, чем во все годы пребывания адмирала в должности шефа абвера. В журнале встреч Гитлера отмечено семнадцать приемов адмирала за период с декабря 1935-го по март 1937 года, и все они были частными и за закрытыми дверями.

Внезапное учащение этих бесед было вызвано определенным развитием ситуации в Европе и вызванными этим секретными результатами шумевших событий. Канарис приезжал, чтобы проинформировать фюрера об этом.

1935 год ознаменовался цепочкой исключительных событий. В результате плебисцита 7 марта Саар был возвращен Германии. В результате соглашения с англичанами 18 июня Германия получила право на строительство военно-морского флота величиной в одну треть общего тоннажа британского флота. С давней враждой с Польшей было покончено, после того как Гитлер провел переговоры с маршалом Юзефом Пилсудским и поразил весь мир, подписав договор о дружбе с поляками. Но Гитлер нарушил хрупкий баланс. Он денонсировал статьи о разоружении Версальского договора, что вызвало ряд контрмер. 2 мая 1935 года Франция и Советский Союз подписали договор о взаимопомощи. Через две недели последовало подписание подобного договора между Советским Союзом и Чехословакией.

Реакция Гитлера на эти, по его словам, «провокации» была быстрой и резкой. Не собираясь отступать перед лицом этих контрмер, он ответил самыми агрессивными действиями из всех, когда-либо принятыми его режимом. В тот самый день, когда Франция и СССР парафировали договор о взаимопомощи, он решил ввести войска в Рейнскую демилитаризованную зону и приказал генералу Вернеру фон Бломбергу начать штабную подготовку к вторжению³⁵.

Операция, получившая название «Schulung» («Упражнение»), была срочно разработана группой специально отобранных офицеров, давших подписку о неразглашении, и 16 июня была представлена начальником группы полковником Йодлем на рассмотрение совета обороны рейха. Разработка плана была столь секретной, что Бломберг, переписавший своим почерком оригинальный приказ Гитлера, не открыл истинную цель плана даже начальнику Генштаба генералу Людвигу Беку и главнокомандующему сухопутными войсками генералу Вернеру фон Фричу.

Осуществление операции было отложено, поскольку Гитлер не рискнул идти на столь провокационные действия без достаточно благовидного предлога. Бломберг снова и снова докладывал ему об опасениях его генералов, считавших, что рейхсвер еще слишком слаб и плохо оснащен для авантюры, которую Гитлер, как им казалось, замыслил.

Потребовался ряд событий, подтолкнувших Гитлера к развертыванию операции.

В первом из серии совещаний с Гитлером 26 декабря Канарис доложил фюреру, что французский и британский генеральные штабы провели консультации по координации планов на случай чрезвычайных событий в Рейнской области.

11 февраля 1936 года французское правительство включило еще не ратифицированный договор с Советским Союзом в повестку Национального собрания. В тот же день адмирал Кана-

---

³⁴ В период с 1935-го по 1939 г. он, попирая условия Версальского договора, ввел войска в Рейнскую область, аннексировал Австрию, оккупировал Богемию и Моравию, захватил принадлежавший Литве Мемель (Клайпеду) и денонсировал дружественный договор с Польшей, и все это происходило в марте.

³⁵ Согласно ст. 42–44 Версальского договора запрещалось содержать или строить военные укрепления к западу от Рейна и в 50-километровой полосе на его правом берегу, а также держать там германские воинские части. Этот запрет был подтвержден Пактом Локарно, под которым стоит и подпись Германии.

рис попросил фюрера о немедленной приватной аудиенции и в тот же вечер в 20 часов доложил ему об информации, полученной от своего парижского резидента. Это был текст секретных военных пунктов франко-русского пакта, переданный немцам высокопоставленным чиновником с Кэ-д-Орсэ, ярым противником сближения с СССР.

Основные пункты договора в нескольких словах означали возможность вторжения совместно с чехами в Германию для обуздания экспансионистских устремлений Гитлера.

Едва Канарис покинул рейхсканцелярию, как Гитлер вызвал генерала фон Бломберга и приказал подготовить операцию «Упражнение» на самое ближайшее время. Бломберг вновь прибыл к Гитлеру 27 февраля, в день, когда французское Национальное собрание ратифицировало договор с Советским Союзом, доложил фюреру, что подготовка закончена, и получил приказ приступить к осуществлению операции всего лишь через неделю – 7 марта.

До этого момента операция «Упражнение» была всего лишь тем, что означало ее название, – штабными учениями, предназначенными для обучения боевому планированию для поддержания готовности строевых частей. Бломберг хотел, чтобы так думали даже его ближайшие помощники. Но 2 марта он позвонил генералам Беку и Фричу и сообщил им, что «Упражнение» является боевой операцией, и передал приказ Гитлера быть готовыми к выступлению через пять дней.

Ответом была буря протестов. Фрич заявил, что у него в наличии имеется лишь 35 тысяч солдат и офицеров, из которых можно сформировать лишь одну боеспособную дивизию. Бек утверждал, что французы против наскоро собранных экспедиционных сил Фрича смогут быстро отмотилизовать не менее двадцати отлично оснащенных дивизий и «устроить мясорубку».

«Атмосфера, – как позднее писал Йодль, – напоминала обстановку за столом рулетки, когда игрок ставит на номер».

Бломберг, единственным аргументом которого был категорический приказ Гитлера, вместе с Бекем и Фричем прибыл к фюреру, и генералы доложили о своих сомнениях. Гитлер был неумолим.

– Я лучше знаю, – заявил он. – У меня есть абсолютно надежная информация, что французы не направят против нас ни одного солдата. Но вы убедитесь не только в этом. Весь мир воспримет освобождение нашими войсками Рейнской области от версальского ига как свершившийся факт, и все этим и кончится.

Затем, как бы признаваясь, что некоторые сомнения все же могут быть, он напыщенно заявил ошеломленным военачальникам:

– Что же касается меня, то я ставлю на кон все. Я твердо уверен в успехе. Но если мы проиграем, если французские войска вынудят нас отступить, я восприму все последствия как мое собственное поражение и подам в отставку с постов фюрера и рейхсканцлера.

Генералы молча смирились. Бек, который терпеть не мог Гитлера и настолько ненавидел фашизм, что в конце концов отдал жизнь в борьбе против него, в глубине души надеялся, что эта авантюра провалится и Германия избавится от Гитлера и его приспешников. Но у него не было выбора. Переброска войск началась скрытно и силами одного батальона, чтобы «понести минимальные потери, если французы вдруг начнут контрнаступление». Командиры передовых частей получили опечатанные пакеты с приказом немедленно отходить, если встретят хотя бы передовые патрули франко-британских войск.

Тем временем разведывательные сведения были малоутешительными. Абвер, впервые после назначения Канариса подвергшийся настоящему испытанию, уже закрепился в Рейнской области, как и положено, следуя впереди войск. В Мюнстере для действий против Франции под видом коммерческого предприятия было открыто отделение абвера. Организацией постоянного сбора информации занимался филиал в Трире под руководством майора Ганса Стефана,

лучшего абверовского специалиста по «линии Мажино»; вскоре к нему присоединился капитан Оскар Райль, бывший полицейский инспектор в Данциге, ставший руководителем фронтовой разведки.

Канарис сумел представить Гитлеру копию подлинного французского приказа о мобилизации 13 дивизий на случай чрезвычайной обстановки. Из Трира разведка доносила, что все фортификационные сооружения от Лиона до Меца и Нанси срочно доукомплектовываются личным составом, прибывающим из столь отдаленных мест, как Марсель.

Между тем Forschungsamt, дешифровальная служба люфтваффе, перехватывавшая и читавшая французские дипломатические депеши, представляла тексты телеграмм французского посла в Берлине Андре-Франсуа Понсэ. Этот блестящий дипломат еще с ноября 1935 года настойчиво предупреждал Париж, что Гитлер «намерен использовать» франко-советский пакт «в качестве предлога для оккупации Рейнской демилитаризованной зоны» и что он «лишь выжидает соответствующего момента для действий». В телеграмме от 13 февраля посол сообщал, что Гитлер «готовит почву для броска в Рейнскую область».

Из Лондона поступали полные опасений и предостережений депеши от военного, военно-морского и военно-воздушного атташе. Телеграммы военного атташе были наиболее пессимистичны. Он писал, что его приятель из военного министерства предостерегающе заявил, что Англия обязательно выступит на стороне Франции, если Гитлер осмелится начать передвижения в сторону демилитаризованной зоны.

Что же перед лицом всех этих тревожных докладов придавало Гитлеру такую уверенность в том, что ему нечего опасаться французов? Что за «абсолютно надежная информация», упомянутая им в разговоре с генералами, делала его столь убежденным в успехе?

В тот же период фюрер получал разведывательные данные из Парижа и Лондона и предпочел более полагаться на них, чем на пораженческие послания лондонских атташе военному министру.

В потоке информации адмирал Канарис выудил одно, которое особенно заинтересовало Гитлера. По данным агента абвера, высокопоставленного чиновника МИДа, «непременной составляющей французских военных планов является обязательное участие англичан». Агент сообщал, что «командующий французскими сухопутными войсками генерал Гамелен заявил [министру иностранных дел Пьеру] Фландену, что он не может (или не хочет) посылать войска в Рейнскую область, если не присоединятся англичане».

В то же время министр иностранных дел Германии барон фон Нейрат заверял Гитлера, что англичане не намерены оказывать французам поддержку, на которой настаивал Гамелен. Это безапелляционное утверждение весьма осторожного дипломата основывалось на многочисленных телеграммах германского посла Леопольда Густава Александра фон Хеша, занимавшего этот пост с 1932 года. «Запад не выступит» – был основной лейтмотив сообщений фон Хеша, прозвучавший в одном из докладов фюреру. Леопольд фон Хеш, пятидесятипятилетний холостяк с безупречной репутацией, недавно отметивший тридцатилетие блестящей дипломатической карьеры, играл неоднозначную роль в разворачивающемся кризисе, испытывая внутренний конфликт, типичный для многих германских дипломатов тех лет. Лучшие свои годы он провел в Лондоне и Париже и проникся не только внешней формой, но и сутью западной демократии. Испытывая неприязнь к варварскому режиму Гитлера, он тем не менее честно и добросовестно вплоть до самого печального конца служил ему.

У посла были превосходные источники информации о тенденциях и планах британской внешней политики. Пользуясь исключительной популярностью в высшем английском обществе, он был радушно принимаем в Форин Офис, и ему полностью доверяли постоянный заместитель министра сэр Роберт Ванситтарт и восходящая звезда министерства, начальник центральноевропейского департамента Ральф Уигрем.

Он был в близких отношениях не только со все растущими прогерманскими кругами фешенебельных кварталов Мэйфер и Бельгравиа, но и с такими явно антинацистски настроенными деятелями, как Уинстон Черчилль, сэр Арчибалд Синклер, граф Солсбери и даже Эрнест Бевин. Особенно тесные связи он поддерживал с королевской семьей. Королева Мария называла его «мой любимый иностранец» и часто приглашала на завтраки в Аскот – знак внимания, которого удостоивались лишь немногие избранные.

Самое близкое знакомство у него сложилось с принцем Уэльским, которого он запросто называл Дэвид, а тот его – Лео. К тому времени приятельские отношения двух холостяков особенно укрепились. Это был период сложной и деликатной ситуации из-за связи принца с разведенной американкой миссис Симпсон, вызывавшей недовольство как его семьи, так и оппозиции правительству Болдуина. В тяжелых обстоятельствах принц нашел сочувствие у посла фон Хеша, ставшего его наперсником и «самым лучшим из моих друзей», как он однажды охарактеризовал германского дипломата.

Для фон Хеша принц был не только личным другом и партнером по игре в теннис и гольф. Он был его надежным источником информации и гарантией, что посла не уберут с его поста, несмотря на открыто выраженные либеральные убеждения. Определенные слухи о его отрицательном отношении к нацизму доходили до Берлина, и в МИДе всерьез подумывали о замене верхушки лондонского представительства. Но позиции посла оставались прочными не в последнюю очередь из-за его близкой дружбы с принцем Уэльским и стали несокрушимыми, когда волею судеб его друг стал королем Великобритании, как раз во время Рейнского кризиса.

Именно тогда, 20 января 1936 года, после смерти короля Георга V принц унаследовал трон с именем Эдуард VIII. На следующий день посол фон Хеш отправил длинную телеграмму заместителю министра иностранных дел фон Бюлову, где обрисовал значение перемен со всем красноречием, отражавшим глубину его чувств.

«Георг V, – писал он, – останется жить в памяти британского народа в первую очередь как монарх, стоявший во главе империи в годы мировой войны, а также как мудрый и великодушный правитель, пользующийся любовью своего народа.

Король Эдуард VIII, – продолжал посол, – в некоторых отношениях подобен своему отцу, но во многих других отличается от него». Вероятно, главным было его иное отношение к Третьему рейху. В то время как покойный король был «определенно критически настроен в отношении Германии... король Эдуард питает теплые чувства к Германии. Я убедился во время частых и длительных бесед с ним, что его симпатия имеет глубокие корни и достаточно сильна, чтобы противостоять часто выражаемым враждебным намерениям».

Еще 15 января, «за день до того, как [принц] был вызван к умирающему отцу, – сообщал посол, – было очередное свидетельство его теплых чувств». Принц сказал послу о своем «твердом намерении» приехать летом [в Берлин] на Олимпийские игры. Он просил фон Хеша проследить, чтобы делегация немецких ветеранов, которая ожидалась в Лондоне 19-го, смогла бы выделить в своем напряженном расписании хотя бы пару часов для аудиенции у принца, чтобы он смог «побеседовать с каждым из делегатов».

«Во всяком случае, – заканчивал телеграмму посол, – мы можем твердо рассчитывать, что британский трон займет правитель, вполне понимающий Германию и стремящийся установить хорошие отношения между Германией и Великобританией».

Отношение нового английского короля к фашистской Германии было еще более благожелательным, чем Хеш посмел сообщить в своем дипломатическом послании. Человек, ставший герцогом Уиндзорским, был если не явным поклонником Гитлера, то ярким пронацистом, убежденным, что гитлеровская Германия является главным оплотом мира в Европе, который он страстно хотел сохранить. Но из секретных германских документов следует, что в частных

беседах с влиятельными немецкими политиками он демонстрировал свое понимание и сочувствие к их более умеренным устремлениям.

Например, 11 апреля 1935 года, как докладывал посол фон Хеш, в одной из бесед с ним принц зашел так далеко, что не оставил ни малейших сомнений в своих симпатиях к рейху. Он резко критиковал Форин Офис за «недостаточное понимание позиции и устремлений Германии» и заверил посла, что, в отличие от Даунинг-стрит, полностью одобряет введение воинской повинности, провозглашенной Гитлером за несколько недель до этого. Взгляды принца, по мнению посла, «слово в слово соответствуют» убеждениям фюрера, и в заключение беседы он заверил фон Хеша, что не только согласен с «возрождением Германии», но и будет «способствовать» этому. Близкий родственник английской королевской семьи принц Кобургский, прозванный «нацистским герцогом» за свою близость к Гитлеру, сообщал, что Эдуард открыто выражал свои симпатии к Третьему рейху в ходе трех бесед с ним. Эти встречи состоялись в январе 1936 года через день после похорон его отца, и в промежутках между выполнением своих официальных обязанностей он смог изложить свои взгляды герцогу, выполнявшему секретное поручение Гитлера выяснить позицию нового короля. То, что герцог сообщил об убеждениях Эдуарда VIII, было прикосновением к тайному заговору Тюдоров³⁶.

Когда герцог поднял вопрос о желательности встречи между Гитлером и премьер-министром Болдуином в целях развития англо-германских отношений, Эдуард VIII воскликнул: «Я сам хочу поговорить с господином Гитлером и готов сделать это здесь или в Германии. Пожалуйста, передайте это ему».

По словам «нацистского герцога», король понимал, что в рамках британской политической системы это будет нелегко осуществить, и просил герцога держать в секрете их беседу, поскольку его «решение содействовать сближению Германии и Англии встретит множество препятствий, если общественность слишком рано узнает об этом».

В полдень 7 марта, когда Гитлер заявлял рейхстагу, что «у нас нет территориальных претензий в Европе», 35-тысячные экспедиционные силы рейхсвера вошли в «их будущие мирные казармы в западных провинциях рейха». Это была суббота, день накануне одного из многих уик-эндов, которые Гитлер испортил своими внезапными атаками.

Для французов это был «страшный шок». Но, как и говорил Канарис Гитлеру, французское командование ни на дюйм не двинуло свои войска в сторону Рейнской области без одобрения со стороны Лондона. В понедельник Иден прибыл в Париж, но лишь для консультаций со своими французскими партнерами перед выступлением в Лиге Наций, вместо принятия решительных действий.

Еще через два дня, 11 марта Фланден прибыл в Лондон на чрезвычайное заседание в Сент-Джеймском дворце³⁷. Критические замечания мистера Черчилля, изложенные в «Надвигающемся шторме», не полностью отражали эти суматошные и решительные дни.

Пока выдвигались войска, в Берлине тоже была суматоха. Все антенны МИДа и абвера были нацелены на поиск любой зарубежной реакции. Как атташе, так и агенты Канариса сидели на телефонах и телеграфе, чтобы вовремя дать нужную информацию. На Вильгельмштрассе

---

³⁶ Его высочество Карл-Эдуард, сорокапятилетний герцог Сакс-Кобургготский, был своего рода агентом-двойником. Он был настолько близок к королевской семье, что часто останавливался в Кенсингтонском дворце (где жила его сестра) во время приездов в Англию. Этот бывший генерал прусской пехоты и саксонской кавалерии был страстным поклонником Гитлера, сделавшего его одним из старших офицеров отрядов коричневорубашечников-штурмовиков и президентом германского Красного Креста. Он прибыл в Лондон в 1936 г., когда король Георг V был еще жив, и планировал нанести ему визит, поскольку, как он сообщал Гитлеру, его кузен желал бы обсудить с тем «определенные события в Германии». Но до того, как он успел это сделать, король умер. Герцог немедленно прибыл к Эдуарду VIII и был единственным его сопровождающим, когда король впервые прибыл в Букингемский дворец, чтобы принять бразды правления.

³⁷ Лига Наций в Лондоне не заседала. (Примеч. науч. ред.)

Гитлер в компании с Бломбергом и фон Нейратом с замиранием сердца ждал откликов на его акцию.

Новости из Парижа были серьезными, но не безнадежными. Оба атташе из Лондона и Парижа сообщали, что ответная реакция есть дело дней, но не часов. На ситуацию нал ожил ся и кризис в британском правительстве, вызванный расколом между политическими и военными руководителями страны.

В Англии руководство военного министерства и Адмиралтейства требовало немедленных действий, тогда как политики под руководством Болдуина, по-видимому, панически боялись войны. Позиция британских генералов и адмиралов была очевидна для германских атташе капитана Васснера и полковника Гайера, курсировавших между посольством и Уайтхоллом, отчаянно пытаясь смягчить обстановку.

В понедельник утром капитан Васснер прибыл в Адмиралтейство в надежде встретиться с адмиралом Уильямом Джеймсом, заместителем начальника штаба ВМФ, и выяснить, не планирует ли флотское руководство объявить мобилизацию. Ему ответили, что сэр Уильям слишком занят и не может его принять. Его направили к контр-адмиралу Дж. Трупу, начальнику военно-морской разведки, которого он нашел мрачным и озабоченным. Результатом его переговоров стала телеграмма в штаб германского ВМФ, отражающая его мнение, что экспедиционные силы Великобритании готовы принять участие в совместных действиях с французами в Рейнской области.

В то время, пока Васснер зондировал обстановку в Адмиралтействе, барон Гайер выслушивал в министерстве обороны жалобы генерала Паунелла, начальника разведки министерства, на то, что он «ввел в заблуждение британское правительство в отношении германских намерений и перевооружения». К его удивлению, его впустили в святая святых – в отдел изучения Германии, куда его никогда не впускали. Там он выслушал еще более резкие слова и был допущен к обозрению сверхсекретных карт отдела, отражавших расположение британских и французских войск, готовых к немедленному вторжению в Рейнскую область.

В действительности англичане не планировали вторжения и даже удерживали французов от выдвижения войск. Необычные действия военных были единственным, что могло предпринять военное министерство в свете решений Даунинг-стрит о невмешательстве. Паунелл и его коллеги надеялись, что увиденное полковником сможет повлиять на действия немцев.

Сейчас мы знаем, что полковник Гайер был действительно потрясен увиденным и немедленно сообщил о своих опасениях в Берлин. Он вернулся в посольство и сразу же отбил телеграмму: «Ситуация критическая. Вероятность войны или мира пятьдесят на пятьдесят»³⁸.

В Берлине у всех нервы были на пределе. В операции *Winteruebung* (так теперь называлась бывшая операция «Упражнение») было что-то нереальное. В свете телеграмм Васснера и Гайера казалось, что вся операция «Зима-Упражнение») висит на волоске.

Генералы хмуро сидели в картографическом зале военного министерства, готовые, если понадобится, в любой момент дать приказ об отступлении войскам в Рейнской области. Генерал фон Бломберг был так же подавлен и удручен, как и остальные. Получив в понедельник сразу после полудня телеграмму Гайера о пятидесяти процентах шансов на успех, он тут же ринулся в рейхсканцелярию к Гитлеру и потребовал немедленной эвакуации Ахена, Трира и Саарбрюккена.

Гитлер сделал своему военному министру выговор за паникерство, но это в значительной мере было позой. Как он позже признался одному из своих помощников в разработке плана

---

³⁸ Когда все окончилось, бедняга Гайер был избран на роль козла отпущения за весь кризис. Гитлер приказал отозвать его с поста атташе и уволить из армии. Но «резиновый лев», как называли военного министра, посмел ослушаться фюрера. Он отозвал Гайера из Лондона, но оставил в войсках, где тот сумел дослужиться до генерала, командовавшего танковой армией во время высадки союзников в Нормандии. Капитана Васснера также сняли с поста военно-морского атташе.

операции полковнику Бернарду фон Лоссбергу, он вовсе не был столь спокоен, как могло показаться.

«Это было моим самым рискованным внешнеполитическим решением. В ту суматошную неделю марта 1936 года я не раз думал, что больше не пойду на подобное испытание, как минимум, в течение десяти лет».

В среду утром, вернувшись из очередного вояжа на Уайтхолл, полковник Гайер и капитан Васснер явились к послу фон Хешу с докладом о своей оценке ситуации. Они убеждали его официально сообщить Берлину, что если рейхсвер немедленно не отведет свои части, то война станет неизбежной. Присутствовавший при этом столкновении корреспондент официального германского агентства новостей Фриц Гессе, исполнявший также обязанности пресс-атташе, отметил в своем дневнике: «Мы были уверены... что опасность войны очень близка и что Франция в конце концов сумеет убедить Великобританию принять участие в военной акции на ее стороне».

Сообщения, потоком поступающие в посольство и агентство Гессе из Рейтер³⁹ от английских и французских информаторов, свидетельствовали о быстром ухудшении ситуации. Хеш не решался послать категорическое предупреждение, на котором настаивали Гайер и Васснер. Вместо этого он позвонил фон Нейрату и, когда ему не удалось связаться с министром иностранных дел, побеседовал с его заместителем Бернгардом фон Бюловом, выясняя обстановку и настроения в Берлине. Бюлов ответил, что и то и другое мрачное. Тогда Хеш решил зайти с козырной карты, заявив, согласно Гессе: «Я пойду к королю и попрошу его вмешаться прежде, чем все погибнет».

Гессе отметил, что посол собирался апеллировать не к прогерманским симпатиям короля, а к его приверженности миру. Еще 21 января фон Хеш писал о политической философии нового короля следующее:

«В иностранных делах Эдуард VIII разделяет убеждения своего отца о необходимости сохранения мира между народами. Король Эдуард не пацифист, напротив, он желает, чтобы Великобритания была сильной, вооруженной и способной, если потребуется, отстаивать свои честь и достоинство. Однако он глубоко убежден, что в современную эпоху война не может больше быть средством решения международных споров. Более того, он считает, что новая европейская война станет причиной краха Европы, ее порабощения большевиками и гибели цивилизации. Будучи твердо приверженным британским парламентским традициям, Эдуард VIII тем не менее выказывает далеко идущее понимание путей следования других государств, особенно Германии».

Именно на особое «понимание» короля и рассчитывал посол, в глубокой тайне собираясь в форт Бельведер, где король проживал полуинкогнито, сохраняя приватность своих отношений с миссис Симпсон. Хеш готовился к встрече очень тщательно, консультируясь с сотрудниками.

– Я надеюсь убедить его величество, – говорил он советнику посольства князю Отто фон Бисмарку, – что война станет как европейской, так и национальной катастрофой. Я готов признать, что формально Гитлер не прав. Но я думаю, что сумею представить эту акцию в качестве по меньшей мере понимаемой.

Вечером в понедельник 9 марта, когда министр иностранных дел Франции Фланден, прибыл в Лондон для решающих переговоров в отношении кризиса, Хеш отправился в форт Бельведер. Для конспирации он даже отбыл на частном автомобиле. Он вернулся в посольство вскоре после девяти вечера и вызвал к себе Бисмарка и Гессе, чтобы сообщить о результатах аудиенции у короля.

---

³⁹ Вероятно, следует читать: «...из агентства Рейтер...»

– Моими главными доводами, – рассказывал он, – были два. Первым стали военные статьи франко-советского договора, которые противоречили как духу, так и букве пакта Локарно. Вторым же было то, что постоянная односторонняя демилитаризация левого побережья Рейна для Германии является невыносимым унижением. Я заявил его величеству, что ввод войск на левый берег касается только собственной германской территории, и заверил, что фюрер готов к замене пакта Локарно новым международным договором.

Он сообщил Бисмарку и Гессе, что его аргументы не могли не произвести «самого благоприятного впечатления на человека доброй воли, каким несомненно был король», и что ему удалось убедить Эдуарда VIII «выступить за мир» перед Болдуином.

Трое немцев в волнении ожидали в кабинете посла королевского слова. Бисмарк устал от долгого ожидания, но Гессе оставался рядом с послом, когда раздался телефонный звонок.

– Король! – сказал Хеш и указал Гессе на отводную трубку, чтобы тот мог слышать беседу.

– Алло, – послышался знакомый голос. – Это ты, Лео? Узнаешь, кто говорит?

– Да, сэр! – ответил Хеш.

Гессе записал, что король произнес следующие судьбоносные слова: «Слушай внимательно. Я только что виделся с премьер-министром. Войны не будет!»

Гессе отметил, что, положив трубку, Хеш подпрыгнул и затанцевал по комнате.

– Я победил! – восклицал он. – Я обошел их всех! Гессе, мы совершили невозможное! Войны не будет! Надо немедленно сообщить в Берлин.

Гитлер впоследствии отдал должное Эдуарду VIII за сохранение мира в 1936 году (и за спасение его шеи), приписав решение о том, что демилитаризованная зона не стоит того, чтобы из-за нее воевать, вмешательству короля в решающий момент. Военный историк Вальтер Гёрлиц позднее назвал это «совершенно неверным толкованием». На следующее утро Болдуин принял Фландена на Даунинг-стрит, 10 и заявил:

– Вы можете быть правы, но если есть хоть один шанс из ста, что в результате вашей полицейской операции начнется война, я не вправе вмешивать в нее Англию, – и после паузы добавил: – Англия не готова к войне.

Кризис миновал. Гитлер не только остался в Рейнской области, но и упрочил свое положение и власть.

Ральф Уингрем из МИДа Великобритании, провожая уезжающую ни с чем французскую делегацию, пробормотал:

– Теперь война неизбежна, и она будет самой ужасной из всех войн.

Волнения этих мартовских дней дорого стоили Леопольду фон Хешу. 16 апреля, через месяц после своего самого славного из всей блестящей карьеры дипломатического триумфа, он скончался в результате инфаркта.

Глава 10 «ДЯДЯ РИХАРД» ПРОТИВ «ДЯДИ КЛОДА»

Провал Гертца в ноябре 1935 года в абвере расценили как неудачу мужественного человека, оказавшегося жертвой риска, неизбежного в профессии разведчика. Гертц и сам помогал созданию легенд, окружающих его имя. Находясь в Брикстонской тюрьме, он сумел тайком передать письмо своему другу в Германию, в котором писал о своем мягком приговоре: «Я совершил гораздо больше, и [англичане] знали обо мне много больше того, в чем сочли нужным меня обвинить».

Адмирал Канарис рассматривал неудачу Гертца как удар по себе и предпринял все меры, чтобы облегчить его судьбу. Через семью провалившегося шпиона он перевел из кассы абвера деньги на оплату адвоката, а также назначил ежемесячное пособие на весь срок заключения Гертца не только его жене, но и любовнице.

Канарис не винил Гертца в неудаче, но и не считал его провал заслугой англичан. Он почему-то был уверен, что агента выдал кто-то из сотрудников абвера, и полагал, что следует принять решительные меры к укреплению внутренней безопасности в организации.

Он вызвал «дядю Рихарда».

Капитан 1-го ранга Андреас Рихард Протце был специалистом по улаживанию конфликтов в *Marinenachrichtendienst* – прежнем разведывательном управлении флота, а затем продолжил карьеру контрразведчика в абвере. Лиса среди лис, не гнушающийся ничем циник, он был старым профессионалом, считавшим человека виновным, даже когда его невиновность доказана. Но он мог быть приветливым и обаятельным. Его манера заключалась в том, чтобы делать и говорить неприятные вещи самым приятным способом. Он мог действовать с блеском, но только в делах, изначально не требующих разборчивости. Полностью поглощенный секретной работой, он был, пожалуй, единственным сотрудником абвера, для которого не было ничего святого. Одиночка по натуре, Протце был не способен разделять ответственность или поручать работу. Все годы работы в абвере он был одиночкой – самоотверженным, убежденным, скромным, но в то же время эксцентричным, не признающим авторитетов и в чем-то даже нечестным. Бывают люди, не ждущие похвалы за хорошо сделанную работу, а он, по его собственным словам, был не из тех, кого следует винить за ошибки. Этот принцип позволил ему пережить серию кризисов таким образом, что все его ошибки были забыты, а все достижения помнились.

Канарис и Протце были связаны старыми узами и новыми успехами. Еще со своих первых акций в двадцатых годах, когда он был неперменным участником каждого реакционного заговора, Канарис считал Протце своим ментором и помощником. В абвере поговаривали, что Протце был причастен к самой темной тайне Канариса – к убийству итальянского священника – и что он знал об этом загадочном человеке больше, чем кто-либо другой. Как бы то ни было, у Канариса были веские причины поддерживать эту дружбу.

Ко времени провала Гертца Протце поднялся достаточно высоко. В середине двадцатых в Берлине появился и стал любимцем высшего света некий эlegantный, судя по всему, богатый молодой отставной капитан польской армии Юрий де Сосновски-Налец. Он был шпионом, услуги которого оплачивали как польская, так и французская разведки. Путем изошренных интриг, соблазнив двух секретарш оперативного отдела военного министерства, де Сосновски стал обладателем наиболее важных военных тайн, включая ключевые моменты планов мобилизации и развертывания армии.

В конце 1933 года по наводке графини Бохольц, светской дамы, наблюдавшей за похождениями Сосновски с завистью женщины, которую он ни разу не пытался затащить в свою постель, капитан Протце, разработав хитроумный план, вышел на поляка. Его секретарша Гелена Скродзки (ближайшая помощница и вдобавок любовница) вошла в доверие к важной

участнице шпионской сети, венгерской танцовщице, которую бросил польский капитан. С ее помощью тетя Лена, как называли в абвере фрейлейн Скродзки, шаг за шагом выявляла детали операции, пока к 1934 году деятельность Сосновски не была полностью разоблачена⁴⁰.

Хотя все лавры достались гестапо, Канарис знал, что основную работу сделали оперативники абвера. Протце в своем расследовании узнал гораздо больше, чем сообщил гестаповцам. Помимо любвеобильных дамочек из военного министерства, среди источников Сосновски, как выяснил Канарис, был также один из руководителей абвера⁴¹.

Выявление офицера абвера в группе польско-французского резидента дало Протце идею создания небольшой собственной секретной службы внутри абвера для слежки за его собственными сотрудниками. Ее назвали Hauskapelle («Домашняя капелла») в память о частных оркестрах, которые германские принцы в XVIII веке держали в своих дворцах. Капитан Патциг в свое время отверг идею создания такой службы. Но когда Канарису рассказали о Hauskapelle, он нашел эту мысль блестящей и немедленно одобрил. Активизация иностранного шпионажа в Германии очень его тревожила, и он опасался, что это может привлечь в абвер нацистов.

Поскольку у абвера не было своих правоохранительных служб, он вынужден был обращаться к гестапо всякий раз, когда требовалось арестовать подозреваемого. Канарис боялся, что, если он проявит неспособность бороться с деятельностью иностранных разведок в Германии, Гиммлер воспользуется этим предложением, чтобы установить контроль за контрразведывательным отделом абвера, что станет первым шагом в подчинении себе и всей организации.

Канарис был убежден, что только его старый друг способен решить эту проблему. Протце согласился, но заявил шефу, что Hauskapelle сможет раскрыть любого шпиона, пробравшегося в абвер. Но чтобы наверняка предотвратить их проникновение, следует внедрять своих людей в секретные службы противника, решая проблему у ее источника.

В каждой секретной службе есть подразделение собственной безопасности⁴². Но, не имея тогда такой службы, Протце был вынужден праздно выжидать, пока шпионы не проникнут в Германию или даже в абвер, и только после этого пытаться выходить на них.

Теперь, наконец, было создано особое, сверхсекретное подразделение, упоминаемое лишь как СО, и только немногие посвященные знали, что означает эта аббревиатура. Служба называлась Geheim-Verbindungen («Секретные отношения»), но нигде не раскрывался род этих «отношений».

Протце был назначен начальником подразделения в третьем отделе абвера, названного секцией ШФ. Его функции определялись специальной инструкцией:

1. Набирать штаты для специальной деятельности за рубежом, для слежки за подозреваемыми в шпионаже, резидентами и агентами секретных служб противника.
2. Изыскивать пути и средства для проникновения в разведки противников, собирать информацию об их методах, планах и намерениях.
3. Развивать секретные связи с теми, через кого можно поставлять дезинформацию в разведслужбы противника.

Внедрение в разведку противника всегда являлось наиболее трудной задачей шпионажа, но «дядя Рихард» обладал всеми необходимыми качествами для этого. Протце быстро и эффективно организовал новую секцию ШФ и наладил ее работу. Он поручил одному из своих доверенных помощников капитану Адольфу фон Фельдманну, архитектору по образованию,

---

⁴⁰ Среди документов, добытых Сосновски, были планы русско-германского сотрудничества на случай нападения Польши.

⁴¹ Участие одного из руководителей абвера в шпионской сети Сосновски было раскрыто лишь через несколько лет. Когда в 1939 г. немцы захватили картотеки польской секретной службы и добыли достоверное подтверждение его вины, дело быстро закрыли, вынудив изменника покончить жизнь самоубийством.

⁴² Протце настойчиво требовал разрешения создать в абвере отдел Gegenespionage (контрразведка), но в его интерпретации это звучало как «противодействие шпионажу других внутри Германии».

опытному контрразведчику, самую трудную задачу – организовать проникновение в британскую секретную службу.

К 1934 году, после многих лет застоя, вызванного неприятными случаями в стране и сложными ситуациями во внешней разведке, британская Секрет интеллидженс сервис (СИС) переживала своего рода возрождение. По иронии судьбы начало этому выздоровлению почтенного учреждения положила острая междоусобица, грозившая прикончить единственный орган правительства его величества, «правомочный собирать секретную информацию в зарубежных странах нелегальными методами».

Английской разведкой тогда руководил неравносторонний триумвират, состоявший из начальника СИС адмирала Хью Синклера и двух полковников, Валентина Вивьена, бывшего старшего офицера индийской полиции, и Клода Дэнси из территориальных частей, избравшего после Первой мировой войны стезю разведчика. Адмирал Синклер безмятежно правил, почти не управляя и поручив повседневные дела и проблемы Вивьену и Дэнси, хотя и знал, что его заместители терпеть не могут друг друга и вместо дел заняты склоками, почти парализовавшими службу.

Было очень трудно иметь дело с Дэнси. Даже сегодня, через много лет после его смерти, о нем вспоминают с неприязнью. Грубый, самоуверенный, похожий на медведя, Дэнси был нетерпимым и чрезвычайно нудным и ко всему относился прагматично и потребительски. Он предпочитал, как отметил Ким Филби, «брызгать ядом на дальние дистанции, что вызывает максимум безадресного негодования».

На близкой же дистанции полковник Вивьен, сухощавый, элегантный, чувствительный и легкоранимый человек, был любимой мишенью Дэнси. Их отношения стали настолько невыносимыми, что Синклер вынужден был отказаться от своей нейтральной роли и вмешаться. Ему пришлось выступить против Дэнси и позволить ему приходить в контору лишь за почтой. Стареющий Дэнси понимал, что его хотят выжить, и стал настойчиво добиваться постоянного места в СИС, даже и не в центральном аппарате. В конце концов он вынудил адмирала Синклера назначить его в Италию для противодействия германскому внедрению из европейских баз.

Жизнь в Риме была приятной и комфортабельной, но Италия была не той страной, что ему требовалась. Он перебрался в Швейцарию и через год создал организацию с несколько театральным названием «Зет».

Действиями Дэнси английская агентура в Европе раскололась на две части. Первая из них, руководимая Вивьеном, не изменилась. Она состояла из «станций», или резидентур, замаскированных под консульские отделы британских посольств в европейских странах, возглавляемых кадровыми разведчиками в ранге консулов, пользовавшихся дипломатическим иммунитетом.

Резидентуры «Зет» действовали независимо, располагая собственными агентурой и связниками, кодами и каналами связи с центром. Дэнси законспирировался настолько, что даже не все консулы знали о существовании организации, действующей параллельно с СИС.

К 1935 году новая Германия была окружена двумя британскими резидентурами, направляемыми через Вену, Брюссель, Гаагу и Копенгаген. По данным абвера около десяти процентов иностранных агентов, задержанных в Германии в тот год, принадлежали к этой новой таинственной организации, об истоках и сущности которой даже капитан Протце ничего не знал.

К третьему году существования «Зет» особую важность приобрели две его резидентуры, и первая из них, копенгагенская, руководила двумя крупными сетями в Германии, одна из которых специализировалась на сборе данных, а другая – на подрывной работе. Копенгагенской резидентурой Дэнси ведал Пейтон Сигизмунд Бест, отставной капитан британской армии, посвятивший свою жизнь разведке. Он вместе с двумя голландскими партнерами основал экспортно-импортную фирму, женился на дочери отставного адмирала Марии Маргарет ван Рейс

и процветал. Он был вхож в лучшие дома Голландии, держал открытый дом, который славился гостеприимством, культурной обстановкой и великолепными музыкальными концертами.

Он был типичным персонажем Севильроу – с моноклем и гетрами, котелком и зонтиком. Он умело укрывал своих агентов из группы «Зет», и его ячейка была самой крупной, эффективной и активной из всех агентурных подразделений Дэнси. Бест руководил несколькими агентурными группами, которые не знали о существовании других групп, а их членам запрещалось поддерживать знакомство и даже общаться друг с другом⁴³. Дом капитана Беста на Ньив-Эйтвег, 19 (рядом с особняком, который занимала Мата Хари в свою бытность немецкой шпионкой в годы Первой мировой войны) официально числился конторой «Континентал трейдинг компани». В действительности он был шпионским центром, хотя и не единственным в Гааге.

Второй центр находился на Ньив-Парклаан, 57, тихой улочке в жилом районе вдоль одного из каналов, в доме, где у главного подъезда поблескивала медная табличка «Консульский отдел его величества». Здесь располагалась параллельная резидентура полковника Вивьена под руководством капитана Хью Реджинальда Дальтона, кадрового разведчика с времен Первой мировой войны, как и Бест. Он сумел собственными силами и средствами создать свою мини-секретную службу из одиннадцати человек.

Его основным помощником была весьма темная личность с кличками Джон, Аугустус де Фремери и капитан Ян Хендрикс. У резидентуры была и радиостанция с двумя радистами – Инманом и Уэлшем⁴⁴.

Дальтон сумел собрать великолепную команду разведчиков, в первую очередь с помощью двух лучших из них, в разное время известных под различными именами. Первый, известный как Зварт, Эммеринг, Дальмейер и Фринтен, на самом деле носил имя Адрианус Йоханнес Йозефус Фринтен и был отставным голландским следователем сорока двух лет, он прежде работал в министерстве юстиции и сохранил там неплохие связи. Он был завербован англичанами еще в 1919 году и ведал так называемым информационным бюро, сочетавшим в себе частное детективное агентство и бюро проверки кредитоспособности, но это было лишь крышей для деятельности Дальтона в качестве вербовщика агентуры и связника с голландскими полицейскими властями. Вторым был тридцатилетний Джон Уильям (Джек) Хупер, натурализованный британский подданный, голландец по рождению. Он пользовался полным доверием Дальтона и отвечал за хранение добытых материалов и ведение картотек.

Благодаря Фринтену и Хуперу резидентура включала в себя значительное число лучших британских агентов. В списках Фринтена числилось 52 основных агента и огромное число мелких шпионов, действовавших в Германии под руководством старших агентов⁴⁵.

Дальтон установил настолько хорошие отношения с голландской разведывательной службой, что последний из ее руководителей полковник Биллем Орскоот числился в картотеках группы как «агент номер 945». Его сотрудники работали на двух хозяев – на своего начальника и на майора Дальтона.

---

⁴³ Одна из них называлась «Брейнен», по псевдониму ее организатора и руководителя, чье подлинное имя осталось неизвестным. Вторая называлась «Паффхаузен», а третья – «Биллем II» в честь Герхарда Губерта Виллемса, двадцатисемилетнего немецкого социалиста и заядлого мотоциклиста. Еще одна группа состояла из представителей германской аристократии, таких, как граф Феликс фон Шпигель-Зизенберг и барон фон Герлах. Ею руководил агент в германском дипломатическом представительстве в Гааге, непримиримый антинацист Вольфганг Ганс Эдлер цу Путлиц.

⁴⁴ Военная разведка находилась в ведении капитана Лайонела Лоу, бывшего также и связным с разведкой голландских сухопутных сил. Авиационной разведкой занимался капитан ВВС Дж. Б. Ньюхаус. В группу входили также Кристофер Роудз, три голландца – Густав Стеетман, бывший судовой радист, тридцатипятилетний Карл Бревер и человек по фамилии Постхума, занимавшийся паспортами и визами, а также капитан Родни Деннис, отвечавший за безопасность группы и связь с СИС.

⁴⁵ Например, Тео Хесперс, двадцатисемилетний уроженец Мюнхен-Гладбаха, руководитель антинацистской католической организации.

Хотя гагская резидентура и была британской разведывательной организацией, в первую очередь она являлась частью германского антинацистского подполья, в качестве которой и запомнилась.

Глава 11

БИТВА ТРОЯНСКИХ КОНЕЙ

В 1936 году английскую колонию в Голландии потрясло известие о том, что 4 сентября майор Дальтон был найден застреленным у себя дома. Те, кто знал о действительном роде его занятий, заподозрили убийство, однако следственная комиссия СИС вскоре установила, что майор покончил с собой из-за значительной растраты доверенных ему средств, выделенных на оплату агентов.

Ранее в этом же году Великобритания внезапно приняла решение ограничить эмиграцию фанатичных евреев в Палестину, а сионисты ответили на запрет организацией «подпольной железной дороги», по которой молодые здоровые евреи переправлялись в Святую землю из Германии и Польши через Венгрию, Румынию и Турцию. СИС была поставлена задача борьбы с нелегальной иммиграцией, и в секретной службе за счет средств Форин Офис был организован Палестинский фонд для финансирования этих операций.

Дальтону были выделены из этого фонда 60 тысяч фунтов – необычно большая сумма по сравнению с бюджетом гаагской резидентуры. Получая жалование в 12 тысяч гульденов в год с оплатой расходов, Дальтон так погрузился в палестинские проблемы, что завел дорогостоящую любовную интрижку и растратил 2 тысячи фунтов из средств фонда. Когда недостачу обнаружила ревизия, Дальтон, не сумев погасить долг, покончил с собой⁴⁶.

Сикрет интеллидженс сервис оказалась в неловкой ситуации. Требовалось срочно найти замену преданному, энергичному и опытному руководителю одной из самых перспективных и эффективных шпионских ячеек. Новым главой отдела паспортного контроля стал майор М.Р. Чидсон, кадровый разведчик, единственным подтверждением пригодности которого к работе было то, что он был женат на голландке и знал язык. Полковник Вивьен быстро выявил, что Чидсон «совершенно не пригоден к разведывательной работе» и способен быстро развалить всю организацию. «Он хотел всегда ста процентов, – говорил о нем полковник Вивьен, – хотя в нашем деле и сорок процентов – отличный результат».

Майор Чидсон проработал лишь несколько месяцев, и в начале 1937 года его сменил третий за год руководитель этого маленького отдела – майор Ричард Генри Стивене, как и полковник Вивьен, бывший офицер индийской полиции. Стивене не был новичком в секретной службе, свободно говорил по-немецки, по-русски и по-французски, но не имел опыта работы в Западной Европе. Когда Вивьен поручил ему «специальное задание» в Гааге, «руководить сетью агентуры в Голландии и Германии», Стивене не знал об истинных причинах ухода Дальтона. Ему сообщили, что его предшественник не сработался со своим французским коллегой, капитаном 1-го ранга Трута, и что в резидентуре нужен такой человек, как Стивене, культурный и вежливый, способный наладить хорошие деловые и личные отношения.

– В вашей новой должности нет ничего рискованного, – убеждал его Вивьен, – но, конечно, вы не обязаны принимать назначение, если это вам претит. Послушай, дружище, – фамильярно добавил он, – я уверен, что твое начальство охотно вернет тебя в Индию.

Поначалу Стивене был склонен отказаться. Позднее он рассказывал:

«Я никогда не был разведчиком, тем более организатором разведработы. Моя работа в секретной службе заключалась в оценке боевого состояния вооруженных кочевников в районе северо-западной границы (пуштунские и афганские племена. – *Примеч. пер.*). Но я согласился

---

⁴⁶ В Гааге ходила и другая версия. По мнению подполковника Тьете Солке Роозенблоома из нидерландской секретной службы, палестинские деньги не имели отношения к трагедии. Дальтон застрелился, обнаружив, что был втянут в нелегальную торговлю британскими паспортами и визами для богатых евреев из Германии, готовых уплатить любые деньги, чтобы спастись от нацистов.

отправиться в Гаагу, поскольку руководству было известно, что я считаю себя недостаточно опытным, подготовленным и подходящим для такой работы».

В Лондоне Стивенсу даже не сообщили о существовании параллельной резидентуры Беста, работающей на Дэнси. Его будущая работа и состояние группы также были обрисованы лишь в самых общих чертах. В Гааге он обнаружил великолепно работающую и эффективную машину, группа заметно выросла с тех пор, как сержант Фринтен, курировавший Германию, привлек к работе множество активных антинацистов.

Никто из тех, кто следил по скудным газетным сообщениям за перипетиями шпионажа, не мог даже представить себе его масштабов в Европе в те годы. По мере углубления кризиса, вызванного аншлюсом Австрии и угрозами Гитлера в адрес Чехословакии, в Германии становилось все больше английских агентов. Из шести иностранных шпионов, казненных в Германии в 1936 году, четверо были английскими, множество английских агентов, заброшенных через Голландию и Данию, были арестованы и ожидали решения своей участи в немецких тюрьмах. Их допросы позволили Протце и фон Фельдманну составить некоторое впечатление об агентурной сети, но им так и не удавалось выйти на руководителей провалившихся шпионов. Первый просвет появился лишь летом 1936 года.

Близ Магдебурга за фотографирование секретных объектов был арестован некий Густав Хоффманн. На допросе он признался в шпионской деятельности и в том, что его завербовал голландец, работавший на англичан. Так немцы впервые вышли на резидентуру СИС в Гааге.

Но тогда фон Фельдманну удалось лишь слегка приоткрыть дверь. Новые перспективы открылись в связи с арестом несколько позже другого английского шпиона Рихарда Ланге. Он, как и Хоффманн, был завербован в Голландии тем же Пьедом Пипером. Инженер Ланге согласился работать против своей страны из ненависти к нацистам и вскоре стал одним из лучших агентов. Но успех вскружил ему голову, и он стал обычным наемником и самым дорогостоящим из всех агентов Дальтона. Случилось так, что резидентура задолжала ему несколько сот фунтов стерлингов, и, несмотря на неоднократные требования, деньги к нему так и не поступили. В конце концов он пригрозил сообщить немцам о деятельности своих боссов, и Фринтен согласился организовать его встречу с «самим шефом». Таким образом, Ланге стал единственным из агентов, знавшим резидента в лицо.

Во время встречи Дальтон выплатил часть долга и обещал отдать остальное после возвращения Ланге в Германию. Агент вернулся в Гамбург с новым заданием англичан, но оставшихся денег так и не дождался. Вся эту историю вместе с подробностями своей работы на англичан и перипетиями получения долга от майора Дальтона и сержанта Фринтена Ланге рассказал на допросе.

Итак, Дальтон из полумифического призрака превратился в реальную личность. Капитан фон Фельдманн прибыл в Гаагу, чтобы заняться им вплотную, но Дальтон был уже мертв. Тем не менее он сумел раздобыть достаточно сведений о резидентуре СИС, чтобы убедить Протце, что решительное наступление на англичан в Голландии имеет шансы на успех. Протце, занятый другими перспективными делами секции ШФ в Берлине, хотел порекомендовать эту работу фон Фельдманну, но Канарис воспротивился.

– Это очень серьезная работа, дядя Рихард, – сказал он. – Я хочу, чтобы ты сам занялся ею.

Протце, которому уже было за шестьдесят и пора уходить на пенсию, формально уволился из флота и абвера (где на посту руководителя секции ШФ его сменил полковник Иохим Рохледер) и отправился в Голландию. В сопровождении тети Лены (теперь называвшейся фрейлейн Шнайдер) он прибыл в Гаагу осенью 1937 года, снял виллу по адресу Блумкамплаан, 36, в ближнем пригороде Вассенаар в центре района по выращиванию тюльпанов, и стал готовиться к схватке между германской и британской секретными службами.

Все оказалось не так просто, как предполагал капитан фон Фельдманн. Несмотря на всю свою хитрость и решимость, Протце пришлось ждать почти полгода, пока из-за промаха противника у него не появилась реальная возможность достичь цели.

Был теплый июльский вечер 1938 года, когда, возвращаясь с тетей Леной из гаагских магазинов домой, Протце заметил невысокого коренастого парня, который следовал за ними до самой виллы, постоял около нее, а затем скрылся за углом. Протце показалось, что юноша следил за ними, но он не был в этом уверен.

На следующий день этот же человек вновь появился уже на велосипеде и несколько раз объехал квартал.

«Потом, – рассказывал мне впоследствии Протце, – он стал прогуливаться по улице, время от времени поглядывая в сторону нашего дома. Он проделывал это весьма открыто, и я подумал, что это голландский полицейский, в чем-то меня заподозривший. Возможно также, что его послал кто-то из противников. Но кто? Я знал, что «Большая тройка» располагает резидентурами в Гааге: англичане на Ньив-Парклаан, французы в своем представительстве и русские на Целебесстраат. Последняя была лучшей из трех и под руководством пресловутого Вальтера Кривицкого фактически являлась разведцентром Красной армии в Западной Европе. Резидент жил под именем австрийского букиниста Мартина Лесснера. Поначалу я считал, что это Кривицкий приставил ко мне хвост, поскольку именно его агенты вели слежку столь явно. Но повод интересоваться мной мог быть у каждого из трех. Я решил выяснить, на кого же из них работает этот праздношатающийся парень».

На третий день фланер вновь появился чуть свет, когда большинство обитателей Вассенаара еще спали. Но Протце уже был на ногах. Выглянув из окна спальни и заметив знакомую фигуру, он решил, что пора схватиться со своим филером. Он быстро оделся и отправился на долгую велосипедную прогулку, заманив хвост на пустынный пляж. Здесь он обернулся к преследователю и чуть ли не набросился на него.

– Отвяжись от меня, – раздраженно выпалил Протце, – или это для тебя плохо кончится. Если будешь продолжать преследовать меня, я заявлю в полицию.

Филер остался невозмутим. На следующий день он, как ни в чем не бывало, опять появился у виллы, но на этот раз Протце решил действовать и в самом деле вызвать полицию. Но появился не настоящий полицейский, а агент, голландский нацист Хоогевеен, ранее работавший на гестапо и занимавшийся слежкой за немецкими эмигрантами в Голландии.

Мнимый полицейский был готов арестовать парня, но тут вмешался Протце и заорал:

– Я знаю, что ты шпион и послан следить за мной!

Юноша хмуро молчал, а Протце резко осведомился, кто же его послал. Задержанный пробормотал, что лишь выполняет свою работу, а на вопрос, кто ему поручил эту работу, ответил, что британское паспортное бюро на Парклаан⁴⁷.

Протце тут же сообразил, что наконец-то перед ним открылась долгожданная возможность. Он приказал парню идти за ним на виллу и там провел свою первую вербовку. Молодой человек по фамилии Ван Каутрик работал в фирме «Мюллер и компания», но порой подрабатывал, выполняя подобные нынешнему поручения. Его заданием было следить за «мистером Робертсом», как он назвал Протце, а также записывать номера машин, на которых на виллу приезжают люди.

Когда Протце спросил Ван Каутрика, сколько ему платят англичане, тот ответил, что 200 гульденов в месяц плюс накладные расходы, но когда дело касается расходов, то ему приходится сражаться за каждый геллер. Протце предложил Ван Каутрику возможность зарабатывать еще 200 гульденов в месяц, причем без сражений, и последний с готовностью согласился.

---

⁴⁷ «Ньив-Парклаан» в переводе с голландского означает «Новая Парковая», в разговоре первое слово могут опускать. (Примеч. пер.)

Хитрюга даже сказал, что будет рад работать на Протце, потому что любит немцев, и обещал сообщать все, что удастся узнать о паспортном бюро.

Фолкерт Ари Ван Каутрик был привлечен к секретной работе человеком по имени Цааль, ближайшим помощником сержанта Фринтена в информационном бюро. Цааль также был ветераном разведки еще со времен Первой мировой войны. В 1937 году, когда у него на работе начались простои и увольнения, Фринтен пригласил своего старого друга вернуться в СИС, но тот отказался. Взамен он рекомендовал ему бывшего детектива, двадцатичетырехлетнего сына своего старого друга, и познакомил Ван Каутрика с Фринтеном, а последний в одном кафе Роттердама представил перспективного кандидата преемнику Дальтона майору Чидсону. Энергичный и способный голландец произвел на майора настолько хорошее впечатление, что Чидсон нанял его как филера и связника, несмотря на некоторый риск, связанный с тем, что жена Ван Каутрика была немкой.

Получив псевдоним Оливер Кендалл и 500 гульденов аванса, Ван Каутрик стал работать и там и тут. Ему была поручена слежка за пытавшимся установить связь с английской разведкой германским дипломатом в Гааге цу Путлицем, которого следовало проверить перед вербовкой. Цу Путлиц и стал первым английским агентом, которого Ван Каутрик выдал Протце. Однако, когда Протце проинформировал германского посланника в Гааге, что «один из его помощников» подозревается в том, что работает на англичан, ошарашенный посланник, не зная, о ком идет речь, сообщил неприятное известие никому иному, как самому цу Путлицу. Предупрежденный таким образом дипломат сбежал в Лондон, где стал важным звеном в цепочке антинацистов, работавших на англичан.

Именно на этом деле Ван Каутрик и состоялся как агент-двойник, как и прежде работая на англичан и сообщая все, что узнал у них, высокому старику немцу с ледяными голубыми глазами. Поскольку Ван Каутрик по натуре был порядочным и честным человеком, он работал на обоих хозяев одинаково преданно.

Протце, не теряя времени, старался полностью использовать открывшуюся возможность. Первым делом он вызвал себе в помощь в Гаагу капитана фон Фельдманна. Они купили одну из тех плоскодонных барж, что лениво курсируют по мутным гаагским каналам, установили на ней кинокамеру и бросили якорь напротив отдела паспортного контроля метрах в тридцати от входа. Всех, кто приходил в бюро, снимали на пленку, а затем на очередной явке снимки предъявляли Ван Каутрику для опознания. Вскоре у немцев был почти полный список всех штатных сотрудников английской резидентуры, постоянных посетителей и даже некоторых агентов.

Началась чистка. Англичане проиграли первый раунд битвы. Их поражение в этой секретной войне оставалось лишь вопросом времени. Теперь Протце стал расширять свой прорыв, стремясь сделать его всеобъемлющим. Он был все более уверен, что рано или поздно сможет сорвать все операции СИС в Западной Европе.

Но, как ни странно, первой пострадала не голландская резидентура. По странному совпадению как раз датская шпионская сеть полковника Дэнси в Копенгагене.

В ноябре 1938 года датчане, обеспокоенные размахом иностранного шпионажа в их стране, активизировали деятельность контрразведки, начав настоящую охоту на шпионов, и арестовали двух агентов «Зет», Вальдемара Пётша и его помощника Кньюффкена. Вначале они думали, что задержанные были немецкими шпионами, но на следствии Кньюффкен сознался, что работал на англичан. Датчанам очень не хотелось вмешиваться в деятельность британских спецслужб, но, поскольку об арестах были сообщения в прессе, шпионов пришлось судить. Хотя процесс и проходил при закрытых дверях, немцам удалось раздобыть показания Кньюффкена и таким образом узнать много важных сведений об организации и деятельности британской разведки на континенте.

Тогда же немцы получили ценнейшую информацию еще из одного датского источника. Один из сотрудников Протце, лейтенант Мейер сумел устроиться в управление полиции Копенгагена и стать личным помощником самого шефа полиции. От него немцы получили дополнительные сведения о деятельности СИС не только в Дании, но и во всей Скандинавии.

У Протце появилась идея захватить Пётша и заставить его рассказать о деятельности английских спецслужб. Сначала он планировал выкрасть Пётша из датской тюрьмы. Когда же датчане проведали о заговоре и позволили Дэнси тайно вывезти Пётша из Копенгагена на торговом судне, Протце не оставил своего замысла и был готов совершить самое настоящее пиратское нападение на этот сухогруз. Он предложил, чтобы торпедный катер ВМФ Германии перехватил судно и отконвоировал его в какой-либо из балтийских портов. Адмирал Канарис наложил вето на этот проект, и Пётш был благополучно доставлен в Бельгию, где полковник Дэнси отчаянно пытался спасти все, что удастся, от сильно пострадавшей датской резидентуры.

После прорыва в Дании центр борьбы вновь переместился в Голландию, где и Вивьен, и Дэнси невольно играли на руку Протце. С одной стороны, майор Стивене был не более ценной заменой Дальтону, чем Чидсон. С другой – у Протце теперь был Ван Каутрик.

Немец, который был большим скептиком, не питал иллюзий в отношении молодого голландца, по крайней мере на первых порах, когда тот явно лукавил. Но ситуация постепенно менялась из-за самого Ван Каутрика. Он шаг за шагом отходил от англичан и сближался с немцами. Его отношения с Протце делались все более тесными и более прибыльными, а отношения со Стивенсом и Фринтенем становились прохладными. Старые связи ослабевали, лояльность уменьшалась. Он все больше думал о себе и все меньше о группе. Англичане, всегда бывшие придирчивыми и не очень щедрыми ни на похвалу, ни на денежное вознаграждение, после финансовых неурядиц в резидентуре стали еще более скупыми. Ван Каутрик по-прежнему получал 200 гульденов в месяц, а Стивене и не думал о том, чтобы выдать ему премию, как иногда делал Чидсон.

Постепенно Протце сменил Стивенса в секретной жизни Ван Каутрика. В поведении немца не было и тени той снисходительности, что сквозила в обращении с ним Стивенса. Стивене становился все прижимистее, а Протце все щедрее. Ван Каутрик тщательно скрывал свою связь с немцами, не давая Стивенсу ни малейших оснований подозревать его в нелояльности, но тем не менее он перестал быть английским агентом, теперь он служил только немцам.

Он сообщал Протце практически о каждом новом шпионе, подготовленном для заброски, о его задании, маршруте, крыше, благодаря чему агент обезвреживался сразу же, как только прибывал к месту назначения.

Стивене видел, что дела идут все хуже, и не мог не понимать, что где-то происходят сбои, но мысль о предательстве в его организации все еще не приходила ему в голову.

В начале 1939 года Ван Каутрик вывел Протце на главный заговор этого бурного периода – на агента, разоблачение которого оправдало все энергию, время и средства, затраченные «дядей Рихардом» в Голландии. В ходе расследования причин самоубийства Дальтона выяснилось, что к растрате был причастен и его помощник Джон (Джек) Хупер, который, обнаружив махинации своего шефа с кассой резидентуры, пригрозил разоблачением и потребовал своей доли. В течение некоторого времени они вместе манипулировали казенными средствами, но, когда все раскрылось, Хупер не последовал за Дальтоном и во всем признался следственной комиссии СИС. Разумнее всего было бы сделать так, чтобы тело Хупера нашли в одном из каналов, что и порывался организовать полковник Дэнси, но Вивьен не согласился, и Хупер был просто уволен. По вполне понятным соображениям его дело не могло быть передано полиции.

Некоторое время Хупер зарабатывал на жизнь торговлей авиационными запасными частями, не подозревая, что два человека его разыскивают. Первым был полковник Дэнси, который со временем пришел к выводу, что не стоит отказываться от услуг ценного работ-

ника из-за таких пустяков, как шантаж и растрата. Вторым был капитан 1-го ранга Протце. Он решил разыскать Хупера, предположив, что отпущенный британцами воришка может оказаться полезным. Естественно, он не мог выслеживать сам и мимоходом поинтересовался у Ван Каутрика, не знает ли он, куда делся пропавший помощник Дальтона.

В свое время Хупер поддерживал тесные связи с Ньив-Парклаан, и Ван Каутрик сумел разыскать его в Роттердаме и организовать встречу с Протце. К этому моменту в германской контрразведывательной группе в Голландии произошла передислокация. Протце оставался в Вассенааре, но был в опасности со стороны сержанта Фринтена и, возможно, со стороны Ван Каутрика.

Широкомасштабная контрразведывательная операция против англичан в Гааге была поручена гамбургскому отделению секции ШФ, и еще три года назад капитан фон Фельдманн дал ей старт. Теперь, в 1938 году, когда работа была в полном разгаре, Фельдманну прислали помощника, плотно розовощекого капитана средних лет, с поблескивающими голубыми глазами и неизменной язвительной улыбкой на губах. Его звали Герман Й. Гискес.

Новичок прибыл из огромного резерва бывших армейских офицеров, брошенных на произвол судьбы в соответствии с Версальским договором и зарабатывающих на жизнь на гражданке чем удастся. Гискес занимался виноделием в Рейнской области, но в 1937 году вернулся в армию и был назначен в абвер, поскольку его сочли достаточно хитрым и изворотливым для такой работы. В секции ШФ он стал заместителем фон Фельдманна. Когда весной 1939 года его начальника на три месяца откомандировали в Португалию для создания там резидентуры в целях подготовки к предстоящей войне, капитан Раскес стал ответственным за незаконченное дело британской агентуры в Гааге.

Связь с Хупером Протце передал Фельдманну, а затем она перешла по наследству к Гискесу. Поскольку она была наиболее ценным приобретением абвера в Голландии, Гискес специально прибыл в Роттердам для знакомства с агентом. Эта явка стала самой важной в его контрразведывательной деятельности.

Обозленный на своих прежних хозяев и вдохновляемый щедрым вознаграждением немцев, Хупер без колебаний предал англичан, доказав, как прав был полковник Дэнси, желая в свое время ликвидировать его. Конечно, Хупер несколько лет не поддерживал связи со своим бюро, но запомнил множество секретов, представлявших большой интерес для Гискеса. Вскоре, однако, наступил день, когда у Хупера за душой ничего не осталось, и он решил заняться подтасовками и переделками старых историй, выдаваемых им за новые сведения. Гискес, несмотря на свою изящную внешность, был способен действовать жестко, когда этого требовали обстоятельства. Однажды подловив Хупера на фальсификации, он решил надавить на него, уверенный, что тот еще хранит в памяти немало ценных тайн, приберегая их на всякий случай.

Развязка наступила в апреле 1939 года, когда Гискес заявил агенту, что Хупер может убраться к черту со своими фальшивками. Испугавшись потери прибыльного местечка, Хупер зашел со своей козырной карты. Он сдал немцам лучшего британского агента в Германии, стоившего больше, чем все, которых в свое время выдал Ван Каутрик.

Еще в 1919 году британская секретная служба завербовала в Гамбурге демобилизованного флотского офицера, оставшегося после войны без работы и без средств к существованию. С их помощью он организовал в Киле процветающую частную инженерно-консультационную фирму, работавшую главным образом на ВМФ. Он знал все секреты строящихся военно-морских сил Германии, тем более что многие из них представляли собой внедренные им изобретения. Используя свое уникальное ключевое положение, он мог в одиночку обеспечивать англичан информацией о всем германском ВМФ.

Англичане называли его «доктор К.» и окружили строжайшей конспирацией. Хупер знал о нем и о его работе все и спросил у Гискеса, сколько будет стоить такая информация. Гискес,

осознав ее важность, пообещал ему 10 тысяч гульденов в английской валюте: пять – когда Хупер раскроет его настоящее имя – и остальные пять – немедленно после ареста шпиона.

– Его настоящее имя Отто Крюгер, – сказал Хупер, укладывая в карман задаток. – Они называли его «доктор Крюгер». Он живет в Годесберге, неподалеку от Бонна, но приезжает в Голландию для явок с английским резидентом, останавливаясь либо в отеле «Амстел» в Амстердаме, либо в «Дез-Индес» в Гааге.

Когда Гискес сообщил об этом Протце, старый профессионал был потрясен. Он знал Крюгера по совместной службе на флоте еще на Северной военно-морской базе. Значит, целых двадцать лет бывший сослуживец вел двойную жизнь. Дело его процветало, он стал богатым и респектабельным. В тридцатых годах он достиг пика положения в своей послевоенной профессии – был избран в совет директоров федерации германских промышленников, а один из немецких технических институтов присвоил ему почетную степень доктора технических наук.

И все это время он был английским шпионом!

Его связь с СИС тщательно маскировалась. Будучи способным инженером, он сделал ряд ценных изобретений в области военно-морского дела, запатентовал их и уступил права на использование нескольким английским и голландским фирмам. Значительные суммы, которые англичане платили Крюгеру, перечислялись под видом платежей за использование патентов. Таким образом, это был совершенно легальный доход, и гонорары за шпионскую деятельность он открыто использовал для оплаты своих счетов наряду с другими законно полученными средствами.

Доктор Крюгер был взят под негласное наблюдение, в конторе и дома установили микрофоны, прослушивались телефонные разговоры, перлюстрировалась переписка, тщательно изучалась его частная жизнь. Но никаких улик или компрометирующих сведений обнаружить не удалось. Он вел обычный для его круга образ жизни – не пьянствовал, не играл в карты, не имел любовниц, не употреблял наркотики. Все поступления в его банки были объяснимы, и он не имел никаких скрытых источников доходов.

В конце июня после посещения работавших на полную мощность верфей «Блом унд Фосс» в Гамбурге и визита на расположенную там же военно-морскую базу Крюгер отправился в свою обычную деловую поездку в Голландию. Наступил момент истины, поскольку, как сообщил Гискесу Хупер, именно во время этих поездок респектабельный господин превращался в шпиона. Гискес разместил своих агентов в «Амстеле» и в «Дез-Индес» и установил постоянную слежку на весь период пребывания Крюгера в Голландии. На сей раз подозреваемый прибыл в Гаагу, остановился в своем отеле и оставался в номере, где весь день печатал на машинке. Один из агентов Раскеса, официант, приносивший в номер обед, видел на полу разбросанные листы бумаги с машинописным текстом, но на столе не было никаких рукописных заметок. Крюгер хранил все в памяти, все сокровенные тайны германского ВМФ, и, приезжая в Голландию, переносил их на бумагу для передачи своим нанимателям.

В семь часов вечера, надев смокинг, он вышел из отеля, остановил проезжавшее такси и отправился в яванский ресторанчик, известный своими рисовыми блюдами, где ужинал с какой-то пожилой четой. В половине десятого он отправился на машине на виллу в приморском курортном городке Схевенинген.

Обыск, произведенный в его номере в отсутствие постояльца, не дал никаких улик. Пожилой мужчина, с которым он ужинал, оказался его деловым партнером, и ничего подозрительного за время ужина приставленный к нему филер не обнаружил. В Схевенингене видели, как он вошел в дом, а затем вскоре после полуночи покинул виллу и отправился напрямик в отель.

За исключением нескольких часов, что он провел на вилле, в его поведении ничто не вызывало подозрений. Сведения о владельце виллы также не давали никаких данных, позво-

ляющих судить о его причастности к шпионажу. Говорил ли правду Хупер, указав на Крюгера? Капитан Гискес уже стал опасаться, что зря потратил 5 тысяч гульденов.

Но поездка в Схевенинген оставалась непонятной. Вилла принадлежала Аугусту де Фремери – весьма загадочному бельгийцу, имеющему независимое состояние. О нем не удавалось узнать ничего, пока на следующее утро Протце не спросил Ван Каутрика:

– Имя Аугуст де Фремери о чем-нибудь говорит вам?

– Конечно, – сразу же ответил голландец. – Это настоящее имя Яна, капитана Хендрикса.

Хендрикс был заместителем английского резидента, работавшего в отделе паспортного контроля на Ньив-Парклаан.

8 июля Хуперу выплатили остальные 5 тысяч гульденов. А днем раньше доктор Отто Крюгер, он же «доктор К.» – был арестован в Гамбурге и в ту же ночь во всем сознался.

Первая фаза операции Протце завершилась. Великолепная разведывательная сеть, созданная майором Дальтоном, была разгромлена. Все агенты СИС были казнены, либо ожидали казни, либо, оставаясь временно на свободе, находились под наблюдением. Лучший и единственный британский супершпион сидел в тюрьме⁴⁸.

---

⁴⁸ 4 сентября, на следующий день после объявления войны между Англией и Германией, доктор Крюгер покончил с собой в тюремной камере.

Глава 12

ПОГРАНИЧНЫЙ ИНЦИДЕНТ

Великая битва троянских коней быстро шла к концу.

3 сентября 1939 года Великобритания объявила войну Германии, и в тот же день полковник Клод Дэнси приказал капитану Бесту войти вместе с его организацией «Зет» в состав резидентуры Стивенса в Гааге. Решение было продиктовано условиями военного времени. У Беста не было никаких каналов связи, кроме как с Дэнси, находившимся в Брюсселе. В день начала войны он вернулся в Лондон и был вынужден использовать для связи со своими агентами на континенте каналы гаагского бюро.

Решение оказалось фатальным. Ван Каутрику потребовалось всего лишь две или три недели для того, чтобы узнать о всех операциях этой сети. Он тут же выдал их Протце. В течение месяца немцы уничтожили замечательную сеть Дэнси, создававшуюся шесть долгих лет.

Разгром сети «Зет» в Германии был произведен настолько быстро, что Стивене и Бест и не подозревали, что лишились всей своей агентуры. Они и сами действовали в режиме цейтнота. В Берлине в сотрудничестве абвера и СД, что было редкостью, готовились планы уничтожения гаагской резидентуры и, если возможно, полной ликвидации агентуры СИС на континенте. Это стало самой большой катастрофой в истории британской разведки – и все это из-за отказа одного маленького винтика в машине.

Хотя у немцев были все основания считать, что они ликвидировали всех троянских коней в СИС, они были и в их собственном лагере. Фолкерт Ари Ван Каутрик продолжал вести двойную жизнь. Он по-прежнему работал на немцев в лице Протце, но не перестал служить и англичанам, к их полному удовлетворению⁴⁹.

Но Джек Хупер сменил ориентацию. В те напряженные дни после начала войны он явился к майору Стивенсу и покаялся в том, что работал с немцами, не признавшись, конечно, в том, что он предал Крюгера. Он был прощен и вновь принят в британскую секретную службу. Майор Стивене рассчитывал, что через Хупера, поддерживавшего контакт с Гискесом, ему удастся проникнуть в германскую резидентуру в Голландии и нанести по ней удар. Был разработан весьма необычный план устранения Гискеса.

Хупер должен был сообщить Раскесу в Гамбург, что у него есть «кое-что столь важное», что он может сообщить лишь при личной встрече в Роттердаме, и назначить явку. Предполагалось затем похитить Раскеса, выбить из него все известные ему сведения, а затем передать для отсидки голландцам (у которых на это хватило бы оснований, особенно с Хупером в качестве главного свидетеля).

В этот момент, в начале октября 1939 года, Протце вновь вошел в игру. Ван Каутрик только что сообщил ему, что Хупер вновь перешел на сторону англичан, и Протце предупредил Гамбург об этом. В это время Гискес уже был в пути на явку с Хупером. Тревожное сообщение было передано по его маршруту и настигло его в Эншеде на германо-голландской границе, где ему велено было немедленно связаться с управлением. Когда Гискес позвонил туда,

---

⁴⁹ Англичане настолько доверяли Ван Каутрику, что в день германского вторжения в Голландию в 1940 г. он вместе с остатками резидентуры СИС был эвакуирован на военном корабле его величества. Вместе со своей женой-немкой он 10 мая высадился в Фолкстоне и получил в так называемой Патриотической школе ответственную работу по проверке голландских беженцев, выразивших желание бороться в подполье в оккупированной Голландии. Позднее англичане переменили свое отношение к нему, но не по соображениям безопасности. Он был уволен из школы 5 августа 1943 г. за слишком вольное обращение с доверенными ему средствами. Ван Каутрику удалось сохранить свою тайну, и он был принят на работу в Лондонское бюро голландской военно-морской разведки. После войны он был репатрирован в Голландию, но так никогда и не привлекался там к суду, потому что, в конце концов, будучи двойным агентом двух иностранных держав, он никогда не вел шпионскую работу против своей родины. Когда я встретился с ним в Амстердаме летом 1970 г., он выглядел полностью раскаявшимся и сожалел о своем сотрудничестве с немцами, которое он назвал «трагической ошибкой глупого юнца».

капитан Вихманн из Аст-Х приказал ему вернуться в Гамбург, где он узнал, что Хупер вновь стал двойником, на сей раз на стороне англичан.

Хотя похищение и сорвалось, его попытка не осталась без далеко идущих последствий. В то самое время, когда немцы внедрялись в считавшуюся неприступной британскую секретную службу, у англичан была возможность вскрыть еще более богатую жилу, попав в высшие круги Третьего рейха путем осуществления заговора столь обширного и необычного, что это казалось неправдоподобным.

Незадолго до начала войны англичане благодаря мужественному поступку двух молодых антинацистов, Эвальда фон Клейст-Шменцина и Фабиана фон Шлябрендорффа, узнали, что в Германии готовится заговор с целью свержения фашизма. Молодые люди прибыли в Лондон для установления контакта с британским правительством. Неоднородная группа состояла из специалистов, священников, правительственных чиновников и офицеров вермахта, в основном выходцев из высшего класса, но в нее входили и остатки прежней социал-демократии, которых гестапо каким-то образом просмотрело. Они были связаны общей непреклонной оппозицией Гитлеру и своей в целом прозападной ориентацией.

Эффективность их действий зависела от поддержки из-за рубежа, и они, несмотря на значительный риск, настойчиво пытались ее изыскать. Но в те беззаботные годы было непросто поразить воображение британцев и привлечь их внимание к этому потенциально золотому руднику.

Теперь, когда разразилась война, Уайтхолл, наконец, спохватился и решил попытаться использовать беспрецедентную возможность, которой он так долго пренебрегал. Стивенсу и Бесту было поручено установить контакты с антифашистским подпольем.

Заговорщики должны были приступить к действиям в начале ноября: убийство Гитлера, свержение режима, заключение мира с Западом. Было составлено несколько планов покушения на Гитлера, и, судя по ним, война должна была закончиться к Рождеству.

К сожалению, англо-германские заговорщики были не одни. К тому времени, когда англичане решили принять непосредственное участие в заговоре, на сцене появились вездесущий «дядя Рихард» и новый участник – Рейнхард Гейдрих. В соответствии с указаниями Канариса Протце занял позиции в тылу заговора, тогда как Гейдрих напал на заговорщиков в лоб, через агентов британской разведслужбы в Гааге.

Как обычно, адмирал внимательно наблюдал за развитием событий, прикомандировав своего сотрудника капитана 2-го ранга Йоханнеса Травальо к Гейдриху в качестве связного. Связь была установлена через робкого человечка, называвшего себя «доктор Франц» и считавшегося католиком, беженцем из рейха.

В действительности он был агентом гестапо номер Ф-479, засланным в Голландию в 1938 году для проникновения в круги беженцев из Германии и в Десятое бюро полковника Трута в Гааге. Он преуспел в обоих направлениях, отправляя как донесения Гейдриху, так и информацию французам.

Когда в 1939 году Протце узнал о Стивенсе и Бесте, он поручил установить и с ними связь доктору Францу, который вышел на Беста через голландца по фамилии Врообург, члена группы «Зет», связанной со Стивенсом через Фринтена, поставлявшего англичанам информацию о люфтваффе, подготовленную для него немцами. У Беста не было оснований для безоговорочного доверия доктору Францу, но его все же держали в обойме. В конце концов, его сведения все же были достаточно надежными.

В начале сентября Франц, ранее поддерживавший связь с Бестом через Врообурга, потребовал личной встречи с руководителем группы. Он раздобыл ключевую информацию, которую мог доверить только самому шефу. Вопреки обычной практике и без серьезных оснований Бест согласился встретиться с Францем. Скромный беженец сообщил, что у него есть информация от майора люфтваффе Зольмца, члена антифашистского подполья. У Зольмца были сведения о

действиях, которые должны были привести к свержению Гитлера, но он отказывался доверить их Францу и настаивал на организации встречи с капитаном Бестом. Бест согласился встретиться с майором в Амстердаме или Гааге, но Зольмц ответил, что не сможет приехать в столь отдаленные пункты. Бест согласился встретиться в деревне Венло на голландско-германской границе.

Зольмц оказался пустышкой, самоуверенным хвастливым баварцем. Вскоре стало ясно, что он лишь подстава для более крупных фигур. Вторая встреча была назначена там же в Венло через неделю. В этот раз майор был менее шумным и напыщенным. Он убедительно говорил о своей миссии, направленной на обеспечение британской поддержки заговора, возглавляемого неким безымянным генералом и направленным на свержение Гитлера. Бест попытался проверить полномочия посланца и задал ему несколько технических вопросов, а когда Зольмц четко и правильно ответил на них, Бест уверился в его надежности и правдивости. Иных попыток проверить авторитетность как Зольмца, так и Франца не предпринималось. Оба были сочтены заслуживающими доверия.

Во время второй встречи был согласован код для связи с Бестом через Франца и почтовый ящик в Голландии. Через несколько дней Франц сообщил Бесту, что получил письмо от еще одного офицера из Германии, которое следовало передать только Бесту лично. В письме анонимный корреспондент информировал Беста, что таинственный руководитель заговора, «генерал», готов встретиться с ним при условии, что Бест представит доказательства того, что является достаточно высокопоставленным сотрудником британских служб. Для подтверждения были даны условные слова, которые следовало произнести в одной из передач Би-би-си на Германию. Эти слова дважды были переданы 11 октября. Зольмц постепенно отходил в сторону, объясняя это слежкой гестапо за ним. Генерал должен был лично включиться в игру. Поскольку заговор касался высших эшелонов, Бест решил, что следует обратиться за разрешением на действия к майору Стивенсу. Был подключен и генерал Й.В. Орскоот, начальник голландской военной разведки, выделивший для связи молодого офицера, лейтенанта Дирка Клопа.

Наконец Франц сообщил Бесту, что генерал готов встретиться с ним. Явка была назначена на десять утра 19 октября, на сей раз в маленькой пограничной деревушке Динксперло. Немцы прибыли в полдень, с опозданием на два часа. Среди них не было генерала, лишь два молодых офицера, представившиеся как лейтенанты Зейдлиц и Грош. Франц поручился за них. Бест отвез группу в удаленное придорожное кафе и угостил их обедом, проходившим в несколько натянутой обстановке, причем Франц выглядел особенно взволнованным.

Компания привлекала внимание – худшее, что могло быть у конспиративной встречи. Бест подумал, что лучше бы перебраться куда-нибудь, и позвонил своему приятелю в близлежащий городок Арнхейм, чтобы продолжить встречу в его доме.

Подозрительная группа заинтересовала какого-то голландского солдата, который проследил за ними и сообщил в полицию, что «кучка немецких шпионов» устроила явку сначала в кафе, а затем в одном доме в Арнхейме. Полиция окружила дом, вломилась в него и потребовала объяснений. Лейтенант Клоп объяснил ситуацию полицейским, и они удалились, но секретность встречи была нарушена. Во время этого инцидента оба немца явно запаниковали, а Франц был близок к обмороку, но Бест по-прежнему ничего не заподозрил.

В конечном итоге все волнения были напрасны. Немцы не принесли никакой информации и были уполномочены лишь организовать, наконец, встречу с таинственным генералом. Бест согласился, и следующая встреча была назначена на 25-е, а вскоре перенесена на 30 октября. В этот раз Клоп приехал в Динксперло один с поручением привезти немцев в Гаагу.

В группе и на этот раз не было генерала, но на этот раз были три офицера вместо двух. Не было Зейдлица, но вместе с Грошем прибыли двое, представившиеся как полковник Мартини и майор Шиммель, причем последний был явным лидером группы. Это был крупный моло-

дой человек под тридцать с лицом испещренным дуэльными шрамами, что делало его слишком заметным и подозрительным для человека, выполняющего столь ответственную миссию. Хотя он и выглядел недалеким, но оказался исключительно информированным, решительным и владеющим ситуацией.

Шиммель дал ясную и четкую характеристику внутренней ситуации в Германии и сообщил Бесту от имени генерала, что они готовы гарантировать окончание войны, если британцы согласны предоставить Германии почетные условия мира. Стивене и Бест дали Шиммелю ни к чему не обязывающий ответ в ожидании инструкций из Лондона.

Для связи Бест дал немцам радиостанцию, и немцы стали связываться с резидентурой СИС в Гааге. Информация затем транслировалась в Лондон и поступала к Чемберлену и министру иностранных дел лорду Галифаксу.

Лондон приказал Бесту и Стивенсу «действовать энергичней» и обращаться с немцами благожелательно, но осторожно, чтобы уберечь правительство его величества от конфуза в случае провала. Еще одна безрезультатная встреча состоялась в Венло 7 ноября (вновь без генерала), а следующая была назначена на 9 ноября. Она оказалась решающей.

Утро было хмурым и холодным, по-осеннему моросило. Ненастная погода охладила энтузиазм Беста, кроме того, он был обеспокоен тем, что обнаружил хвост, неприятного верзилу, хотя и не связал это с ведущейся операцией.

В десять часов он приехал в дом Стивенса на Ньив-Парклаан и нашел своих коллег тоже обеспокоенными. Майор прошел в гардеробную, взял там два браунинга, зарядил их и отдал один Стивенсу, а другой сунул в карман. Пока они ожидали лейтенанта Клопа, немцы связались с ними по радиации. Бест решил, что будет новая отсрочка встречи, но услышал привычную просьбу о переносе встречи на несколько часов и сделал заключение, что все идет нормально. Клоп приехал, и вся компания отправилась на машине с шофером Беста голландцем Яном Лемменсом в Венло. Во время пути зашел разговор о возможности вторжения, и Стивене совершил весьма необычный, особенно при подобных обстоятельствах, поступок. Он достал карандаш, лист бумаги и стал набрасывать список своих людей, которых надо будет вывезти из Голландии в случае нападения Германии. Был ли список при нем к моменту развязки, знал только Стивене. Бест считает, что Стивенсу удалось его уничтожить.

Вскоре после четырех компания прибыла на место встречи, популярное у контрабандистов красное кирпичное кафе «Бахус», всего в двухстах метрах от границы. На улице никого не было, но Бест обратил внимание, что впервые за все время шлагбаум на германской стороне был поднят, а на голландской – нет.

На веранде третьего этажа кафе Бест увидел майора Шиммеля, машущего рукой. Он решил, что майор дает сигнал подъехать к кафе, но, как только машина стала притормаживать, услышал крики и стрельбу. Большой зеленый автомобиль мчался со стороны не охраняемого голландского шлагбаума и остановился, ударив в бампер машины Беста. Автомобиль был полон людей, а двое сидели на капоте и вели огонь из автоматов.

Стивене обернулся и сказал: «Похоже, дело плохо, Бест!» Через миг оба британца были схвачены, и на их запястьях защелкнулись наручники. Без особых церемоний их поволокли через границу, и шлагбаум медленно опустился за ними. За ними тащили и Лемменса, но Клопа видно не было. В суматохе молодой офицер пытался скрыться в кустах, но немцы засекли его. Раздалась автоматная очередь, и «Клоппенс» был смертельно ранен.

Как следовало бы давно догадаться Бесту и Стивенсу, вся их блестящая операция с самого начала была германской ловушкой, идея которой принадлежала Гейдриху. Осуществление же производилось молодой восходящей звездой Sicherheitsdienst, двадцативосьмилетним холодным и расчетливым интеллектуалом Вальтером Шелленбергом. Прирожденный разведчик Шелленберг и был «майором Шиммелем».

«Я признаю, – позднее писал Бест, – что со дня нашего знакомства в Голландии он полностью овладел мной и Стивенсом, и это неудивительно, поскольку он был великолепно информирован и хорошо подготовлен к операции. Кроме того, он был природный заговорщик, который, как показали события, не мог никому хранить верность».

«Полковник Мартини», представленный как доверенный помощник «генерала», был в действительности австрийским психиатром профессором де Кризисом, достигшим высот в своей профессии лишь потому, что был личным другом Гейдриха. «Лейтенант Грош» был капитаном 2-го ранга Йоханнесом Травальо из абвера. «Генерал», хотя так и не появился на сцене, на всякий случай тоже был наготове. Это был промышленник и высокопоставленный офицер СС, подобранный Гейдрихом для участия в мистификации.

Гейдрих одержал полную победу, хотя ему и не удалось выйти на германскую оппозицию. Стивене и Бест были лишь пешками в большой игре. Они не знали никого из реальных лидеров и не имели представления о деталях, поэтому в ходе интенсивных допросов ничего не сообщили Шелленбергу. Они находились все же в средоточии обыкновенного шпионажа против Германии, были *Spiritus rector*⁵⁰ шпионской сети, работающей внутри рейха.

Даже в то время, когда Стивене и Бест сидели в камерах гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе, Шелленберг с помощью радиосвязи с Гаагой продолжал вести игру. И семь дней спустя после инцидента капитан Ян Хендрикс, заместитель Стивенса, настолько не имел представления о том, что же действительно случилось в Венло, что активно реагировал на все предложения майора Шиммеля продолжать операцию.

16 ноября в 12.30 дня он дал своему радисту Уолшу текст сообщения для майора Шиммеля: «Мы готовы вести переговоры в ранее обозначенных направлениях. Следующая встреча должна состояться после получения результатов консультаций с французским премьером Даладье. Ввиду случившегося предупреждаем о необходимости крайней осторожности». Англичане по-прежнему считали, что проводят свою собственную операцию, и наивно полагали, что гестаповцы сумели раскрыть ее обстоятельства. Хотя немцы и похитили участников встречи в Венло, англичане полагали, что нацисты не смогут раскрыть их заговор. Они были освобождены от иллюзий сообщением язвительного «Шиммеля», гласящим: «Нам надоели переговоры с самовлюбленными дураками. Вам следует понять, что их пора прекратить. Во всяком случае, передаем вам сердечный привет от преданной вам германской оппозиции». Подпись гласила: «Гестапо».

На Ньив-Парклаан сообщение было принято и записано дежурным радистом, который, как принято, получив сообщение, ответил: «Спасибо» и по традиции подписал его: «Уэлш»⁵¹.

---

⁵⁰ Управляющий дух (*лат.*).

⁵¹ Майор Стивене и капитан Бест провели в немецких тюрьмах несколько лет, но оба выжили. Несмотря на их вопиющий промах, в СИС решили, что они достаточно наказаны гестаповскими лагерями, и позволили им уйти в почетную отставку. После войны Бест написал книгу об этих событиях, где возлагал вину за провал на Стивенса. Стивене после войны работал литературным переводчиком и умер через несколько лет.

Глава 13

ИЗМЕНА В АЛЬБИОНЕ

Континентальная секретная служба – когда-то внушительная группа «Зет» полковника Клода Дэнси – была разрушена. Беспощадный удар Шелленберга произвел устрашающий эффект на подход МИ-6 к тайной войне – теперь англичане не решались идти на контакт даже с самыми заслуживающими доверия немцами, готовыми работать на них. В то же время это был полезный урок. После относительно медленной и поэтапной эволюции британская секретная служба пришла к запоздалой реорганизации.

Немцы не переживали подобных провалов с 1933 года. В этот период проб и ошибок их шпионаж против Англии никогда не был полностью прекращен. Более того, он рос, пока не достиг пикового значения в канун войны в соответствии со старым постулатом полковника Николаи, что «подготовка к войне всегда должна идти рука об руку с интенсификацией разведки против будущего противника».

Даже в период действия запрета Гитлера на шпионаж против Англии абвер и СД занимались «разработкой» агентов на долговременной основе. Несколько их *Forschern*, или «исследователей», находились в Великобритании, разыскивая людей, которых можно было бы завербовать для разведки или подрывной работы. Найдя источники поддержки в страхах или предубеждениях представителей высших классов, они стали искать союзников и на основе недовольства и неуверенности средних и низших классов. Многие из последних были легкодоступны, как и в случае американских фашистских организаций, через британский союз фашистов сэра Освальда Мосли, национал-социалистскую лигу Уильяма Джойса, бурно растущие правые антисемитские «клубы», а также через группировки ирландских экстремистов, валлийских и шотландских националистов.

Шла энергичная возня агентов абвера и СД. Глава одной германской фирмы в Южном Уэльсе был одним из наиболее усердных «исследователей». Он был внештатным лектором в Кардиффском университете, совмещая эту деятельность с работой вербовщика. На абвер работали директор фабрики эмалированной посуды в Барри и загадочная женщина, медсестра с одного из ламаншских островов. Она занималась разведкой в Пемброкшире, приморском районе Южного Уэльса, омываемом морем со всех сторон, кроме севера, вплоть до того дня в 1943 году, когда была найдена мертвой.

Большинство же этих разведчиков вернулись с пустыми руками, никто из тех, кто готов был поддержать фашистские организации, не хотел иметь прямых или косвенных отношений с абвером или *Sicherheitsdienst* (СД).

Мосли осуждал радикальные вылазки и убеждал своих чернорубашечников оставаться верными родной стране.

– Мы посвятили себя Англии, – с непривычной цветистостью провозгласил он накануне войны, – сквозь века, разделяющие нас, сквозь славные победы, сплотившие нас, мы, глядя в глаза, даем священную клятву: мы будем верны сегодня, завтра и навсегда. Да здравствует Англия!

А когда началась война, он заявил своим сторонникам: – Я прошу вас не совершать ничего, что могло бы навредить нашей стране или помочь любой другой державе.

И даже Уильям Джойс, самый эффективный радиопропагандист нацизма, не опустился до шпионажа в своей ярой профашистской деятельности. Не считая лишь одного помощника Мосли, натурализованного выходца с Балкан по имени доктор А.А. Тестер, никто из множества засветившихся предвоенных пронацистов не замарал себя шпионажем или подрывной деятельностью.

Удалось установить связи с шотландскими ирредентистами, такими, как шумный, но беспочвенный агитатор Ангус Бакстер, одорукий бывший цейлонский плантатор У.Э.А. Чемберс-Хантер и основатель Шотландской фашистской демократической партии Уильям Уэйр, но и они дали резкий отпор. Иначе обстояло дело с валлийцами и ирландцами. Эти пошли на организацию сети шпионской и подрывной деятельности на случай войны.

В начале 1937 года Канарис получил зеленый свет, и все отделы абвера были готовы действовать. Не только отделения в Гамбурге, Бремене и Вильгельмсхафене, но и в Мюнстере, Ганновере, Касселе и даже в Дрездене, Штутгарте и Киле стали готовить агентов и засылать их в Великобританию без какой-либо координации деятельности, без какой-либо заботы о безопасности шпионов. Эта массовая засылка принесла некоторые результаты, но качество как агентов, так и их сведений было весьма низким. В результате сеть в Великобритании была слабо налажена, о чем свидетельствовало достаточно высокое число того, что адмирал Канарис называл «несчастливыми случаями».

В конце осени 1938 года высокий, крепко сложенный, темноволосый мужчина по имени Джозеф Келли явился к германскому генеральному консулу в Ливерпуле Вальтеру Рейнхардту и предложил свои услуги в качестве шпиона. Хотя Рейнхардт и получил четкие инструкции о необходимости поиска потенциальных агентов, эта сторона консульских обязанностей ему претила. Карьерный дипломат, воспитанный на либеральных идеях и познакомившийся с западной демократией в период работы в Сиэтле (где он написал яркую биографию Джорджа Вашингтона), он попытался отговорить Келли, как сделал это в девяти предыдущих подобных случаях.

Да и сам Келли не показался ему перспективным. Тридцатилетний бывший боксер, работающий каменщиком в близлежащем городке Юкстон, он был, как описал его Рейнхардт, неотесан и безграмотен. Консул пригрозил вызвать полицию, но Келли заявил:

– Я уверен, что вы джентльмен, сэр, и не сделаете такого.

– Именно потому, что я джентльмен, – отпарировал Рейнхардт, – я не хочу иметь дела с предателями.

Но Келли был настойчив:

– Я не предатель, сэр! Я ирландский патриот и враг англичан до мозга костей. Кроме того, мне надо содержать семью. Я работаю на оружейном заводе «Чорли» и могу добыть его план. В конце концов, я согласен делать все, что ваша секретная служба поручит мне.

Рейнхардт записал его фамилию и адрес в Юкстоне (графство Ланкашир) и пообещал узнать, что можно сделать. В первый же приезд в Лондон он отдал этот листок бумаги военному атташе и умыл руки. Ничего не происходило до 27 февраля 1939 года, когда Келли получил из Нидерландов письмо, подписанное «Пит», где говорилось, что ему надо зайти в туристическое агентство Кука в Ливерпуле и взять там оформленную на него путевку. В агентстве Келли ждал билет в Оснабрюк, мрачный центр сталелитейной промышленности в Западной Германии, совсем не похожий на курорт. Келли отправился в путь 8 марта, имея при себе, как и говорил, два секретных плана большого завода боеприпасов. В Оснабрюке его встретили и отвезли в Мюнстер, где в местном отделении абвера его официально оформили как агента.

Привезенная им информация была охарактеризована как «ценная», хотя Келли заплатили за нее лишь 30 фунтов. Завод с 14 тысячами рабочих был одним из крупнейших и самых секретных во всей оборонной промышленности Британии. Знание его расположения, как заявил начальник охраны «Чорли», «окажет величайшую помощь врагу, если он захочет разбомбить завод».

Когда при поиске пропавших планов выяснилось, что Келли уехал в «несанкционированный отпуск» в Германию, его имя было внесено в черные книги иммиграционных служб

во всех портах Великобритании. При въезде в Дувр он был арестован, и у него обнаружили десять фунтовых купюр и новехонький хрустящий банкнот в 20 фунтов.

Он утверждал, что выиграл деньги в покер на пароме «у одного типа с дуэльным шрамом на щеке» и что ничего не знает о «завалившихся планах». Но детективы заметили, что он жует что-то, и не дали ему проглотить листок бумаги, на котором немцы записали довольно простой шифр.

За это краткое приключение Келли получил семь лет. В июне Рейнхардту предложили покинуть страну, и он выехал из Ливерпуля, яростно доказывая свою невиновность в соответствии с инструкциями из Берлина «категорически отрицать [свою] причастность к шпионскому делу Келли». Я нашел переписку между генеральным консулом и министерством иностранных дел в секретных германских архивах. 24 апреля Рейнхардт написал жалобное письмо своему начальству в МИД, настаивая, что он был «лишь беззащитной жертвой предателя», и выражая надежду, что «печальный инцидент не повредит [его] карьере».

Развязка этого инцидента принесла англичанам больше вреда, чем пропажа похищенных Келли секретных планов. Немцы воспользовались высылкой консула как поводом для ареста в отместку капитана Томаса Дж. Кендрика, служащего отдела паспортного контроля британского консульства в Вене. Кендрик конечно же был руководителем резидентуры СИС и вел активную разведывательную работу против нацистов, которые тогда преобразовывали упраздненную австрийскую секретную службу в отделение абвера, направленное на Восточную Европу. Кендрик, эффективно руководивший компактной разведывательной сетью в Австрии, Чехословакии, Польше и Венгрии, был для них досадной помехой. В этот предвоенный период у немцев было слишком много секретов и большое желание скрыть их.

Уход со сцены Кендрика в августе 1939 года привел не только к прекращению деятельности ключевой венской резидентуры, но и к распаду его группы как раз тогда, когда произошло уничтожение организации полковника Дэнси и майора Стивенса, положившее конец разведывательной деятельности англичан на западе Европы.

Примерно в то время, когда был арестован Келли, МИ-5 разоблачила еще одного немецкого шпиона, пятидесятишестилетнего второразрядного спортивного обозревателя Дональда Оуэна Реджинальда Адамса, который продал чертежи 114-мм зенитной пушки и другую военную информацию, а также раскрыл четверку русских агентов.

Разоблачение этих агентов было воспринято в Англии как свидетельство превосходства хваленых органов безопасности над любыми шпионами, которых иностранные разведки осмеливались заслать в страну. Но впечатление, которое создавали эти широко рекламируемые успехи, было обманчивым.

В действительности МИ-5, когда-то одна из величайших в мире контрразведывательных организаций, находилась в состоянии упадка. Полковник Верной Келл, славный организатор контршпионажа во времена Первой мировой войны, отметил свое шестидесятилетие и был серьезно болен. Организация, которую он создал и возглавлял тридцать лет, была в состоянии застоя, а ее методы работы устарели.

Когда адмирал Канарис провел разбирательство этих трех случаев, выяснилось, что все шесть шпионов провалились не столько благодаря эффективности работы МИ-5, сколько из-за плохой работы их немецких резидентов. Келли работал на мюнстерское отделение, Адамса и вулвичскую четверку вел Ганновер. Канарис осуществил реорганизацию работы абвера. Британское направление было изъято из ведения Мюнстера, Ганновера и других периферийных отделений и перешло в ведение резидентур только Гамбурга и Бремена, чьи эмиссары успешно ускользали от силков МИ-5.

Когда МИ-5 разоблачила кучку абверовских шпионов, у немцев, главным образом на Британских островах, действовали, по моим подсчетам на основании их секретных картотек, 253 агента. Масштаб и качество их агентуры были настолько превосходны, что в письме в штаб

ВВС от 25 августа 1938 года Канарис с полным основанием уведомил своих заказчиков, что «большинство британских аэродромов картографировано» и что у абвера собраны надежные сведения, включая карты и фотографии, в том числе и сделанные методом аэросъемки, «всех гаваней, портов, основных ремонтных заводов и нефтехранилищ всей области от Лондона до Гуллы». 10 октября он сообщил в тот же штаб, что «рекогносцировка районов Лондона и Гуллы также завершена».

Это был непревзойденный с точки зрения составления свода разведанных результатов. Он был достигнут всего лишь за два года сбора сведений, благодаря деятельности тех шпионов, которых не смогла раскрыть МИ-5. Долговременный эффект этого обследования был апокалиптическим. На его основе был произведен тщательный выбор стратегических целей, на которые затем в ходе авиационной блицвойны 1940–1941 годов совершались налеты люфтваффе. Именно на основе этих данных были подготовлены авиакарты; были собраны мириады фрагментов, на основе которых немцы составили мозаику своих стратегии и тактики в борьбе с Королевскими ВВС.

В значительной степени все это обеспечил один человек – исполняющий обязанности начальника Аст-Х в Гамбурге капитан Иоахим Бургхардт, ветеран и еще один невоспетый руководитель абвера. Я не думаю даже, что его имя хотя однажды появилось среди миллионов слов, написанных об абвере. Длинноносый, краснолицый, с сиплым голосом, неуклюжий и неопрятный старый моряк, скрытный и склонный к лености, Бургхардт был в предпенсионном возрасте и не имел карьерных амбиций. Он организовывал работу по обеспечению разведанными об Англии так же, как и выполнял все свои другие обязанности, в рутинной, несколько бюрократической манере, но компетентно и безошибочно.

Сильная сторона Бургхардта заключалась не в творческом планировании, а в подборе способных помощников, которым он давал полную свободу действий с ответственностью за свою работу. Таким образом, он возложил на четверых заместителей свои обязанности, или сбор секретной информации. Капитан Вольфганг Липе был кадровым офицером, занимавшимся военной разведкой. Капитан Хильмар Густав Йоханнес (Ганс) Диркс, смуглый, мрачноватый субъект со сломанным носом (результат его схватки с британским разведчиком), лет сорока с лишним, бывший страховой агент, еще до перехода в штат гамбургского отделения был агентом абвера в Брюсселе, где под руководством сначала Бургхардта, а затем капитана Герберта Вихманна занимался военно-морской разведкой. Майор Карл Преториус, специалист в национальной экономике, вел работу по сбору экономической и технической информации и по совместительству был главным вербовщиком агентов в отделении. С капитаном Николаусом Риттером, специалистом по авиационной разведке, мы уже познакомились при рассказе о его весьма выгодной поездке в Соединенные Штаты. Ему помогали доктор Науч, занимавшийся авиационными тактико-техническими данными, и капитан Герман Зандель, он же Генрих Зорау.

В бременском отделении Аст-Х упомянутый ранее организатор немецкого шпионажа в Америке капитан 1-го ранга Эрих Файффер переключился на новую деятельность, рассчитанную на долговременные результаты. Ему помогали два штатских сотрудника, уже давно работавшие на абвер. Первым был С-2115, крупный голубоглазый шатен Йоханнес Бишофф, бывший брокер, чья семейная фирма «Бишофф и компания» имела отделения в Англии и Америке и еще в годы Первой мировой войны использовалась для шпионажа. Вильгельм Ширенбек, один из компаньонов бременской экспортно-импортной фирмы «Лампе унд Ширенбек», начал работать на абвер в 1934 году, еще при Патциге, получив кодовый номер Ф-2346. Мы еще

встретим их как руководителей глобальной шпионской сети, известной как ЦХБ и дольше всех других подразделений этого отделения осуществлявшей независимые операции⁵².

Эти закаленные бойцы шпионажа создали образцовую самодостаточную шпионскую организацию. Она состояла из двух сетей, каждая из которых была предназначена для различной деятельности – одна состояла из оперативников, добывающих информацию, вторая – из вспомогательных агентов. В первой группе шпионы распределялись на две цепочки – одна для немедленного действия, другая была законсервирована на случай чрезвычайных событий. Первая называлась «цепочка Р», сокращение от *Reiseagenten*, или подвижные агенты, которые могли въезжать в Англию и выезжать из страны под легальными предлогами, такими, как бизнес или отпуск. Другая называлась «цепочка Ш», *Schweigeagenten*, спящие агенты, или «кроты». Это были, главным образом, немцы, но в их число входили также британцы и граждане стран, которые, как полагали, будут нейтральными в случае англо-германской войны. В базу организации входили «цепочка У» – резидентуры и почтовые ящики и «цепочка С» – исследователи, вербовщики и курьеры. В дополнение к этому капитан Диркс организовал дополнительную сеть вспомогательных агентов, состоящую из женщин.

В послевоенной литературе о германском шпионаже многое писалось об этой женской группе в качестве иллюстрации как коварства немцев, так и их безразличия к результатам работы. Женщин, как полагали, сотнями устраивали в дома влиятельных англичан: солидных матрон – поварами, хорошеньких блондинок – горничными; все они, предположительно, проходили подготовку в школах абвера, где их обучали столь различным предметам, как приготовление хорошего английского ростбифа и работа на коротковолновой радиации.

Хотя в эти годы сотни немцев прибыли в Англию на работу, подавляющее большинство из них были настоящими экономками, поварами и горничными и ничего общего не имели со шпионажем. В картотеках абвера я нашел лишь незначительное число таких женщин, официально зарегистрированных как агенты, – шесть работали на Бишоффа и четыре – на Диркса и Риттера. Последняя группа включала двух дам средних лет, устроившихся экономками в дома флотских офицеров, живших в пригородах Лондона. Еще одна была поварихой в Манчестере и все свободное время тратила на поиск и вербовку агентов для деятельности в центральных графствах (она фактически и разыскала Джозефа Келли). Последняя была, пожалуй, лучшей в группе, судя по тому, что сумела устроиться в дом первого лорда Адмиралтейства⁵³.

Создание столь громоздкого шпионского комплекса было трудной задачей. Времени было в обрез, приходилось спешить. Но основа организации была создана к концу 1937 года. Для получения информации были организованы почтовые ящики в Голландии и Бельгии. Пароход «Финкенау» компании «Нептун Ллайн» использовался как курьерское судно, а его капитан Гонориус Хеннинг возглавил группу связников и курьеров. Исследователи и вербовщики были расставлены как в Великобритании, так и на континенте. Можно отметить хотя бы двоих – ветеран флота Чарльз Диггинс работал среди английских матросов, а сицилийский авантюрист Калоджеро Комбатти подбирал перспективных кандидатов в Бельгии и Голландии.

Были завербованы и законсервированы несколько «кротов». Двое из них заняли видное положение в этом сумрачном мире – Артур Джордж Оуэне, экспансивный маленький валлиец, которому на роду было написано стать мастером шпионажа Второй мировой войны, и двадцатидвухлетний уроженец Восточной Пруссии Каспар Хаслингер, действовавший в Тайне, крупном судостроительном центре Нортумберленда. Реальное ядро этой замечательной предвоенной организации состояло из разъездных агентов «цепочки Р».

⁵² Она была создана в Бремене под видом бутафорской фирмы «Зееваг», и в ее распоряжении было семь агентов, пронумерованных от ЦХБ-1 до ЦХБ-7 и работавших, главным образом, в Великобритании и США. Это были Х. Цириак, Герман Лемерманн, Карл Ганзен, Герберт Осмерс, Маргарет Зор, Фридрих Кутшау, Маргарет Зиц – мощная группа высококлассных шпионов, входивших в число «лучших оперативников абвера».

⁵³ Официальное название должности министра военно-морского флота Великобритании. (*Примеч. пер.*)

Капитан Бургхардт⁵⁴ начал создание своей сети с обращения к группе перспективных кандидатов, которых он держал в резерве. Еще за два года до этого эксцентричный лондонец тридцати с лишним лет, назвавшийся в письме в абвер капитаном Фоксом Ньюмен-Холлом, предложил свои услуги в качестве шпиона и прислал в Бремен пять донесений, прежде чем ему предложили прекратить свою деятельность до отмены запрета на шпионаж против Англии. Файффер теперь попытался вновь привлечь его, но похоже, что Ньюмен-Холл передумал сотрудничать с немцами, поскольку он не ответил на несколько запросов.

Однако другой «крот» откликнулся сразу. Это был Р.Л. Бренди из Дублина, грузный раздражительный натурализованный ирландец за шестьдесят, работавший на немцев еще в Первую мировую войну, в Personalbogen которого в картотеках абвера были занесены «несколько подрывных операций во вражеских странах». Большой поклонник фюрера, Бренди в марте 1935 года приехал в Гамбург, обратился в Бюро внешней торговли и заявил о своей готовности работать на Третий рейх в любом предложенном ему качестве. Он был переадресован в абвер, где его ждал теплый прием.

Бренди пользовался уважением в своей общине и был личным другом министра обороны Ирландии, он работал инженером-консультантом на нескольких английских заказчиков и регулярно пересекал Ирландское море в связи с частыми командировками в Ливерпуль, Манчестер и Лондон. Было ясно, что у него неплохие возможности для сбора информации о техническом развитии Великобритании. Файффер предложил ему организовать свою собственную ячейку, где он был бы Hauptagent, или главным агентом. Бренди было также предложено оставаться «кротом», пока не снимут запрет на шпионаж.

В 1937 году его вызвали в Бремен, и Файффер предложил ему приступить к активной работе, возглавив автономную группу со своими агентами, связниками и почтовыми ящиками. К несчастью, Бренди скончался вскоре после возвращения в Дублин, и этот амбициозный проект был оставлен. Его вдова Гертруда вызвалась заняться организацией осиротевшей ячейки, но, как выяснилось, была годна лишь на роль связной. Были проведены замены, и ячейку Бренди заменили люди из «цепочки Р».

Все делалось оперативно. Ганс Чирра, один из первых Р-агентов, направленных в Британию, был профессиональным фотографом и работал в судоходной компании «Норт Джёрман Ллойд» в качестве судового фотографа и часто бывал в английских портах. После двух таких плаваний Чирра привез великолепную подборку снимков портовых и военных сооружений. В третье плавание летом 1937 года он отправился снабженным специальным телеобъективом, и пароход «Анкония» специально изменил маршрут, чтобы дать ему возможность посетить Спитхед и сфотографировать во время Недели флота спущенный на воду корабль Королевского ВМФ. В нашем повествовании мы еще расскажем и о других его заданиях в Великобритании.

Поиски новых агентов не прекращались. В конце концов удалось завербовать двух агентов, чьи достижения были столь высоки, а вклад в обеспечение немцев информацией о будущем противнике столь велик, что абвер, не имевший собственных медалей, наградил их почетным рангом Haupt-V-Mann, или «главный агент». Один из них был настолько засекречен, что не имел ни псевдонима, ни даже кодового номера. Он фигурировал в картотеках как Ungenannt, «безымянный», а его досье хранилось в личном сейфе Файффера в Бремене, чтобы сохранить его анонимность даже от доверенных служащих.

---

⁵⁴ Несмотря на блестящую организацию шпионажа в Великобритании, капитан Бургхардт был уволен в связи с разоблачением групп Румриха и Шакова в США в 1938 г. На его место был назначен спокойный, рассудительный и эрудированный капитан-лейтенант Герберт Вихманн, занимавший этот пост до конца войны.

Это был тридцатидевятилетний уроженец Померании, скромный, с мягкими манерами, по имени Фриц Блок. После довольно скучной работы в Германии в крупной инженерной фирме он в сентябре 1934 года переехал в Голландию и на скромный капитал в 10 тысяч гульденов открыл швейную фабрику. Его фирма «Н.В. Саблофа», располагавшаяся по адресу Хееренграхт, 168 в Амстердаме, занималась пошивом женской одежды на экспорт, главным образом в Англию. Блок женился на американке, чьи родители жили в Лондоне, что стало идеальным прикрытием для частых поездок в Англию.

Записи в картотеке начинаются с его зачисления в бременское отделение 8 ноября 1937 года. Проверка заняла лишь несколько недель, и еще через два месяца, 15 февраля 1938 года, он был направлен в Лондон. Это было обязательным пробным заданием, и Блоку было поручено, как указал Файффер в своем приказе, «осуществить фотографическую рекогносцировку определенных секретных сооружений».

Блок легко прошел проверку. Результат поездки был великолепным для новичка, он доставил подборку фотографий, схем, карт и текстов, далеко превзошедшую все ожидания Файффера. Он привез фотографии водохранилищ «Король Георг» и «Королева Мария», водонасосных станций в Стейнсе, Сарбитоне, Хэмптоне, Хэнуорте, Нью-Ривер, Хеде и Лейтоне – восьми главных объектов водоснабжения Лондона; электрораспределительной подстанции Лондонского метро и отчет о состоянии пожарной охраны. Вся эта информация была впоследствии нанесена на авиационные тактические карты номер 53 и 54, используемые при налетах люфтваффе в ходе битвы за Британию. В течение 1938 года Блок выезжал в Англию в среднем дважды в месяц, навещая тестя и тещу; он раздобыл неправдоподобное количество разведывательных данных – 130 отдельных отчетов, свыше 400 фотографий, схем и карт, включая снимки таких стратегических целей, как аэродромы в Лондоне, Сандерленде и Уолфорде, верфи в Ньюкасл-апон-Тайн и артиллерийские укрепления вокруг Дувра. Его отчеты включали информацию о неполадках в авиационной промышленности и о задержках в поставках самолетов из США, а также сведения о недавно предпринятых мерах по противодействию авиационным налетам.

Блок использовал свои старые связи, сохранившиеся с тех лет, когда он занимался инженерной работой, с такими крупными компаниями, как АЭГ, «Сименс», «Лоренц» и «Хелиуатт», а его прежний опыт работы главным инженером в «Флоренц и Ирмгард» позволял часто посещать британские порты.

Один из его собственных методов сбора разведывательной информации заслуживает отдельного упоминания. В то время британское правительство выпустило для издателей специальный список «Д» для издателей, где перечислялись определенные оборонные объекты, включая укрепления и оружейные склады, о которых запрещалось упоминать в печати. Через приятеля-репортера с Флит-стрит Блок получил доступ к списку и взял оттуда не только названия этих объектов, но также данные об их расположении и предназначении. Он также раздобыл фотографии некоторых из них. Этот изощренный шпионаж был сопряжен со значительным риском, причем исходящим не со стороны властей, а со стороны обывателей, взбудораженных сенсационными историями о всеохватывающем «нацистском шпионаже» и подозревающих каждого немца⁵⁵.

---

⁵⁵ Один случай, характеризующий эту растущую шпиономанию, произошел, когда Блок только начинал карьеру разведчика. 24 февраля 1938 г. экспериментальный двухмоторный моноплан «Виккерс-Уэлсли» (впоследствии «Веллингтон»), пилотируемый капитаном авиации Ф.С. Гардинером, в 9.15 взлетел с аэродрома Фарнборо и исчез. Когда не удалось разыскать следов этого «загадочного самолета», одного из трех британских бомбардировщиков, рассчитанных на побитие мирового рекорда беспосадочного перелета, распространились слухи, будто немцы сбили самолет на шотландском побережье, захватили обломки и вывезли их на подводной лодке. Их якобы предупредил о полете и сообщил о маршруте немецкий шпион в Фарнборо. Хотя и были некоторые основания для того, чтобы поверить в эту историю (у немцев действительно был агент в Фарнборо, сообщавший в том числе и о полетах), в бумагах абвера была обнаружена документация с опровержением принадлежности этой успешной операции, если она действительно состоялась, немцам.

Блок интуитивно чувствовал, как избежать силков этой всеобъемлющей подозрительности. Он вел себя как маленький человек без особых претензий, всецело занятый только своей работой, как в те времена, когда он выполнял инженерные обязанности, так и теперь, когда был поглощен швейным бизнесом. Как сообщал германский консул в Амстердаме в ответ на запрос абвера о Блоке: «Руководство фирмой осуществляется квалифицированно. Блока уважают как хорошего бизнесмена, честно зарабатывающего на жизнь, и, хотя он не обладает значительными средствами, он своевременно оплачивает все свои обязательства».

Как и многие другие хорошие шпионы, Фриц Блок был человеком типа Уолтера Митти, занимавшимся разведкой, чтобы избежать скуки унылой размеренной жизни. Он не был урапатриотом или убежденным нацистом, но и не работал только ради денег. На протяжении всей его шпионской карьеры абвер платил ему регулярное жалованье в размере всего лишь 300 марок в месяц.

Второй классный агент, Р-2220, был из того же теста.

Фридрих Вильгельм Каулен родился 29 ноября 1915 года в обеспеченной семье предпринимателя в Мюнхен-Гладбахе. Это был худощавый, стройный молодой человек в очках, интеллигентный, чудаковатый, несколько эмоциональный – набор качеств, не очень подходящий для того, чтобы стать первоклассным шпионом. Работая служащим в процветающей фирме своего отца, он увлекался фотографией и коротковолновой радиосвязью и проводил отпуск за границей. Летом 1937 года он посетил Англию, где пешком обошел весь Ланкашир, от северных низин до озера Дистрикт, а затем прошел на запад до Ирландского моря, повсюду щелкая своим «роллейфлексом».

Вернувшись в Германию, он показал снимки своему другу, который предложил продать их кому-нибудь, интересующемуся фотографиями сельской Англии. Вскоре Фредди Каулен появился на одной из явок абвера в Бремене и продемонстрировал свои товары Файфферу, который был поражен, поскольку на нескольких снимках были изображения аэродромов в Хейвуде и Барри, близ Манчестера, о которых немцы ничего не знали.

Файффер предложил Фредди работать на него, но затем возникли препятствия. За несколько лет до этого гестапо запеленговало нелегальный радиопередатчик в Мюнхен-Гладбахе на Альбрехтштрассе, 10, в доме Фредди. Хотя расследование показало, что юноша был лишь безобидным радиолюбителем, гестапо все же не дало разрешения на устройство молодого Каулена в штат абвера.

Тем не менее Файффер продолжал поддерживать с ним контакт и несколько раз посылал его в Англию. Фредди был слишком хорош, чтобы его потерять. У него было подлинное чутье на скрытые аэродромы, отчаянная смелость, чтобы их фотографировать, и удача, чтобы не попадаться при этом. Кроме того, он занимался Западной Англией, тогда как Блок работал на востоке.

В июле 1938 года по настоянию Файффера дело Фредди Каулена вновь было открыто. После длительного расследования с него были сняты все обвинения, гестапо сделало заключение, что «работа на тайном радиопередатчике была детской выходкой увлекающегося и безответственного радиохулигана».

Каулен официально был принят на работу в абвер 9 января 1939 года. Через несколько недель начался зловещий период, названный Канарисом *Spannungzeit*. Начался кризис, связанный с Данцигом и «польским коридором». Абвер в авангарде вермахта готовился к войне и собирал новейшие данные, необходимые армии и ВВС для завершения разработки военных планов. В то время как сотни агентов шныряли по Польше и Франции, капитан Герберт Вихманн, назначенный руководителем Аст-Х, мобилизовал всех своих полевых агентов и направил их в Англию не для поиска случайной информации, а для сбора точных и сиюминутных сведений.

В этот напряженный период, длившийся до 2 августа, Каулен совершил три поездки, каждая из которых была скрупулезно распланирована. В ходе первой поездки он вновь объехал район Ливерпуля, во второй раз посетил Пемброкшир, а в третий тур он отправился из Блэкпула, оттуда на восток к Бартону, затем на юг, где исследовал округу Манчестера.

3 августа адмирал Канарис объявил военное положение. Таким образом, абвер оказался в состоянии войны за месяц до действительного ее начала. «Кротам» были отправлены условные сигналы, означающие начало активной деятельности. Все агенты, находящиеся в резерве, были вызваны на явки. Полевым агентам были даны их последние предвоенные задания, им следовало собрать новейшие сведения об обороне противника.

В Британии абвер сконцентрировался на объектах ПВО, находящихся на пути бомбардировщиков люфтваффе. Вступил ли в действие таинственный радар? Где расположены зенитные батареи? Есть ли аэростатные заграждения? Агентам было приказано собирать целевую разведывательную информацию, заносить на карту любые подозрительные объекты, водохранилища, плотины, аэродромы – все, что могло представлять интерес для ВВС.

За этот месяц Блок и Каулен должны были обследовать каждый ключевой пункт из ранее ими обнаруженных – подобно туристам, возвращающимся в любимые места, они объехали все свои прежние маршруты. Блоку следовало прочесать всю полосу между Лондоном и Ньюкаслем, а его молодой коллега отбыл на запад. По-прежнему путешествуя под своими собственными именами и с подлинными паспортами, они прибыли в Англию 5 августа. Блок приехал из Голландии через Харвич, а Каулен отправился из Дан-Лэре, в Ирландии на пароходе, и высадился в Холихеде. Он начал свою финальную рекогносцировку на следующий день с обследования доков в Ливерпуле.

26 августа он проводил свободное время на набережной и в пабах, слушая разговоры окружающих и пытаясь оценить общественное настроение. В тот же вечер в комнате отеля на Формби-стрит он написал на имя Ханны фон Баллузек в Бремен письмо «дорогой тетушке», стандартное письмо туриста, делящегося своими впечатлениями этих напряженных и полных неопределенности дней. На самом деле это был, как называлось в абвере, *Stimmungsbericht*, отчет о моральном состоянии противника, для капитана 1-го ранга Файффера, чьим почтовым ящиком и была фрау фон Баллузек. В то время, когда даже Гитлер все еще надеялся, что Британия останется нейтральной, молодой Каулен не питал на этот счет иллюзий. «Мое путешествие закончилось, – писал он своей *Liebe Tante Hanna*. – Надеюсь, скоро увидимся».

Фриц Блок покинул Англию 28 августа самолетом АБА до Копенгагена, а затем вернулся домой в Амстердам на явку с Файффером, чтобы передать ему финальный отчет и фотографии. Каулен оставался в Англии до 2 сентября, до последней минуты, и отбыл из Холихеда пароходом, отправляющимся в 20.30. В Ирландии он быстро проехал на западное побережье, где его ожидало немецкое судно «Тезей» с мощным передатчиком на борту. Ему так и не удалось воспользоваться рацией. «Тезей» отплыл на рассвете, и всего через шесть часов, когда судно было в заливе Гэлуэй, Каулен услышал по радио, что Великобритания вступила в войну с Германией. Их судно прорывало блокаду с приказом соблюдать радиомолчание.

Через неделю на явке с Файффером Каулен передал ему свой финальный отчет. Это был шедевр сбора разведывательных данных – 98-й отчет за год, в течение которого он провел в Англии девяносто восемь дней.

«С 5 февраля по 2 сентября 1939 года, – писал позднее Файффер в представлении Фредди к Железному кресту, – разведчик Каулен выполнял свою миссию целеустремленно и с большим успехом, разведывая и фотографируя стратегические цели без страха. Благодаря его действиям были обнаружены несколько ранее неизвестных аэродромов ВВС Великобритании. На основании его детальных отчетов стало возможным реконструировать систему ПВО Великобритании, нанести на карты расположение зенитных батарей, аэростатных заграждений

и противоздушных прожекторов в западной части Центральной Англии в районе от Линни-Хед в Пемброкшире до Ланкашира на севере».

Но представление пропало втуне. Фредди Каулен был всего лишь секретным агентом, а только солдаты и матросы, непосредственно принимающие участие в боевых действиях, могли быть награждены Железным крестом⁵⁶.

У Канариса была манера вмешиваться только в те дела, которые лично интересовали его. В период плавной эволюции абвера с 1935-го по 1939 год он делал все для развития тех отделов шпионского ведомства, которые «обеспечивали» сухопутные силы и ВВС. В ходе этого процесса Канарис сблизился с полковниками шпионажа и диверсий и оказал им всю необходимую поддержку. Но такой же близости с капитанами отделения М-1, военно-морской разведки, у него не было. Они работали в полном забвении и пренебрежении, находясь в тени столь известных доверенных лиц Канариса, как Пикенброк, Лахузен, Гроскурт и Ханзен, армейских офицеров в штате адмирала-отступника.

К счастью для Канариса, среди руководителей военно-морской разведки у него была пара разумных и компетентных кадровых офицеров, успешно работавших и в состоянии забвения.

Руководителем отделения М-1 с 1935 года был капитан 1-го ранга Герман Мендель, сухощавый, круглолицый лысоватый мужчина, чуть старше пятидесяти. Его заместителем был капитан 2-го ранга Удо фон Бонин, элегантный офицер, в отличие от Менцеля, который выглядел штатским даже в синем парадном флотском мундире.

Поскольку военно-морская политика фюрера не имела столь твердого обоснования и ясных целей, которые были у других военных проектов, а ни одна секретная служба не действует в вакууме, отсутствие четких планов препятствовало развитию военно-морской разведки.

Но даже в этих условиях отделение М-1 на основе собственных средств и своими силами плело шпионскую паутину с использованием командного состава торговых судов для сбора информации. Это делалось медленно и незаметно, и в конечном итоге весь торговый флот Германии превратился в орудие абвера. Это была так называемая ДК-группа (сокращение от *Dampfer-Kapitänen*, или шкиперы торгового флота). Она состояла из шкиперов, старших или первых помощников капитанов или радистов, служащих на судах компаний «Гамбургско-Американской линии», «Норт Джёрман Ллойд», «Нептун», «Ганза», «Арго» и «Левант», а также многих других меньших по размеру судоходных компаний. Они были официально причислены к абверу и занесены в списки агентов с псевдонимами и кодовыми номерами.

Наиболее замечательной и самой важной была организованная капитаном Менцелем операция с целью заполнить пробелы в сведениях его отдела о береговой линии Британии. К середине 1939 года было уже слишком поздно (и слишком опасно перед лицом усиления мер безопасности) засылать агентов в английские порты или военно-морские базы для сбора новейших сведений о портовых сооружениях. На ДК-группу легла задача по сбору информации о портах, кораблях и сооружениях, которые через несколько недель стали целями налетов люфтваффе и атак подводного флота.

Трое ДК-агентов особенно отличились на этом этапе действий. В результате нескольких плаваний в английские порты в первые восемь месяцев 1939 года капитан Киршенлор и капитан Шмидт доставили подробные карты портов Гринвич, Даденхем, Грейвсенд, Перфлит, Плимут, Суонси, Барри, а также схемы всех портовых сооружений в устье Темзы. Их отчеты включали в себя новейшую топографическую и гидрографическую информацию, детальное описание портовых сооружений и того, что они называли «портовыми укреплениями», а также полный учет кораблей в порту. Интеллигентный и энергичный Киршенлор, начинавший с

---

⁵⁶ Каулен оставался в абвере всю войну и в конце концов получил эту награду за службу в качестве радиста на одном из германских шпионских кораблей в канун вторжения в Данию и Норвегию весной 1940 г.

работы «наблюдателя», зашел даже дальше сбора чисто военно-морской информации. В каждом рейсе он находил время на посещение пабов, где прислушивался к частным разговорам, а также устраивал общие беседы как со знакомыми, так и с незнакомыми людьми. Затем он доставлял так называемые *Stimmungsberichte*, или обзоры морального состояния и настроений простых англичан в эти напряженные дни накануне войны.

Капитан Франц был третьим из этой элитной группы. Поскольку он действовал в Средиземном море и был приписан к Триесту в Италии, абвер получал от него сведения, добытые в плаваниях в такие ключевые стратегические пункты, как Александрия в Египте и Ла-Валлетта на Мальте – главные базы британского флота в Средиземноморье. Он получил инструкции следовать как можно ближе к военно-морским соединениям и наблюдать за их тактическими учениями, перехватывая их радиосвязь.

Таким образом, ДК-агенты собрали разведданные обо всей британской береговой полосе от Керкуолла на Оркнейских островах до Пензанса в Уэльсе у мыса Лендс-Энд, а также о средиземноморском флоте Великобритании.

Сама же инициатива составления отчетов обо всем увиденном принадлежала не им, а руководству отделения М-1, организовавшему разветвленную *Befragungsdienst* (службу опроса), где специально обученные офицеры опрашивали ДК-агентов, получая и обрабатывая имеющиеся у них сведения. Центры этой службы опроса находились в немецких портах на Северном и Балтийском морях, а также и за рубежом. В Антверпене большая группа опроса работала под руководством капитана Карла Мора, старого моряка, ставшего одним из резидентов абвера в Бельгии. В голландской группе все сотрудники абвера, за исключением одного, были голландцами⁵⁷.

Помимо ДК-агентов капитан Менцель отправлял на некоторые из судов торгового флота специально подготовленных кадровых агентов со специальными заданиями. Когда штаб ВМФ заинтересовался островом Уайт, он поместил на пароход «Шарнхорст» своего кадрового шпиона, фотографа средних лет, который вернулся из рейса с детальным отчетом о своих наблюдениях и с фотографиями «береговых оборонительных сооружений» в Каусе, известном месте отдыха яхтсменов, и в Райде. На обратном пути он сделал и несколько снимков в Портсмуте.

Два агента были направлены в устье Клайда. На борту одного из торговых судов, совершавшего рейсы в Портсмут, находился радист, прослушивавший радиопереговоры британских ВМС. Благодаря его работе была составлена подробная картина радиокommunikаций флота в период мобилизационной готовности. Еще один агент на торговом судне, специально направленном в Англию, вернулся с отчетом о плавбазе флота в Харидже. Одно из наиболее продуктивных плаваний секретного агента было предпринято на судне компании «Арго». Он доставил схему защитных сооружений против атак подводного флота в устье форта и детальные отчеты о портах Лёвен, Букхафен, Дунфермлин и Мусселбург.

После войны гросс-адмирал Дёниц раскритиковал всю эту деятельность, заявив в своих мемуарах, что «разведслужба адмирала Канариса... не предоставила командованию подводного флота ни грамма полезных разведывательных данных». Это уничтожающее обвинение было явно ложным, и его корни лежали в начале тридцатых годов, когда Дёниц неблагополучно служил под началом Канариса.

ДК-группа конечно же была не единственным и не основным разведывательным источником германского ВМФ. Но вопреки категорическому заявлению Дёница, многие, если не все ее отчеты поступали в огромную базу данных, в целом используемую штабом ВМС. Особенно

---

⁵⁷ Исключением был немец, номинально числившийся служащим в местном филиале концерна Круппа в Нидерландах. Только в Роттердаме было семь «опросчиков», специализирующихся на Англии. Один агент, работавший на абвер по контракту, сам подобрал группу «опросчиков» из восьми человек.

командование подводным флотом очень скоро стало использовать эти данные при планировании операций в ходе войны.

Она пришла в Англию в 11.00, ясным солнечным воскресным днем 3 сентября 1939 года, когда затих перезвон колоколов в лондонских церквах. Премьер-министр Невилл Чемберлен медленно, твердым голосом объявил по радио: «Я говорю с вами из зала Совета министров на Даунинг-стрит, десять. Наша страна находится в состоянии войны с Германией».

Часть третья ЛИСИЦЫ ИДУТ НА ВОЙНУ

Глава 14 ДЖОННИ РАДИРУЕТ С «ПЛОЩАДКИ ДЛЯ ГОЛЬФА»

В ночь на 28 августа 1939 года, за несколько дней до начала войны радист по имени Гейнц Валенти, голубоглазый, с мальчишеским лицом, сидел за коротковолновой рацией в одной из двадцати звукоизолированных кабин в бетонированном подземном радиоцентре. Каждый из радистов прослушивал свою частоту в ожидании сообщений от многочисленных агентов абвера, разбросанных по всей Западной Европе.

На поверхности центр выглядел как обычное поместье в Вольдорфе, тенистом городке, примыкающем к городской черте северного Гамбурга. Это было построенное майором Вернером Траутманном, напичканное электроникой чудо техники, служившее для поддержания радиосвязи с агентами абвера, снабженными Klamotten (хлам), как на абверовском жаргоне назывались портативные приемопередатчики «Телефункен», внедренные в практику адмиралом Канарисом. Уже две недели радисты скучали в подземном бункере особняка, купленного абвером для радиокоммуникаций тогда, когда стало ясно, что атмосферные условия в районе Берлина не обеспечивают надежного приема. Два огромных бункера были сооружены для защиты радистов на случай нападения или бомбежки. Как только Канарис объявил по абверу боевую готовность, все радисты перебрались под землю, где и оставались вплоть до того весеннего дня 1945 года, когда английские войска заняли Вольдорф и выкурили их оттуда.

Радист Валенти был одним из асов подразделения майора Траутманна, у всех операторов которого в дополнение к мастерству было еще и шестое чувство при работе на аппаратуре. Они безошибочно узнавали «почерк» агента и могли по манере работы сразу отличить одного от другого. В случае, если бы кто-то попытался выйти на связь под видом какого-либо из агентов, они наверняка бы обнаружили подмену.

Валенти было поручено установить связь с А-3504. Он ждал на указанной частоте с полуночи, стараясь услышать знакомые точки и тире, слагавшиеся в позывные. Ночной эфир был чистым и прозрачным, наполненным какими-то порой загадочными звуками. Немцы передавали директивы, вводящие чрезвычайное положение, или беседовали с невидимыми партнерами, которых знали только по кодовым номерам или кличкам. Впервые радиосвязь столь широко использовалась в разведке. В эфире царило столпотворение, предвещавшее войну, наполняя тех из нас, кто перехватывал разговоры, тревогой и недобрыми предчувствиями⁵⁸.

Где-то далеко звучали сигналы морзянки, еле слышные точки и тире. По-видимому, какое-то рыболовное судно пыталось связаться с ДАН, мощной германской радиостанцией в Нордейке. Звучала обычная какофония звуков, сигналы налагались и перебивали друг друга. Одно сообщение смешивалось с другим.

Ровно в 4.30 утра 28 августа Валенти вдруг узнал знакомый почерк агента, которого он обучал в течение долгих изматывающих уроков (поскольку агент был крайне нетерпеливым и раздражительным учеником). Это был короткий, снова и снова повторяющийся сигнал, означавший, что агент пытался установить связь с Вольдорфом: его позывной и две трехбуквенные группы – ALB... SSD... QRV, означавшие, что агент с кодовым номером ALB готов передать особо срочное сообщение. Само кодированное сообщение, которое удалось разобрать, состо-

---

⁵⁸ В Нью-Йорке станция радиопрослушивания фиксировала такую активность в эфире в течение всех этих кризисных дней.

яло из пятизначных групп: CCHRI JAZTP GHIJN APXZF TSOEN MOPRN AHFTZ XZGNL EOSPR UNKPS XZYWN. Затем следовала незашифрованная фраза по-английски: «До связи завтра».

Валенти вырвал из блокнота листок с записью, помчался в кабину прямой связи с гамбургским управлением абвера на Зофиентеррасе и сообщил своему абоненту:

- Ваш парень вышел на связь. Я получил сообщение.
- Что там? – спросил капитан Риттер, с нетерпением ожидавший донесения от А-3504.
- Пока не знаю, герр капитан. Я еще не расшифровал его.
- Позвоните мне сразу же, как сделаете это.

Ничем не примечательный передатчик, с которого пришла радиограмма, был тем не менее весьма заметным. Это был единственный передатчик абвера в Англии.

Кингстон, рядом с Ричмонд-парком, респектабельный жилой район в одиннадцати милях к юго-западу от центра Лондона, едва ли был подходящим местом для таких «шалостей». Дом, в котором находился передатчик, был темным и безмолвным, как и все остальные здания под сенью колокольни церкви Всех Святых, где когда-то короновались саксонские короли. Все их жилища, замотанные драматизмом обстановки и кризисом, безмятежно спали, оставив заботу о своей судьбе людям с Уайтхолл.

В комнате, выходящей в задний дворик, за задернутыми занавесками при неярком свете торшера, освещающем уложенную в чемоданчик рацию, сидел невысокий темноволосый мужчина с крючковатым носом и быстро стучал ключом Морзе. Это и был «наш человек на площадке для гольфа» – немецкий агент в Англии, передающий по радиации свое первое сообщение.

Как вам может сказать любой шпион, есть таинственное возбуждение в этом моменте, к которому тщательно готовили каждого агента. Шпионы – самые одинокие создания, подобные маленькому суденышку в океане, идущему своим собственным курсом. Как только они выходят в эфир, давящее чувство одиночества исчезает. Они чувствуют, что, наконец, они нужны, что люди на другом краю земли жаждут услышать их.

За несколько дней до того, как адмирал Канарис вверх свое ведомство в состояние войны, капитан Риттер дал инструкции низкорослому человеку в Кингстоне произвести серию пробных радиосвязей. Риттер установил контрольное время с 4.00 до 4.30 утра и первый выход в эфир назначил на 28 августа.

Было уже 5.10 утра, когда Валенти вновь подошел к телефону с наконец расшифрованной радиограммой: «Непонятно караван кораблей резерва ВМФ отправляется из Портсм... в Гибралтар непонятно семь тридцать».

Информация была не очень значительна. И при передаче были серьезные искажения. Но Риттер был удовлетворен. Это было его дитя, он звал его Джонни и присвоил ему кодовый номер А-3504 в своей картотеке высококлассных разведчиков.

Джонни нашел свой путь в абвер в 1936 году с такими «верительными грамотами», которые были слишком хороши, чтобы им можно было верить. Его звали Артур Джордж Оуэне, и он стал шпионом, чтобы удовлетворить свои политические фантазии и личные нужды. Он родился в Уэльсе в 1899 году, перебрался в Канаду, в 1933 году вернулся в Англию, где некий Ганс Гамильтон, директор фирмы «Экспендид метал компани», заинтересовался изобретенным Оуэнсом аккумулятором нового типа, который мог быть применен в британском ВМФ. Его взяли на работу в «Экспендид метал» в качестве консультанта-электромеханика, а позднее Гамильтон помог открыть Оуэнсу свое дело – фирму «Оуэне бэттери эквипмент компани» для продажи некоторых его изобретений. На эти доходы он мог жить безбедно в Хэмпстеде с женой и ребенком. Однако тихое семейное счастье было не для него, и, хотя по акценту и образу жизни он был валлийцем, по убеждениям он не был конформистом. Обаятельный, непостоянный, безответственный и продажный, он жил не по средствам, всегда нуждаясь в деньгах на низкопробных любовниц и на шотландское виски, к которому питал чрезвычайное

пристрастие. Ему нравилась роль коммивояжера, и он постоянно разъезжал, регулярно бывая в Голландии, где поддерживал деловые связи с гигантским концерном «Филипс», а также в Бельгии и изредка в Германии.

Из таких поездок он возвращался с технической информацией, которую передавал Адмиралтейству, пока не решил в начале 1936 года, что можно получать деньги за эти сведения, вместо того чтобы отдавать их бесплатно. Разведывательное управление ВМФ проявило интерес к сотрудничеству с ним на постоянной основе, и Оуэне был представлен полковнику Пилу из СИС, который завербовал его.

Вскоре Оуэне разочаровался в своих нанимателях, отчасти из-за высокомерного отношения к нему полковника Пила, но главным образом из-за прижимистости своих шефов. Это недовольство способствовало пробуждению в нем валлийского национализма и ненависти к англичанам. К концу 1936 года это сочетание недовольства Пилом, ненависти к англичанам и неприязни к СИС породило в нем жажду мщения.

Как шпион Оуэне мог многое предложить немцам. Его фирма заключила несколько контрактов с Адмиралтейством, он мог там бывать практически в любое время, он регулярно посещал такие важные объекты Королевских ВВС, как экспериментальные базы в Фарнборо и Хендоне, знал многие из тщательно охраняемых секретов авиации и флота.

Он мог предложить немцам и более того, среди его друзей были ярые валлийские националисты, некоторые из них занимали ключевые посты на таких заводах, как «Шорт бразерс» в Рочестере и «Роллс-Ройс» в Ковентри. Он мог создать из них шпионскую сеть и возглавить ее, если только удастся связаться с немцами, не вызвав у СИС подозрений в предательстве.

Для этого лучше всего подходил действовавший в те годы в Лондоне общественный клуб для немцев, прислуживавших в английских домах, созданный немецкий трудовым фронтом. Он стал частым посетителем заведения, якобы для того, чтобы заводить знакомства с хорошенькими немецкими горничными, а на самом деле для того, чтобы выйти на германскую разведку.

Как оказалось, выбор клуба на Кливленд-Террейс был удачным. Директор клуба светловолосый немец Петер Фердинанд Брюннер был лондонским резидентом, сотрудником подразделения капитана Диркса из гамбургского отделения абвера, и занимался сбором информации через немок, служивших в лондонских семьях.

Оуэне стал изливаться Брюннеру в своих симпатиях к Германии, рассказал о частых поездках в Гамбург и Кельн.

– Вы не могли бы рекомендовать меня кому-нибудь из ваших друзей, с которыми я мог бы познакомиться там, – сказал он. – Иностранцу ужасно тоскливо коротать время в этих чертовых гостиницах.

Через несколько недель, в одно из посещений Оуэнсом клуба, Брюннер подошел к нему.

– Вы просили найти для вас друзей в Германии. Так вот, у меня есть один. Он, как и вы, инженер и много разъезжает. Когда в следующий раз поедете в Брюссель, дайте мне знать, и я организую встречу двух одиноких приезжих. Его фамилия Пайпер, герр инженер Конрад Пайпер.

Оуэне не сомневался, что Пайпер работает в абвере. Он быстро организовал деловую поездку и, считая, что надо набить себе цену, заказал номер в лучшем брюссельском отеле «Метрополь» на площади Брукер. Он позвонил по полученному от Брюннера телефону, и ему сообщили, что герр Пайпер будет в Брюсселе на следующий день и, по случайному совпадению, остановится в том же «Метрополе».

Пайпер появился, но ограничился лишь следующим заявлением:

– Я не уполномочен моей фирмой обсуждать конкретные деловые вопросы. Я предлагаю вам поехать в Гамбург и связаться с моей фирмой «АГ Хиллерманн». Мы занимаемся элект-

троговарами и, я уверен, заинтересуемся вашими аккумуляторами, если они действительно так хороши, как вы говорите. Кстати, – добавил Пайпер, – в Гамбурге вы будете гостем нашей фирмы. Позвоните в мою фирму и спросите г-на Мюллера. Это наш специалист по аккумуляторам и к тому же весьма светский человек. Он позаботится, чтобы вы хорошо провели время.

В Гамбурге (где, в свою очередь, абвер стремился произвести на него впечатление) его поселили в фешенебельном дорогом отеле «Фир яресцайтен» на Альптер, и он встретился с «герром Мюллером», чтобы обсудить деловые вопросы.

В действительности его принял капитан Диркс, наконец, он смог перейти к делу – оба собеседника прекрасно знали, чего они хотят. Оуэне предложил свои услуги абверу, и Диркс согласился принять его в штат абвера.

После этого состоялось несколько явок – в Кельне, Брюсселе и Антверпене, куда Оуэне приезжал по делам, но больше не в Гамбурге. Диркс решил держать его в отдалении, избегая встреч на собственной территории. Оуэне, внесенный в списки абвера под номером Ва-1002, решил сохранить связь с СИС, сведя до безопасного минимума свои контакты с полковником Пилом, но работать только на немцев. Он решил, что будет разумным не знакомить немцев с параллельной линией своей тайной жизни.

Диркс, который почти всю свою сознательную жизнь провел в разведке и принципиально никому не доверял, подозревал, что маленький валлиец мог быть заслан англичанами, но со временем его настороженность улетучилась. Оуэне выглядел столь бесхитростным и так искренне демонстрировал свои немногие достоинства и многие пороки, и в трезвом, и в пьяном виде откровенно выражал свою англофобию, что в конце концов Диркс поверил ему и без особой проверки, за исключением нескольких простых ловушек, обычно применяемых для разоблачения шпионов и засланных агентов.

Оуэне безупречно выдержал эти испытания, включающие и языковой тест, который решил устроить ему Диркс. Новый агент утверждал, что не знает ни одного иностранного языка, тем более немецкого, с которым он испытывал особые затруднения, пытаясь выучить, чтобы привлечь новых клиентов. Однажды на явке в Гамбурге Диркс, диктуя секретарше, тем же голосом произнес:

– Внимание. Я сейчас опрокину торшер на голову этого человечка.

Он наблюдал за реакцией Оуэнса на эту фразу, но тот выглядел совершенно безразличным. Затем Риттер поднялся и с деланой неловкостью опрокинул торшер, внимательно глядя, как тот падает на голову Оуэнса. Валлиец явно этого не ожидал. Он подпрыгнул, как ужаленный тарантулом, а его испуганное выражение лица и искренние проклятия были тем самым доказательством, которое требовалось Риттеру.

Все явки Диркса с Оуэнсом были результативными. Валлиец привозил интересные сплетни о ключевых фигурах Адмиралтейства и министерства ВВС, а также интересную техническую информацию. Но это было далеко не то, что требовалось Дирксу, который служил в отделе военно-морской разведки гамбургского отделения абвера. Но знания валлийца о флотских делах были весьма незначительными, а его связи с Адмиралтейством очень непрочными.

С другой стороны, он поддерживал серьезные деловые отношения с министерством ВВС и часто бывал на самых охраняемых секретных объектах военной авиации, а также хорошо разбирался в авиационной промышленности. На одну из явок Диркс прибыл с человеком, которого интересовало именно то, чем в изобилии располагал Оуэне, и представил его как «доктора Рантцау» из экспортно-импортной фирмы «Рейнгольд и К⁰». Хотя они оба отлично понимали, чем на самом деле занимаются, капитан по-прежнему неуклюже маскировался под бизнесмена.

«Доктором Рантцау» был капитан Николаус Риттер, только что прибывший из Гамбурга, и начиная с этого летнего дня 1937 года Оуэне работал на Риттера, став его самым ценным агентом. Последний также вел теперь двойную жизнь – руководя шпионажем, он по большей части работал как бизнесмен. На его столе в кабинете четвертого этажа дома на Зофиентер-

расе стояли четыре телефона, пользоваться которыми мог только он. Каждый из телефонов был зарегистрирован на одну из коммерческих фирм, которые были его крышей, располагаясь в разных районах деловой части Гамбурга. Одной из них и была «Рейнгольд и К⁰», сотрудником которой Диркс представил Риттера, а из ее двухкомнатной конторы Риттер руководил деятельностью Оуэнса.

Под руководством Риттера Оуэне стал «кротом», то есть «спящим» агентом, или законсервированным на случай действительно чрезвычайной ситуации или войны между Германией и Англией. До этого он должен был встречаться с Риттером в Голландии, Бельгии или в Гамбурге под прикрытием своего легального бизнеса, организованного абвером. На явках он должен был сообщать добытую им информацию устно. Он мог выходить на Риттера только в случае крайней необходимости. Для такой связи был разработан специальный шифр и был выделен почтовый ящик номер 629 на главпочтамте Гамбурга.

Так продолжалось до конца 1937 года, когда на очередной явке с Риттером Оуэне предложил законсервировать его полностью до чрезвычайных обстоятельств. Предложение выглядело разумным, и Риттер согласился.

На самом деле для такого предложения были весьма серьезные основания. Он прибыл на явку с Риттером сразу же после первого в его карьере шпиона серьезного кризиса, грозившего ему гибелью. По некоторым причинам полковник Пил невзлюбил Оуэнса, и эта неприязнь была столь же сильна, как и расположение к нему немцев. Хотя у полковника не было веских оснований не доверять Оуэнсу, он поручил специальному отделу Скотленд-Ярда на всякий случай присматривать за валлийцем.

После этого за Оуэнсом время от времени устраивали слежку, и на первых порах наблюдение не давало результатов, главным образом потому, что велось в Англии и не могло зафиксировать его зарубежных встреч с Риттером. Результат дало наблюдение за почтой Оуэнса. Специальный отдел перехватил одно из его писем, адресованных на почтовый ящик номер 629 в Гамбурге. Хотя само по себе письмо казалось безобидным и в нем лишь назначалась встреча «доктору Рантцау» через несколько дней, но английская контрразведка знала, что почтовый ящик номер 629 принадлежит абверу, и этого было достаточно, чтобы заинтересоваться отправителем письма.

Ему не препятствовали в поездке за границу, но установили тщательную слежку, которая дала необходимые доказательства. Двум детективам было поручено посетить Оуэнса и пригласить его пройтись с ними в Скотленд-Ярд, как деликатно назывались подобные аресты на языке британских служб безопасности. Оуэне опередил их. Сверхчувствительной интуицией шпиона валлиец догадался о слежке во время этой поездки и, чтобы отвести угрозу, решил сделать первый шаг.

Он явился к полковнику Пилу и выдал ему легенду, подготовленную на такой случай. Вот как эта история изложена в справке, подготовленной английской контрразведкой МИ-5.

Сноу (кличка Оуэнса в СИС) сообщил, что познакомился на деловой почве с немецким инженером по фамилии Пайпер и попытался получить от него некоторую информацию. Переданные Пайпером сведения были не совсем удовлетворительными, а на дальнейшую оплату информации у Сноу не было денег. Тогда, как Оуэне рассказывал Пилу, Пайпер предложил ему работать не на англичан, а на немцев. Оуэне заявил, что согласился на это предложение, «чтобы внедриться в немецкую секретную службу в интересах Британии». Пайпер организовал ему встречу с немцами, и таким образом, по словам Оуэнса, он стал агентом абвера.

Пил не поверил ни единому слову Оуэнса и сказал, что не имеет иного выбора, кроме как поручить агентам специального отдела арестовать его как платного немецкого шпиона. Но Оуэне в своей обычной манере, с полуприкрытыми глазами спокойно ответил:

– Я сомневаюсь, что вы так поступите, сэр. Вы не сможете арестовать меня без того, чтобы вовлечь в процесс и Интеллидженс сервис в качестве свидетеля защиты по делу британского агента.

Как сообщалось в справке МИ-5 по этому делу: «Были трудности в привлечении Сноу к уголовной ответственности в связи с его предшествующими отношениями с СИС». Таким образом, против него не было предпринято никаких мер.

Ему было позволено свободно выезжать, заниматься делами как в Англии, так и за границей и даже, как и прежде, посещать секретные объекты ВВС. Поскольку он продолжал работать на СИС, словно ничего и не произошло, специальный отдел исключил его из списка подозреваемых.

Но Оуэне представлял собой редкое явление в этих кругах: у него было нечто сродни маниакальной тяги к шпионажу, которой он не мог противостоять даже перед лицом смертельной опасности. Он конечно же больше не посылал писем на почтовый ящик номер 629 в Гамбурге, но его связь с «доктором Рантцау» стала еще теснее.

Риттер со своей стороны всерьез воспринял просьбу Оуэнса законсервировать его и не требовал от него никакой информации. Он всякий раз, когда валлиец приезжал в Германию, встречался с ним, но лишь для того, чтобы хорошо провести время в злачных местах портового города.

У Оуэнса были сибаритские наклонности, и Риттер быстро обнаружил, что его подопечный испытывает тягу к дамам и выпивке. Немец, желая сохранить Оуэнса в своем активе на время «великих дел» в будущем, щедро обеспечивал его и теми и другим, и вскоре их деловые отношения приняли форму пирушек. Риттер (в сопровождении своей секретарши, которую он на этих вечеринках называл фрейлейн Буш) и Оуэне (вместе с девицами, которых доставлял ему абвер) постоянно кутили то на Мюнхнер-Киндл, то в клубе «Валгалла» на Репербан, гамбургском районе «красных фонарей». Они обычно проводили вечер на Киндл, а затем Оуэне самостоятельно направлялся в «Валгаллу». Ему нравилась мишурная обстановка клуба и система настольных телефонов, позволяющая Оуэнсу устанавливать контакты с дамочками, сидящими за соседними столиками и ожидающими звонка или звонящими одиноким посетителям.

Эволюция делового человека, занимающегося электротоварами, в абверовского шпиона в Англии шла в соответствии с планом. Риттер и «фрейлейн Буш» искренне симпатизировали своему маленькому валлийцу, которого так легко было развлекать и который в свою очередь порой развлекал их мелодичными грустными валлийскими народными песнями, напевая их в доме Риттера приятным тенором.

В январе 1939 года этим проказам пришел конец.

В абвере была объявлена очередная предкризисная чрезвычайная обстановка. На этот раз по личному указанию Гитлера абвер подключился к подготовке следующего этапа плана фюрера – к окончательному сокрушению Чехословакии с оккупацией Богемии и Моравии, назначенной на март. Наряду с этим назревала война Польшей из-за Данцига и «польского коридора». Наступило время напряженной работы. Все отделения как на западном, так и на восточном направлениях работали день и ночь. Гамбургское отделение стало напоминать пчелиный улей. Было невозможно предугадать реакцию Лондона на нарушение подготовленного Чемберленом Мюнхенского пакта и на захват Чехословакии, территориальную целостность которой этот договор должен был обеспечивать. Следовало предусматривать наихудший вариант развития.

Все полевые агенты были приведены в состояние полной боевой готовности с заданием осуществить максимально полную рекогносцировку Британских островов прежде, чем ограничения на выезд, неминуемые в случае войны, сведут на нет возможности их передвижения. Риттер, в свою очередь, направил двух лучших агентов – промышленника Гюнтера Рейдта и

Саймона-Хобо⁵⁹ обратно в Англию, а также, последнее, но не наименьшее, сообщил Джонни, что подошло время вступить в игру.

Во время своих наездов в Гамбург в промежутках между «дамами и выпивкой» Джонни обучался также некоторым шпионским техническим приемам у капитана Юлиуса Рёкеля, руководителя полевой агентуры у капитана Риттера, а также освоил с помощью радиста Грейна работу на портативной рации. В конце января Риттер решил нелегально ввезти в Англию одну из Klamotten. Самая последняя модель радиоприемопередатчика была доставлена в Лондон с дипломатическим багажом и с заданием руководителю курьерской службы германского посольства сдать «чемоданчик» в камеру хранения вокзала Виктория и отправить квитанцию на новый адрес Джонни. Он к тому времени бросил жену и ребенка ради англичанки немецкого происхождения и жил с нею в доме в Кингстоне, избранном им в качестве базы для своей нелегальной деятельности.

Оуэне получил квитанцию по почте и забрал «чемоданчик» 7 февраля. Хотя, кроме общего сигнала боевой готовности, он не получил от Риттера никаких специальных распоряжений, по своей инициативе подготовился к активной разведывательной деятельности.

«Картотека Сноу», или данные о деятельности Оуэнса в его деле в МИ-5, об этом периоде шпионской карьеры Джонни не сообщают ничего определенного:

«По существу, с конца 1936 года и до начала войны Сноу работал только как непосредственно немецкий агент, чья деятельность, хотя и была известна властям, не пресекалась в какой-либо значительной мере... В течение трех лет, с 1936-го по 1939-й, он действовал в Англии как резидент абвера. Хотя мы не можем быть уверены в данном отношении, по его данным, он сообщал немцам, что создал сеть из 12–15 агентов. Скорее всего, хотя и не наверняка, эта сеть была плодом его воображения».

Но Джонни на самом деле создал феноменальную разведывательную группу под носом у СИС, МИ-5 и специального отдела Скотленд-Ярда. Сегодня нам документально известно об этом из досье Джонни в архивах абвера и из рассказа капитана Риттера мне в 1969–1970 годах, когда я представил ему фотокопии «переписки» между ним и его лучшим агентом в Англии.

Не все его начинания в тот период принесли реальные результаты. Так, он установил контакты с некоторыми деятелями британского союза фашистов на Дакетт-стрит, не с целью их вербовки в качестве шпионов, а для ведения пропаганды. Схема предусматривала установку с помощью немцев четырех радиопередатчиков на Британских островах и использование их в случае начала войны для ведения так называемой «черной пропаганды» на британских радиослушателей.

План был категорически отвергнут его друзьями-чернорубашечниками, не желавшими вести какую-либо деятельность, которая могла бы в военное время нанести вред Англии. Тем не менее Оуэне сумел создать шпионскую сеть из экстремистски настроенных валлийских националистов, а его информаторы располагались в 35 стратегически важных пунктах⁶⁰.

В начале августа в сопровождении своей сожительницы и друга Александра Майнера, кандидата на вербовку Риттером, Оуэне прибыл на континент, совмещая деловую и развлекательную поездку. Это было прикрытием реальной цели путешествия – встречи в Гамбурге со своими немецкими боссами, где Джонни должен был получить последние инструкции на случай войны.

---

⁵⁹ Уолтер Саймон, или Саймон-Хобо, был авантюристом лет пятидесяти и асом Риттера в Англии. Позднее он провалился при повторном появлении.

⁶⁰ Они находились в Суонси, Саутгемптоне, Одиэхэме, Вустере, Бриксеме, Пэдстоу, Илфракоме, Эксетере, Югеле, Уорминстере, Бристоле, Глостере, Бистерере, Рочестере и Оксфорде, Эйвонмауте, в Кеттерик-Кэмп в Олдершоте, Саутэнде, Дувре, Харвидже, Фолкстоне, Портсмуте, Кэддингтоне, Нортхолте, Хендоне, в порту Пемброка, в Четем-Патни-Хилл (где располагался центр связи ВВС), в Кинли, Фарнборо, Ливерпуле, Уэст-Хартлпуле и в пригородах Лондона Ил форде и Ричмонде.

Он и сам с нетерпением ждал встречи, желая изложить Риттеру разработанную им чрезвычайную схему. Она включала в себя внедрение в британские органы безопасности и в действительности позволила ему работать под этим прикрытием в течение двух лет после начала войны. По существу, Джонни сделал МИ-5 своей сообщницей, помогавшей снабжать абвер важной информацией, минуя созданные войной барьеры.

К осуществлению плана Оуэне приступил сразу же после возвращения в Кингстон. По указанию Риттера он должен был опробовать свой радиоприемопередатчик, после того как услышит свою любимую песню «Du, Du liegst mir im Herzen», исполненную дважды подряд в ночной программе популярной немецкой музыки, вещаемой на Англию.

Песня была дважды исполнена вскоре после полуночи 28 августа. В то же утро в 4.30 Джонни провел свою первую передачу. Следующим утром в 4.15 он вновь вышел на связь, передавая метеорологическую информацию – очень подробную, со всеми данными, которые могли потребоваться немецким авиации и флоту: погода в Англии с указанием температуры воздуха, атмосферного давления, высоты облачности, видимости, осадков, направления и силы ветра.

Качество приема в Вольдорфе было по-прежнему плохим. Небо было облачным, атмосферное электричество искажало сигналы. Валенти все же сумел разобрать метеорологическую сводку и переправил ее по телетайпу на Зофиентеррасе для Риттера с небольшой ноткой триумфа: «Несмотря на сложные условия, радиограмма была принята без искажений и расшифрована. Связь с агентом 3504 установлена. Мы можем гарантировать в будущем удовлетворительную связь».

Джонни выходил на связь по расписанию. Дважды в день он передавал сводки погоды. 2 сентября, когда вермахт уже воевал в Польше, но Гитлер все еще надеялся, что Англия и Франция не будут вмешиваться, Джонни вышел в эфир с двумя ССД – особо срочными сообщениями. В ходе плановой связи в 4.30 утра он радировал: «Ситуация критическая. С минуты на минуту ожидается объявление войны. Следующий сеанс в 12.30». После полудня он вновь вышел в эфир с передачей из шестнадцати пятибуквенных групп, первой чисто разведывательной информацией: «Самолеты загружаются в Биггинхилле, Хорнчерче, Бленхейме. Регулярное отправление днем и ночью».

Капитан Риттер, обычно скромный и выдержанный человек, едва мог сдерживать свои эмоции. Его рискованное вложение принесло фантастические дивиденды. Он передал текст расшифрованной радиограммы капитану Вихманну, шефу Аст-Х.

– Смотрите, герр капитан, – сказал он, – Джонни работает великолепно. Двадцать восьмого он изучил только Портсмут, а сегодня еще и эти три аэродрома Королевских ВВС. Ясно, что и там у него есть свои валлийцы.

Джонни теперь радировал так часто, как мог, безоглядно, не заботясь о своей безопасности. Помимо сводок погоды он передавал тактическую информацию, главным образом о дислокации ВВС, лично покрывая все аэродромы вокруг Лондона. Кроме того, он передавал данные, собранные его агентами в 35 различных пунктах Соединенного Королевства.

Затем, через три недели после того, как Риттер ввел его в действие, он показал, что может сделать гораздо больше, чем отслеживать число «харрикейнов» в Кройдоне или появление ограды с колючей проволокой вблизи Дувра. Чтобы избежать опасности быть запеленгованным англичанами, Джонни получил строжайшие инструкции передавать тексты не более 400 слов каждый. Но у него была столь важная информация и он так хотел поделиться ею с Риттером, что постоянно нарушал это правило. 18 сентября он вышел в эфир с самой длинной передачей за все время работы. Вот ее текст:

«Личные наблюдения и сведения от инженера фирмы «Филипс», связанного с голландским военным министерством.

Вдоль всего побережья от о-ва Уайт до Оркнейских о-вов ведется монтаж УКВ [ультракоротковолновых] радиостанций для наблюдения за приближением вражеских самолетов. Утверждают, что они способны обнаруживать самолеты с помощью направленных отражаемых радиоволн, испускаемых электромагнитными разрядниками. Принимающее устройство способно с высокой точностью определять расстояние до самолетов и оценивать их количество. Как полагают, сеть состоит из трех частей: авангардной, промежуточной и конечной. Уже действуют станции в Суффолке, Эссексе и Кенте. Их легко опознать по стальным или деревянным вышкам с антеннами. Сооружаются и другие станции. Единственная возможность избежать обнаружения этими радиоволнами, как полагают, это применять нанесение на самолеты так называемых подавителей радиоволн. Попытаюсь получить подробности».

Это была информация исключительной важности. Речь шла об одной из тайн, над разгадкой которой уже давно бились лучшие специалисты абвера и разведывательного управления люфтваффе.

С 1938 года англичане в чрезвычайной спешке вели работы по усовершенствованию радиолокатора, как самого надежного прибора своей противовоздушной обороны. Немцы, в свою очередь, столь же настойчиво пытались узнать, введены ли в действие какие-либо из радиолокационных станций. Установки, о которых сообщил Джонни, не избежали их внимания. С начала 1939 года они использовали для воздушной рекогносцировки Англии сверхсекретную группу самолетов «He-111С» под командованием полковника Гюнтера Ровеля и два специально построенных цеппелина для первой в истории электронной разведки.

Когда были получены фотографии этих вышек с решетчатыми антеннами, генерал Вольфганг Мартини, начальник радиослужбы люфтваффе, сделал заключение, что они не подходят для радиоволн той длины, которую его специалисты считали наиболее подходящей для радиолокаторов. Мартини решил, что, несмотря на оригинальную конструкцию, эти вышки являются антеннами обычных радиостанций.

К началу войны генерал Мартини все еще не знал, имеют ли эти вышки отношение к системе радиолокационного обнаружения приближающихся самолетов.

И вот в этой непроглядной тьме появился проблеск в виде сообщения Джонни от 18-го числа. Он идентифицировал необычные вышки как определенно принадлежащие радиолокационным станциям, а не, как предполагал Мартини, обычным радиостанциям. Он категорически подтвердил, что по крайней мере три из них в Суффолке (Орфорднесс), Кенте (Данкерк и Дувр) и в Эссексе (Кэньюдон) уже действуют. Покров неопределенности был поднят. У немцев появилось доказательство, что данные электронной разведки генерала Мартини были неверными.

Сообщение Джонни произвело на Зофиентеррасе эффект разорвавшейся бомбы. Это были сведения такой важности, о которых любая разведка может только мечтать. Доклад об этом был столь важен, что его передачу в Берлин нельзя было доверить телетайпу. С разрешения капитана Вихманна Риттер лично доставил радиограмму в управление абвера. Он не только хотел удостовериться в том, что сообщение будет передано генералу Мартини, но и желал продемонстрировать фомам неверующим из группы I, что время и деньги, потраченные им на Джонни, когда тот был законсервирован, не пропали напрасно.

Он разыскал майора Брассера, руководителя военно-воздушной разведки абвера, который, хотя обычно поддерживал даже самые необычные проекты, на сей раз выразил скептицизм.

– Это интересно, – заявил он Риттеру, – но пока что это ни о чем не говорит. Запросите вашего Джонни о более подробных сведениях. Только если он сможет сообщить более точные детали об этих загадочных вышках, я соглашусь передать эту радиограмму люфтваффе.

Риттер понимал, что доклад слишком важен, чтобы позволить ему потеряться в берлинских долгих ящиках.

– Герр майор, – произнес он. – Я думаю, что доклад настолько интересен, что заслуживает немедленной передачи в разведслужбу люфтваффе. Насколько вам известно, они так и не смогли выяснить, есть ли у англичан действующая радиолокационная система. Они так и не смогли узнать, для чего служат эти стальные вышки. В разведывательном донесении, может быть, и не содержится разгадка этой тайны. Но я уверен, что в нем есть сведения, которые могут дать ключ к решению проблемы.

Майор Брассер отвел его к своему непосредственному начальнику полковнику Пикенброку.

– Пойдемте со мной, – приказал им полковник. – Я как раз собирался идти к шефу. Мы можем предоставить решение вопроса адмиралу.

Полковник направлялся на регулярный утренний доклад, на котором излагал Канарису сводку последних донесений, полученных за ночь. В этот раз он, как обычно, положил на стол папку со сводкой, но отдельно подал сообщение Джонни, подождал, пока Канарис прочитает его, а затем сказал:

– Есть расхождение во мнениях в отношении этой информации, ваше превосходительство. Риттер хочет отправить ее майору Шмидту немедленно, а Брассер считает, что сведения слишком неопределенные и их нельзя отправлять в таком сыром виде.

Канарис на миг задумался.

– Ничего, – в своей обычной мягкой манере сказал он. – Отправьте это Беппо⁶¹. Посмотрим, что он сможет с этим сделать. – Затем, повернувшись к Риттеру, с легкой улыбкой он добавил: – Наш старина Джонни – молодец. Передайте ему мою личную благодарность, Риттер.

Он открыл папку и стал просматривать сводку донесений Пикенброка. Сверху лежал короткий доклад из отделения абвера в Бреслау, касающийся совершенных пустяков. Остроумный рейнландец Пикенброк, не упускавший случая рассеять «вечную грусть» шефа каким-либо анекдотом или смешным случаем, сегодня положил для разрядки в папку это донесение. В нем говорилось:

«Согласно надежному источнику из Тауенцина, жена синьора Ренцетти, секретаря итальянского посольства, на самом деле немецкая еврейка из Бреслау, девичья фамилия которой Блауштейн. Источник сообщает, что синьора Ренцетти недавно сделала в Риме пластическую операцию, уменьшив свой характерный семитский нос».

Канарис расхохотался.

– Я отложу эти два донесения, от Джонни и из Бреслау, для фюрера, – сказал он с усмешкой. – Это будет доказательством, что мы ничего не упускаем.

Он снова взял радиограмму Джонни, перечитал ее и сказал:

– Знаете, господа, может оказаться, что это ценнейшая разведывательная информация из всего, что нам удастся раздобыть в этой крысиной гонке. Спасибо вам за нее. Это самый лучший подарок ко дню рождения, о котором я мог мечтать.

Было 21 сентября 1939 года, день рождения Канариса. Ровно двадцать лет назад был основан абвер.

---

⁶¹ Беппо был майор Йозеф Шмидт, начальник управления разведки главного штаба люфтваффе. Он был наиболее подходящим каналом для передачи сообщения Джонни генералу Мартини.

Глава 15

ИНТЕРМЕЦЦО НА НАБЕРЕЖНОЙ ТИРПИЦ

Что делает шеф разведки в день начала войны?

Для адмирала Канариса, уютно расположившегося в скромно обставленном кабинете главного управления абвера, день реального начала войны был совершенно обыденным. Он чувствовал себя хорошо. Далеко позади остались дни флотской службы, которая ему никогда по-настоящему не нравилась. Он был доволен тем, что совершил в последние пять лет.

С 1935 года, когда он был назначен руководителем абвера, он превратил свою организацию в гигантскую разведывательную машину. Каким бы ни было ее качество (адмирал считал ее лучшей), но это была крупнейшая секретная служба, возможно, всех времен.

В его штате числились тысячи мужчин и женщин, а его агенты рассеялись по всему миру от Адена до Занзибара. В Соединенных Штатах, хотя они и не были приоритетной целью, действовало несколько агентурных сетей. Пара его агентов внедрилась в отсутствовавший на картах район Бойас в Бразилии, и еще одна группа из двух шпионов находилась у перевала Хайбер, работая с факиром Ипи, самым непреклонным врагом Британии в диком регионе северо-западной границы Индии.

В этой войне не было формального объявления.

«Пограничный инцидент» произошел в Гляйвице, германской территории вблизи польской границы. Сотня с лишним немцев, одетых в польскую военную форму, «напала» на радиостанцию, зачитала свое «воззвание» в прямом эфире, а затем отступила, оставив еще теплый труп одетого в польскую форму бывшего узника концлагеря.

Адмирал Канарис участвовал в этой постановке с самого пролога. Генерал-майор Эрих фон Манштейн, начальник штаба Южной группы войск, отвечавший за планирование польской кампании, выдвинул идею начать войну с фальсифицированной провокации и предложил, чтобы нападение осуществил абвер при участии трех штурмовых батальонов солдат, переодетых в польскую военную форму. Мнимые «поляки» должны были «вторгнуться в Германию», устроить стрельбу в районе Гляйвица и исчезнуть, дав Гитлеру повод для «отражения и преследования» польских агрессоров.

Абвер уделил самое серьезное внимание подготовке операции. Подполковник фон Франкенберг сформировал подразделение, названное «учебкой Франкенберга», из 364 солдат штурмовых подразделений абвера, а старший сержант Кучке подобрал комплекты необходимого обмундирования и амуниции.

Но в 15.00 17 августа Гитлер отнял подготовку *сoup de main*⁶² у абвера и передал ее СС Генриха Гиммлера. Когда Канарис спросил о причинах, Гитлер ответил:

– Я решил раз и навсегда исключить возможность того, чтобы действия вермахта могли быть истолкованы как провокационные.

Абвер все же продолжал помогать в подготовке операции. Вскоре после полуночи 19 августа сержант Кучке на двух грузовиках доставил со складов абвера в Бреслау обмундирование и в Оппельне близ Гляйвица передал его эсэсовцу по фамилии Рац. Подполковник фон Франкенберг дал Рацу список абверовцев, отобранных для операции, но получил ответ, что они больше не нужны. Рейхсфюрер Гиммлер решил использовать только своих эсэсовцев.

Рано утром 1 сентября адмирал Канарис услышал по радио, что подготовленная им военная форма была использована накануне вечером с 20.00 до 20.07. С 4.45 началась акция «горячего преследования».

---

⁶² Решающий удар (*фр.*).

Хотя абвер и лишен был возможности участвовать в этой «специальной операции», осталось еще много других. План польской кампании предусматривал молниеносное вторжение в центральную часть Польши, прежде чем поляки успеют провести мобилизацию. В осуществлении этих планов абвер играл решающую роль. В его задачи входило также предотвращение взрыва поляками мостов и разрушения дорог, необходимых для успешного наступления вермахта.

Еще в апреле Канарис получил от генерала Вильгельма Кейтеля задание подготовить базу для вторжения и быть готовым к 25 августа. Полковник Эрвин фон Лахузен-Вирремонт, начальник второго отделения абвера, сформировал из фанатичных местных немцев 16 боевых групп для обеспечения успешного продвижения вермахта по Польше.

В эту армию отщепенцев входили и группы «саперов». Перед ними была поставлена задача внедриться в польские подразделения, которые должны были минировать мосты и дороги перед наступающими немецкими войсками, и делать вид, что они ставят мины и фугасы, тем самым оставляя коммуникации невредимыми. Команды «Гёргей» и «Бисок» переправляли оружие и взрывчатку для подготовки взрывов на польских ключевых оборонных объектах, которые нельзя было разрушить с воздуха. Были и другие группы, обозначенные разными буквами алфавита, чьей задачей было разрушать взлетные полосы, мосты и железные дороги, резать телефонные и телеграфные провода и, наоборот, предохранять от разрушения мосты, необходимые наступающим немецким частям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.